23/I-14

ЖУРНАЛ «РОДИНА»

в 1993 году в основных рубриках публикует :

Наше исследование. *Земства в России. История казачества. Феномен старообрядчества. Великое Княжество Литовское. Жена Муссолини — подруга Ленина.*

Начало. *Праславяне — кто они? Была ли письменность у славян? Принятие христианства: благо или зло? Куда исчезли половцы и печенеги? Откуда пошла земля русская?*

Антигерои. *Марина Мнишек, Аракчеев, Шуйский, Берия...*

Из истории российских партий. *Анархисты. Дашнаки. Максималисты.*

Фото Виктора Грицюка

Сто народов России. *Обычаи, быт, традиции и праздники народов. Русский национальный характер.*

Неизвестные войны России. *Два спецномера, посвященные первой мировой и кавказской войнам (Неизвестные страницы. Униформа. Знамена. Ордена).*

«РОДИНА»
— это 112 страниц увлекательного чтения для всех, кто любит историю.

Индекс 73325. Цена подписки на 2-е полугодие — 240 рублей (без стоимости доставки).

РОДИНА

2—1993

ISSN 0235-7089

Фото Виктора Грицюка

РОССИЯ-92

Первый Московский фестиваль фотоискусства

Центральный дом художника, «Фотоцентр», галереи «На Солянке», «Нагорная», «ТА-ИС» на Арбате, Музей кино, студии «Диасфера» и «Зоркий» принимали фотографов России и зарубежных гостей.
Тема симпозиума — «Фотография в России: история и современность».
Выставки космической и старинной фотографии Максима Дмитриева.
Аукцион старинной аппаратуры и фотографий.
Семинар «Кодак-Мастер-Класс-93». Встречи и контакты с представителями зарубежных музеев и агентств еще раз доказали, что фотография не нуждается в переводчиках.
Организовали праздник:
Союз фотохудожников России,
Министерство культуры Российской Федерации,
Государственный Российский дом народного творчества.
Им помогали А/О «Славич», м/п «Ковровская глиняная игрушка», фирма «Ажур».

Фото Виктора Широбокова (г. Орел)

Фото Геннадия Бодрова (г. Курск)

Фото Татьяны Романовой (г. Дубна)

Фото Геннадия Бодрова (г. Курск)

Фото Сергея Бурасовского (г. Москва)

РОДИНА

РОССИЙСКИЙ ИСТОРИКО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
УЧРЕДИТЕЛЬ: ВЕРХОВНЫЙ СОВЕТ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

№ 2—1993

Выходит с января 1989 г.

СОДЕРЖАНИЕ

ЮРИЙ КОЗЛОВ

РОССИЯ ВО СНЕ,

ИЛИ ЧЕТЫРЕ ИПОСТАСИ БЕДНОСТИ

Фотографии Александра Беликова

I. БЕДНОСТЬ КАК РЕВОЛЮЦИЯ. Философские и политические воззрения Рональда Рейгана и Игоря Шафаревича различны. Однако двух этих непохожих людей роднит почти что лютеровское (на том стою и не могу иначе!) неприятие социализма-коммунизма как идеологии и общественного строя. Бывший американский президент объявил СССР империей зла. Академик-математик классифицировал социализм как материализованное стремление (волю) к смерти. Не избирательно, надо думать, направленную волю к погублению именно СССР как бывшей России или первого социалистического государства, но вселенского размаха волю к уничтожению жизни вообще. Ибо не может быть у смерти иной воли.

Когда разные люди высказывают одну и ту же мысль, велика вероятность, что они высказывают истину. С ними, конечно, можно спорить, но трудно спорить с тем, что в сознании многих людей по обе стороны железного (тогда уже не экономического, а идеологического) занавеса социализм-коммунизм являлся воплощением мирового зла, причем зла наступательного, теснящего добро (капитализм) если не в Европе и Северной Америке, то в Африке и Латинской Америке. Вспомним публицистику Солженицына той поры. Он бил в набат: стратегическая инициатива за силами зла! Александр Исаевич, подобно римскому папе времен крестовых походов, обвинял государственных деятелей Запада в мягкотелости и преступной пассивности, возвещал разнеженной, заевшейся западной цивилизации неминуемый скорый крах. И ему внимали куда с большим вниманием, чем, скажем, некоему, вскоре погибшему в автокатастрофе Амальрику, автору книги с пророческим названием: «Просуществует ли СССР до 1984 года?»

В фильмах ужасов существует классический прием — мнимого исчезновения зла. Герои, наивно полагающие, что расправились со злом, переводят дух, отирают пот, возвращаются к повседневным делам, как вдруг то самое, «побежденное» зло наваливается с неизмеримо большей изощренностью, беспощадностью, уже не оставляя бедным героям никаких шансов. Становится очевидным, что недавняя «победа» была всего лишь игрой зла. В фильмах ужасов — зеркалах сумеречного сознания — зло почти всегда сильнее людей. И это при том, что там орудуют покойники, привидения, маньяки, в худшем случае выходцы с других планет или из адовых глубин, как правило, не имеющие перед собой гибельных глобальных (в отношении всего человечества) целей.

Что же тогда мировое зло — коммунизм? С чего бы ему вот так в одночасье капитулировать?

Бывший СССР нынче сравнивают с гитлеровской Германией, тоже в свое время олицетворявшей мировое зло. Германия в 1945 году была повержена в результате колоссального напряжения сил союзников. СССР, находившийся в 1985-м едва ли не в зените своего могущества, вскоре растаял как дым, не в результате каких-то сверхъестественных по твердости действий мирового сообщества, а по воле собственных правителей, то есть (если мыслить логично) самых что ни на есть апостолов зла, тех самых «вождей», которым адресовал Солженицын свое знаменитое письмо.

Так мы подходим к лежащей на поверхности, но почему-то упорно игнорируемой мысли: по законам зла (насколько нам отпущено их понимать) зло не может самоуничтожиться без борьбы, зло может мнимо самоуничтожиться только... во имя еще большего и страшного зла.

Можно по-разному трактовать историю человечества. Как движение к Богу. Как движение от Бога. Как растянувшуюся во времени рефлексию чудаков, вроде принца датского или рыцаря из Ла-Манчи. Как движение к справедливости. Как движение от справедливости. Как движение куда-то. Как движение никуда. Мы будем — как движение от бедности.

Бедность, вообще, категория манихейская. Она включает в себя смиренную мудрость и слепую революционную ярость. Честь и бесчестье. Позор и достоинство (честную бедность). Искупление и наказание (по Талмуду — второе по тяжести после наказания смертью). Короче говоря, включает в себя все сущее в той же степени, как не менее манихейские понятия «любовь» или «деньги». Даже в большей. Платон, к примеру, полагал Эроса не сыном Афродиты, но Бедности и Богатства. Краеугольный камень современной христианской цивилизации, конечно же, деньги. Но — в противоестественном союзе с евангельской бедностью Иисуса Христа. Дух протестантизма (классического капитализма) изначально несет в себе фундаментальное противоречие между аморальной сущностью денег и декларируемым благочестием их обладателя; между главной целью жизни — деланием денег и мнимым неолицетворением (сначала добрый христианин, потом все остальное) личности и богатства. Чего тут больше: фарисейства или истинной веры?

Бедность в джунглях Амазонки «консервировала» людей на уровне первобытнообщинных отношений. Но бедность же вынуждала других людей переплывать океан, осваивать Америку. В одном случае она тормозила жизнь, в другом — гнала вперед галопом.

Бедность выводила людей на баррикады, но после того как на знаменах социальных революций вместо: «Свобода — равенство — братство — счастье» явственно прочитывалось: «Нищета — воровство — война — беда», вынуждала производить реставрации, выбирать вместо свободы без хлеба несвободу с непременным приобретением у булочника хлеба по доступной цене. Не революции, но неизбежно следовавшие за ними реставрации с обязательным отсечением всех крайностей позволяли человечеству оставаться на плаву, не погружаться в гибельный хаос, ускользать от бедности. Таков странный круговорот в истории бедности — главной движущей силы цивилизации. Через революцию — от бедности — к реставрации — так обозначим магистральную дорогу человечества.

Однако никогда еще в истории человечества ни

одна революция не осуществлялась как провокация реставрации. Как осознанный отказ народа от хлеба по доступной цене. Как согласный переход населения от относительного благосостояния к почти что библейской нищете. Как отказ от несовершенного, но все же защищавшего жизнь и достояние подданных государства. От бесплатного образования и медицинского обслуживания. Как готовность трудящегося большинства уступить свое имущество кучке никогда не трудившихся негодяев. Как необъяснимое самоунижение, обнажение действительных и мнимых язв великим народом перед всем миром. Как предательский отказ этого самого народа от каждого пятого своего представителя, оказавшегося против собственной воли «за границей». Как ненормальное желание голодать и ходить в отрепьях ради того, чтобы любое ничтожество с Запада (курс доллара) жило у нас по-царски. Как неподдающееся пониманию упоенное соучастие в уничтожении заводов и фабрик, позволявших в прежние годы успешно противостоять бедности. Как радостное стремление размещать у себя вредоносные производства, работать на них (если сравнивать с Западом) задарма. Отдавать природные богатства и недра чужим дядям. Как ласковая снисходительность к ворующим, ведущим страну к гибели правителям и звериная жестокость по отношению к собственным старикам и детям. Единственная вина первых, что не спешат помирать, вторых — что имели несчастье родиться на свет Божий. Никакого обмана тут (как в октябре 1917–го) не было. Революция произошла с согласия народа. Обо всем перечисленном с августа по декабрь 1991 года буквально вопили не только «правые», но и «левые» газеты.

Воистину, доселе не имевшая места быть революция-мутант явилась подобно волку в овечье шкуре в дом поросят, все еще пребывающих в уверенности, что к ним пожаловала добрая овечка, молочка принесла.

Когда в коммунальной квартире сходит с ума семья, занимающая одну шестую ее часть, остальные жильцы вряд ли могут ощущать себя в безопасности и уж тем более ликовать в предощущении освобождения жилплощади. Тихое умопомешательство имеет все шансы перерасти в буйное. Буйнопомешанные, как известно, отличаются ненормальной силой, испытывают наслаждение от самого процесса разрушения. Добровольный переход самой крупной державы в мире к юродству, бедности, умственному и нравственному убожеству (вместо книг, которых отныне не печатают — телевизор!), гражданскому бесправию есть начало перерождения ставшего слишком уж добреньким и беззубым мирового зла (коммунизм) в новое, еще не исследованное качество. То, что происходит сейчас на просторах бывшего СССР, имеет определяющее значение для остального человечества. Мировое зло не приказало долго жить, но выхлестнулось наружу из уставшей его сдерживать, перемалывать в себе России. Больше всего на свете я был бы счастлив ошибиться в своем пророчестве.

II. БЕДНОСТЬ КАК ПРОКЛЯТИЕ. Бедность, являющаяся перманентной трагедией русского народа, в то же время является неиссякающим источником высокого напряжения духовной жизни русской интеллигенции. Спор западников и славянофилов любопытен не столько своим — на столетия — растягом, сколько странной открытостью, незавершенностью. Спорили-спорили, писали-писали, но как будто писали на прибрежном песке. Волна — и вновь девственно чист песок. «Чистота» песка, или, если вспомнить Мао Цзэдуна, белого листа, тем очевиднее, чем неоспоримее победа (на государственном уровне) одной из сторон. Все вдруг идет наперекосяк. Победители словно оказываются в сказочном заколдованном лесу, существующем по сказочному же, иррациональному порядку. Вероятно, лес можно расколдовать, но невозможно исправить законом или силой. Только что страна была полна живых, достаточно энергичных людей, а вот уже и нет никого, под ногами путаются (да еще огрызаются!) человекоподобные скоты, не способные к осмысленному труду, не понимающие собственного счастья. Мы, однако, пройдем мимо «мессианского» варианта объяснения: потому, мол, незавершенность, что слишком уж широк против европейца русский человек, что там, где француз или немец кладут (по Бродскому) «конец перспективе», прекращают (по Оккаму) «умножать сущности без необходимости», русский человек только поднимает очи горе, приступает (без малейшей необходимости) к умножению четырехзначных сущностей. Остановимся на том, что причина незавершенности спора между западниками и славянофилами — в неснимаемом проклятии неизбывной бедности, тяготеющем над Россией. Потому-то вот уже столько лет подряд образованные русские люди напряженно ищут пути к облегчению участи несчастного народа, а вместе с ним и собственной участи.

Белинский: «Россия видит свое спасение не в мистицизме, не в аскетизме, не в пиетизме, а в успехах цивилизации, просвещения и гуманности. Ей нужны не проповеди (довольно она слышала их), не молитвы (довольно она твердила их), а пробуждение в народе чувства человеческого достоинства... ...По-вашему, русский народ самый религиозный в мире: ложь... Приглядитесь попристальнее, и вы увидите, что это по натуре глубоко атеистический народ».

Гоголь: «Дивись, сын мой, ужасному могуществу беса. Он во все силится проникнуть: в наши дела, в наши мысли и даже в самое вдохновение художника. Бесчисленны будут жертвы этого адского духа, живущего невидимо, без образа на земле. Это тот черный дух, который врывается к нам даже в минуту самых чистых и святых помышлений».

Отчего же Белинский? Да оттого, что, будучи одним из самых ярких и страстных западников, больно уж хорошо высветил суть идеи. Отчего Гоголь? Да оттого, что не только как славянофил оппонировал Белинскому, но, по свидетельству современников и мнению позднейших исследователей, в частности Мочульского, Гоголь как бы жил, физически ощущая присутствие в действительности мирового зла, как бы являлся медиумом, провидел страшную силу, которая за чертой разума и которая — история это блистательно подтвердила — изрядно влияет на судьбу России.

Белинский видел конкретное, земное, социальное зло. Гоголь — зло «без образа», «живущее невидимо», от которого нет спасения ни философу Хоме Бруту, ни любому другому человеку, пока душа его не исполнится совершенства. Белинский звал исправить социальные условия. Гоголь — саму человеческую душу, чтобы зло отскакивало от нее как от стенки горох.

Беда, но одновременно и постоянный стимул к умственной жизни русской интеллигенции заключается в трагической разорванности сознания между «самый религиозный» и «глубоко атеистичный». С одной стороны, Достоевский с его «слезинкой ребенка». С другой — Степняк-Кравчинский с его: ужаснее террора может быть лишь одно — безропотно сносить насилие. Русский народ с готовностью подтверждал оба тезиса. С таким нечеловеческим терпением сносил насилие, что хотелось верить в исключительные свойства его души. Но жизнь упорно опровергала. На этом «сломался» Лев Толстой. Это вносило смятение в умы. Движение вперед не ладилось, как если бы между колесами отсутствовала ось. Каждое крутилось само по себе, а телега стояла на месте.

Бесконечное варьирование тезиса западников о необходимости исправления социальных условий и антитезиса славянофилов о необходимости исправления души неизбежно привело к крайнему обострению и одновременному вырождению долгого спора.

В коммунистическую эпоху спор был задвинут внутрь как болезнь, тлел исподволь в накладных марксистских бородах и ленинских лысинах, но то, как коммунисты закрыли тему — через интернационализм (западничество), колхозы (славянофильство), а также воспитание «нового человека» (вместо религии), — не устроило ни одну из сторон.

Обострение спора выразилось в крайней степени озлобления спорщиков, выведения его за рамки некоей единой ранее для западников и славянофилов религиозной нравственности.

Вырождение — в самом состоянии сегодняшней духовной жизни общества.

В доведении до абсурда современными западниками — правителями России — технической стороны реформы при подчеркнутом невнимании к ее моральной стороне. Пятьсот дней! Нет? Тогда триста! Программа Шаталина! Опять не то? Явлинского! Гайдара! Шумейко — Шохина! Приватизация минус разукрупнение! Не годится? Тогда свободные цены в свободной стране плюс монополизм производителя! Схемы, программы, концепции уподобились набору кубиков, которые можно как угодно складывать и перекладывать. И все бы ничего, если бы каждое новое сочетание кубиков не вело народ к еще большей бедности.

Нынешние последователи «неистового Виссариона» суетятся, щедро раздаривают обещания о процветании к концу лета. Их оппоненты, напротив, пребывают в умственном ступоре, не могут сформулировать внятную, толковую, понятную народу программу развития страны даже сейчас, когда экономический и духовный кризис в России достиг предельной остроты.

Дело тут, конечно же, не в том, что вторые глупее первых. Первые — уже сорвали банк, и теперь им важно не показать пустых карт. Вот они и забалтывают обобранных партнеров. Вторые молчат, потому что отчетливо сознают умозрительность основного славянофильского тезиса об исправлении души.

Душа человека изначально несовершенна. И прежде дело с исправлением подвигалось туго. Сейчас, похоже, окончательно застопорилось. Да и не будет народ слушать про душу. А без души... что? Набор слов, риторика, чем-то неуловимым напоминающая прежние коммунистические заклинания. Есть, конечно, чем заменить посыл о душе, но это уже будет другое учение. Столь же отличное от традиционного славянофильства, сколь отлично от традиционного западничества то, что исповедуют западники нынешние. Их программа построения капитализма посредством бедности насквозь цинична. Программа (если ее можно так назвать) нынешних славянофилов — насквозь утопична. Последним экономическим утопистом, как ни странно, явился бывший премьер Павлов, высказавшийся в том духе, что порядки-де у нас хорошие, а вся беда в людях. По Павлову — исправятся люди, и все наладится! Да ведь это же Гоголь!

Только никто и не показал всей иллюзорности веры в исправление души с таким отчаянием, как бесконечно веривший в это самое исправление Гоголь: «Или для человека есть такая черта, до которой доводит высшее познание... через которую шагнув он уже похищает не создаваемое трудом человека, он вырывает что-то жи-

вое из жизни, одушевляющей оригинал? Отчего же этот переход за черту, положенную границею для воображения, так ужасен? Или за воображением, за порывом следует, наконец, действительность, — та ужасная действительность, на которую соскакивает воображение с своей оси каким-то посторонним толчком, — ужасная действительность, которая представляется жаждущему ее тогда, когда он, желая постигнуть прекрасного человека, вооружается анатомическим ножом, раскрывает его внутренность и видит отвратительного человека?»

Собственно, вот тут суть русского человека, более похожего, впрочем, на лабиринт. В России невозможно исправить жизнь (победить бедность) посредством социальных преобразований в силу человеческих (но по достижении власти уже как бы и не человеческих, а демонических) недостатков тех, кто эти преобразования проводит. Исправить же человеческую душу решительно невозможно в силу изначального — со времени изгнания Адама и Евы из рая — несовершенства этой самой души. А можно и так: *между Белинским и Гоголем нельзя однозначно выбрать, их необходимо объединить в душе.* Отчего-то простейшее это (как первый в жизни половой акт) дело, легко давшееся народам Европы, не заладилось у народа русского. Затянувшаяся «девственность», с одной стороны, может быть, и свидетельствует о духовной чистоте, но с другой — о странных изменениях в психике и нервной системе. Или: до тех пор, пока в душе народа борются два человека — «прекрасный» и «отвратительный», народ обречен на бедность и неустройство. Смирив их в своем сознании, народ успокаивается, побеждает бедность, но отдаляется от Бога. Или: славянофилы без тезиса о душе — шпана; западники с пониманием прогресса как бедности и воровства — шпана; Россию выведет из тупика (лабиринта) новая — «третья» — интеллигенция. Да только где она?

Как бы там ни было, в том, что сейчас происходит у нас, есть сокровенное благо: по части бедности интеллигенция вплотную приблизилась к народу и даже опередила его. У нее появился редкий шанс не подтолкнуть в очередной раз народ к пропасти очередной утопии, но, разделив с ним судьбу, помочь выкарабкаться.

III. БЕДНОСТЬ КАК ПОДЛОСТЬ. Есть польза в чтении летописей. Из них можно узнать, что древние люди еще Хеттской державы или Шумерского царства двумя самыми страшными и непростительными прегрешениями полагали: расчленение страны и бедность подданных. «Новое мышление», естественно, откорректировало «процесс», однако сознание народа меняется куда медленнее, чем мотыльково-долларовое сознание политических деятелей. Скорая установка золотого памятника бывшему президенту СССР представляется мне проблематичной.

На нынешнем витке своей истории русский народ мистически объединил в себе судьбы двух, наверное, наиболее близких к себе народов — немецкого и еврейского. Немецкого — потому что Россия сейчас как проигравшая в 1945 году войну Германия. Ее хоть и слегка подкармливают, но упорно навязывают образ проигравшего войну государства со всеми вытекающими из этого последствиями, включая изменение границ. Еврейского — потому что, пожалуй, впервые в мирное время русский народ оказался гонимым по признаку крови на территориях исконного своего проживания — в бывших губерниях Российской империи, республиках СССР, нынешних независимых государствах и государствах СНГ.

Революционность ситуации в том, что русские не проиграли, в отличие от немцев, войну и не скопили, в отличие от евреев, богатств, которыми помимо всего прочего желали бы поживиться гонители.

Таким образом, русские сейчас, как, впрочем, и всегда, расплачиваются не за совершенные преступления, но за превосходящее меру терпение, необъяснимую радостную готовность страдать, как если бы в генетическом коде народа значилось «быть принесенным в жертву». За слабость духа и, не побоюсь сказать, за трусость. Расплачивается народ-агнец не только виною в отсутствии вины, гонениями в отсутствии поводов для гонений, но главным образом бедностью в богатейшей природными ресурсами, перенасыщенной промышленностью, с самыми большими в мире пахотными площадями стране. Что-то дьявольское есть в том, что объявившее первейшей своей задачей покончить с бедностью правительство повсеместно и с неслыханной быстротой насадило стремительно прогрессирующую бедность.

Бедность государства и бедность подданных — две разные вещи.

СССР, будучи богатым государством, с помощью военных технологий, ядерных ракет — на что уходила львиная доля бюджета — защищал бедную жизнь подданных, как сейчас выяснилось, от еще большей — запредельной бедности.

Когда бедным в одночасье становится большинство населения страны, в обществе резко меняется психологический климат. Это уже не та страна, что раньше.

Бедность на бытовом уровне означает невозможность осуществить элементарные человеческие желания — купить утюг, съездить на море, одеть по моде детей, принять гостей, похоронить по-христиански родственников. Это тем более непереносимо, что еще пять лет назад не вызывало никаких затруднений. Все идет к тому, что годы «застоя» скоро будут восприниматься в народе как дореволюционная жизнь после революции. В самом деле, вспоминаю многих знакомых людей. С каждым застойным годом они жили лучше и лучше: въезжали в новые квартиры, покупали машины, строили дачи, не говоря о таких не стоящих упоминания мелочах, как поездки на курорты и замена мебели. Не помню никого, кто бы стал жить хуже.

Бедность разрушает семью — основу государства. Мужчина теряет авторитет как старший в доме. На зарабатываемые им деньги невозможно прожить. Бедность преждевременно сушит, старит женщину, сообщая ее лицу угрюмо-безысходное выражение. Уродует психику детей, возбуждает в них презрение к нищим родителям, а в родителях в свою очередь — неприязнь к «думающим только о себе» детям, в особенности к подросткам.

Бедность сводит на нет культурную жизнь. Издательства, журналы, театры, библиотеки, консерватории закрываются. Новые богатеи предпочитают иной досуг. Существование вырождается в простейшую уголовную вертикаль: чем злее, примитивнее, наглее, тем больше шансов выжить и преуспеть. Чем совестливее, умнее, добрее, тем, соответственно, меньше. «Скажите откровенно, сколько берут ваши чиновники за регистрацию?» — спрашивает тележурналист у представителя власти. Тот мягко улыбается, пожимает плечами, не обижаясь на странный вопрос. Самые униженные и оскорбленные в стране сейчас те, кому нечего красть — представители творческого труда: ученые, актеры, писатели, музыканты.

Как раньше в жизнь входила, обессмысливая ее, коммунистическая идеология, так сейчас жизнь обессмысливается бедностью, с которой, в отличие от идеологии, невозможно честно бороться. В бедность загоняют подлостью. И победить бедность можно только подлостью. Редакторы более не редактируют рукописи, но ищут чернуху, порнуху и крутые детективы. Издатели не издают книги, но режут бумагу на стандартный формат для продажи — так выгоднее. Рабочие в цехах не производят продукцию, но ищут, кому бы продать станки, чтобы выручить денег хотя бы на месяц.

Бедность несовместна с гражданскими добродетелями, но весьма совместна со всем порочным, что только можно встретить в жизни.

Бедность — бомба с включенным часовым механизмом, заложенная под фундамент общества. Те, кто закладывали, думают, что успеют скрыться до взрыва. Это ошибка. Осколки этой бомбы летят сквозь годы и не по человеческому, но Божьему суду находят подрывников.

Бедность — джинн, которого легко выпустить из бутылки, но почти невозможно загнать обратно. У бедных нет будущего, только прошлое. Похоже, это про нас с вами.

IV. БЕДНОСТЬ КАК СОН. «Как бы ни были могучи дарования народного гения и как бы ни были глубоки его откровения, откровения эти бессильны и бесплодны, пока они остаются только мистикою пассивных переживаний. Эта мистика, не воплощающаяся в дело и ожидающая только как дара свыше того нового царства, которое силой берется, легко вырождается в вульгарную мечту о царском богатстве, «о хитрой науке, чтобы можно было ничего не работать, сладко есть и чисто ходить». Мечта эта оказалась сильною в жизни именно оттого, что у нее есть глубокий мистический корень в русской душе. Связь между усыплением народного духа и торжеством воровской утопии совершенно очевидна. Где светлые силы дремлют и грезят, там темные силы действуют и разрушают. И оттого-то современная Россия оказалась в положении человека, которого разворовали в глубоком сне», — написал русский ученый и философ Евгений Трубецкой.

Владимир Соловьев полагал сказку, сон окном в другой мир.

Не избавиться от ощущения, что Россия на исходе века вознамерилась посмотреть вторую серию сказки-сна. И называется вторая серия точно так же, как и первая, — «Торжество воровской утопии». Только в 1917-м пограбливал народ. Сейчас его самого пограбливают.

«И сказал воевода, сев на город: «Все мое!» — «Как твое?» — изумились жители. «Так мое», — застенчиво улыбнулся воевода. И жители согласились».

Ведь и впрямь живем, как спим, как в сказке. Счастье, деньги, иномарки, красны девицы — все прохиндеям да ворам. «Пусть владеют! Бог с ними». — «Да почему же это Бог с ними?» — «А потому что будут гореть в аду!» — «Но это когда еще. А пока-то нас разоряют-разворовывают! Под суд!»

А вот у Гоголя и про наш русский суд: «Правосудие у нас могло бы исполняться лучше, нежели во всех других государствах, потому что из всех народов только в одном русском заронилась эта верная мысль, что нет человека правого и что прав один только Бог». То есть почти что по Чехову про пальто, которое то ли сам украл, то ли у него украли. У нас, у нас украли, а нам все снится, что пальто на нас. Где-то тут и незабвенный Василий Васильевич Розанов с удивительно точным замечанием, что русский человек — хороший человек, добрый, да только отчего-то все время спит.

И, добавим от себя, нехорошо как-то спит. Зло пришло по его душу, а он пускает во сне пузыри, во сне же грозит злу пальчиком: ужо я тебя! Видимо, полагает, что если сам спит, то и зло не иначе как ему снится.

Непротивление злу сном.

Но ведь и как сон-то витиеват! Кроме воеводы-вора-колдуна тут и царь-богатырь — народный заступник, который как бы тоже спит. И никак не проснется, чтобы окоротить обидчиков народа. Есть и баба Яга. Да не одна. Хочешь — помоложе. Хочешь — постарше в очках. Есть дурак-болтун, которого царь то ли со сна, то ли спьяну назначил своим помощником. Есть и продавец пиявок Дуремар. И Добрыня в усах. Много чего есть. Есть даже уже и не царь, а неизвестно кто, какой-то путешествующий по миру Чичиков, оставивший в своей стране мно-ого безответных мертвых душ, а в чужих торгующий мертвыми идеями. Тут и полцарства... за что? Неужто за коня? Тут и работнички пришли за денежками, а нету их, нетути, угу-гу денежки!

...Не птицей-тройкой видится нынче Русь, но сомнамбулой, ухватившейся за бороду несущего ее злого волшебника Черномора. И нет сил ни дернуть окаянного за бороду, чтобы опустил на землю, ни разжать пальцы — авось землица мягкая!

Хорошо летим!

ПРЕДСТАВЛЯЕМ ЖУРНАЛ

«РУССКОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ»

РУССКОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ

НЕЗАВИСИМЫЙ РУССКИЙ ПРАВОСЛАВНЫЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ЖУРНАЛ

ПЯТЫЙ ГОД ИЗДАНИЯ

НЬЮ-ЙОРК · МОСКВА · ПАРИЖ

1982 (IV) ВЫХОДИТ ЕЖЕКВАРТАЛЬНО № 20

Готовиться к празднованию 1000-летия Крещения Руси русская православная общественность зарубежья начала задолго — за двенадцать лет. По инициативе отца Александра Киселева начали устраиваться летние съезды, посвященные предстоящему юбилею, а с 1978 года получил путевку в жизнь и журнал «Русское возрождение». Он был основан протоиереем о. Александром и К. И. Киселевыми, И. Э. и А. Н. Федоровыми по благословению Русской Православной Церкви за рубежом.

Журнал «Русское возрождение» посвятил свои страницы «...достижению великого русского церковно-земского примирения и согласия в России, в русской жизни и мысли». Эти слова принадлежат отцу Дмитрию Дудко, с которым мы сносились через все преграды тех лет. Из его письма о понимании задач задуманного журанала мы целиком взяли эту фразу.

От согласия, единодушия, единомыслия в нашей русской жизни, от осмысления их необходимости для успешного построения своего национального русского дома зависит успех всех переустройств, начиная от моего собственного «я» и кончая всей Россией.

Журнал «Русское возрождение» ставит задачу быть собирателем и глашатаем духовных чаяний нашего народа. Воспринимая православное христианство и национальное самосознание как основные элементы нашего отечественного бытия, мы утверждаем необходимость их нераздельности в нашем историческом будущем.

Наш журнал стремится не входить ни в какие политические «блоки» не потому, что ие находит ни там ни там известной правды, но потому, что эти блоки — деление, а не единение. Мы хотим звать «не против, а выше».

МИЛИЦА ХОЛОДНАЯ,
главный редактор журнала «Русское возрождение»

МИХАИЛ ЯНСОН

Христа ради юродивые на Руси

(XIV—XVI вв.)

Среди великого сонма святых, воссиявших на земле Русской, многочисленными именами выделяется особый лик — юродивые. В то время как православный Восток считает их единицами, Святая Русь имеет их десятки.

Подвиг юродства о Христе, являясь одним из труднейших, мало понятен людям, живущим обычной мирской жизнью. Несоизмерим он, невместим в рамки обыденного сознания. Да и сами святые юродивые приложили старание к тому, чтобы сделать свой подвиг еще более непонятным, необъяснимым с логической точки зрения. Они приходили в города и села «ругатися миру».

Такое отрицательное отношение к миру выражалось в том, что они отказывались от общепринятого образа жизни, от крова над головой, от забот о завтрашнем дне, об одежде, пропитании, делались нищими, бесприютными скитальцами. В этом отказе от мира святые юродивые шли еще дальше, они отбрасывали весь мир практических понятий, в которых живут люди, всю чувственно-разумную жизнь свою и принимали на себя вид человека, лишенного обычного, здравого ума. Их «безумствования» носили самый разнообразный характер. Одни из них ходили почти нагими и зиму, и лето, другие, наоборот, носили шубы, никогда не снимая их. Иногда они двигались особым поскоком, подпрыгивая, делая те или иные странные телодвижения. Носили на головах железные колпаки, на спинах мешки, набитые камнями, или железные цепи на голом теле, заклепанные в кузнице так, что их нельзя было снять без помощи слесаря, или, например, три кочерги в руке. Их поведение тоже носило необъяснимый характер. Так, иногда они могли начать гасить свечи во время богослужения в храме или на людной площади в дни особо строгого поста есть мясо.

Они редко поучали связной речью. Чаще это бывали краткие, скупые на слова, но сильные, складные фразы, или как будто бессвязное бормотание, в котором надо было ловить и угадывать часто очень глубокий смысл, или провидческое предсказание, облеченное обычно в какую-нибудь иносказательную форму.

Русский народ особенно возлюбил этот вид подвига о Христе. И понять, почему юродивые пользуются такой народной любовью, почему они так близки душе его, можно, только осознав особенности, характер народа, сложившийся в тех исторических условиях и в той географической обстановке, в которой возрастал и самоопределялся народ.

Спайка многих племен в одно могучее целое шла трудно и болезненно. Порядок престолонаследия среди многочисленных русских князей был таков, что вызывал непрерывную борьбу их между собою, переходившую в кровавые столкновения, так называемые «удельные усобицы». Несколько цифр лучше всего разъяснят трудности, через которые проходило образование великого национального государства. За двести лет (1228—1426) Северная Русь вынесла 90 внутренних усобиц, а внешние войны заняли 160 лет. И это при частых моровых поветриях (повальных заразных болезнях), неурожаях и неисчислимых пожарах деревянных городов.

Еще из сотни лет (1492—1595) войны со Швецией, Ливонией, Литвой и Польшей заняли 50 лет, т. е. год войны чередовался с годом отдыха, и мир был случайностью.

Мудрено ли, что в таких условиях мечтает русский народ о силе могучей, чает подвига богатырского: раскидать бы всех ворогов-супостатов, а главное — татарву поганую. И вот в светлых грезах народного эпоса, в его «Былинах», выезжают на широкие просторы родной земли бесстрашные богатыри. Богатыри набожны, не чужды учения, знают уставы. «Он крест кладет по–уставному, поклоны дает по–ученому». Но безудержны они в размахе своей силушки, одержимы ее стихийностью. Тяжело не только врагам от этой непомерной, земляной силы богатырской, но и окружающим, и даже близким родным. А от неуемной заносчивости, самохвальства страдают и они сами, хотя потом и предаются самобичеванию, впрочем бесплодному, не влекущему за собою исправления, изменения. И это потому, что не они владеют силой, но одержимы ею.

Географическим и общественным особенностям края соответствуют и особенности характера богатырей.

Окско-Волжский край имеет своим представителем Илью Муромца, крестьянского сына. Он служит родной земле и на заставах богатырских, и в поездочках. Защищает убогих и сирых. Держит больше сторону нищей братии, идя в этом даже против князя Владимира.

Васька Буслаев принадлежит всецело вольному городу — Господину Великому Новгороду. Там собирает он вольницу, ушкуйников для набега и разбоя, там же, среди родного города, на Волховском мосту, устраивает он великое побоище, в котором едва не убивает своих дядю и мать.

Многоразличны образцы богатырей, которые породил русский народ и которыми наполнил свои «Былины», но, верный глубокому чутью Правды Божией, зачеркнул он эти произведения своего детства. Что-то в богатырских образах, столь близких, дорогих и любимых, оказалось не соответствующим Правде Вечной.

Горды, хвастливы силой, которую они присвоили, посчитали своей, а не Божией, были богатыри,

а потому и истребил их народ. В сказании о том, как перевелись богатыри на Руси, говорится, как в одержании стихийностью, в опьянении непомерностью силы хвастали они: «подавай нам Силу Нездешнюю, мы и с тою силою справимся». Сила Нездешняя, Небесное Воинство Правды Вечной, явилась на дерзкий вызов, и в безумной борьбе с Нею погибли богатыри на Руси.

Попыткой примирения богатырей с Правдой Божией является странный образ «калик перехожих» — богатырей в странствии, богоугодных делах, в убожестве и смирении. Наименование их происходит от названия обуви, в которой они странствуют. «Калики» проходят по дорогам, которыми проезжают богатыри, помогают им, учат уму-разуму. Иногда они поставляют в богатыри, как, например, Илью Муромца. Однако неотчетлив, противоречив этот фантастический образ, только чреват каким-то чаянием, надеждой. «Калики» исчезают вместе с исчезновением богатырей, и симпатии народа, переходящего от сказок детского возраста к романтике юности, переносятся на вполне реальных странников, калек-убогих, нищую братию. Странствуют они по раздорожьям безграничной равнины, точно гонимые ветром осенние листья, и вслед им с тоской и надеждой устремляется сердце русского человека.

Беспокоящее и беспокойное стремление к странствию свойственно, быть может, изначально русскому народу, и оно сделало то, что даже в самых искаженных формах странничества находит народ что-то близкое, родное, что с любовью и какой-то надеждой прижимает к своему сердцу.

Мил ему всякий бродяга, даже беглый каторжник. С самозабвенным умилением распевают люди всякого звания про «омулевую бочку», в которой плывет беглец через «славное море, священный Байкал», или как бредет он «по снежным степям Забайкалья».

Дорог народу «ходок», ищущий новые, лучшие места, в которые могли бы переселиться его односельчане, страдающие от того или иного социального или стихийного утеснения. Дорог он своей верой, которая ведет его, что «есть где-то птица Гамаюн сладкогласная... и живет всяк человек в довольстве и справедливости», как говорит Касьян*. Он добавляет: «И не один я грешный, много других хрестьян в лаптях ходят, по миру бродят, правды ищут».

Такое странствие, ради искания Правды, было свойственно простому народу во все века, вплоть до самого последнего времени. И хотя это было исканием Правды во внешнем мире, все же оно приводило к нахождению иных, непреходящих ценностей.

«Стопой неспешною», по селеньям, городам русским ходил Влас, родной и привычный с детства образ.

В армяке с открытым воротом,
С обнаженной головой,
Медленно проходит городом
Дядя Влас — старик седой.

На груди икона медная:
Просит он на божий храм...

Это особый вид подвига — в странствии собирать подаяния на построение или обновление церквей. Питаясь сам Христовым именем, такой сборщик принимал пожертвования самые минимальные, ничтожные крохи, самой мелкой монетой, посильной для трудящегося бедняка, и

...из лепты трудовой
Вырастают храмы божии
*По лицу земли родной***.

Нищая братия, сирый, убогий, бездомный странник — не только близкий и родной. Его существование необходимо для душевного здоровья русского человека. «Нищелюбие» однозначно для него с «человеколюбием». Любит, жалеет нищего, сирого, калеку убогого народ. «Нищий богатым питается, а богатый нищего молитвой спасается». Здесь таинственное взаимодействие одних частей живого, целого организма на другие. Нищий — лучший богомолец, молитвенный ходатай. Поэтому, стыдливо протягивая свое скромное подаяние, просит простой человек помолиться, помянуть родителей. На ярмарках, в самой гуще базарной толпы и шумного торга, мирно располагался кружок нищей братии, слепцов и под надрывающие душу звуки жалкой скрипки или скрипучей лиры пели они «Вечную память», «Со святыми упокой», молясь о душах тех рабов Божиих, имена которых поминались подходившими людьми. Пели они и духовные стихи, под тот же скорбный аккомпанемент, и не уставал русский человек внимать этой музыке, волнующей его чуткую к потусторонним зовам душу.

Подающий нищему милостыню вовсе не помышляет как-либо исправить зло несправедливого распределения богатств, улучшить общественное благосостояние. Здесь ценится момент взаимодействия, осуществления братской любви, в непосредственном соприкосновении рук дающего и принимающего.

Странствовали не только нищие. Люди всех слоев русского общества время от времени предпринимали странствование на богомолье, главным образом по чтимым монастырям, более или менее отдаленным, вплоть до Иерусалима, и по преимуществу пешком. Это было обычаем широко распространенным. И к этому странствию углубленно-молитвенно и сосредоточенно-деловито готовился русский человек.

Того, кого любит русский человек, он хотел бы видеть странником. Льва Толстого хотел видеть странником гимназист, умолявший его в письме своем уйти в странствие. Хотел этого и Репин, написавший портрет Толстого в образе странника. Так же хочет видеть народ и Царя Александра I в образе странника Феодора Кузьмича.

То зерно истинного, полноценного золота, что есть в странничестве, состоит в стремлении, которое может остаться и неосознанным, видеть окружающее в новом освещении, свободным от привычной, временной, личной окраски, затемняющей видение вещей в их истинном, Божественном свете. Странничество должно быть не бесцельным бродяжничеством, но духовным подвигом.

* И. Тургенев. Касьян с Красивой Мечи..
** Н. Некрасов. Влас.

Вероятно, ради такого подвига странствовал 50 лет Павел, ученик преп. Сергия Радонежского. Из этих лет три года он жил в дупле липы. В дальнейшем основал свою обитель на Обноре, в которой и преставился 112 лет — 10 января 1429 года.

Двадцать лет странствовал по пустыням преп. еп. Кирилл Новоезерский, босой, питаясь травой, ягодами, сосновой корой. Такое странничество может быть и независимым от перемены физического места, оно в обогащении внутренним опытом. Это — «духовное странничество», взыскание истинного Отечества, и противоположно оно «духовной оседлости», неподвижности в устоявшемся укладе, дремотном уюте. «Странничество есть отлучение от всего с тем намерением, чтобы сделать мысль свою неразлучною с Богом», — говорит преп. еп. Иоанн Лествичник. Вероятно, инстинктивно ощущая правду странничества, но, может быть, и уклоняясь в душевность в ущерб духовности, придавая романтический ореол странничеству, народ хотел видеть в нем какое-то достижение, полное разрешение волнующих вопросов.

Действительно, странник покинул застывший уют обихода, он уходит, зорко оглядываясь, ища прозоры иного бытия. Он освобождается. Живет Христовым Именем, бедный, бездомный, бездумный о мирском. Он ищет облагодатствования в святых местах и стремится к ним, как птица на перелете к иным землям. Но он еще не достиг, только стремится к достижению, освобождается, но не свободен окончательно. Полноту благодатного завершения странничество получает в посланничестве. «Как послал Меня Отец, так и Я посылаю вас»... Быть может, только слепец-странник наиболее приближается к чаемому народом посланцу. Слепец-убогий, его странствие невольное, не самочинное, оно почти посланничество или могло бы быть таковым.

Чаяние посланцев, помощников свыше, должно было быть особенно сильным в XIII—XIV веках, когда русский народ сам был невольным странником на своей земле, теснимым с запада, гонимым и порабощаемым с юга и востока. С этими внешними бедами совпали и внутренние нестроения.

К этому времени христианство было уже всеобще распространенным, но ему грозила опасность грубой материализации. Остатки язычества сказывались в крайностях обрядоверия, многочисленных суевериях. Крепка была вера в силу внешних средств, во внешнее благолепие, в котором и возникала оседлость, уют душевный, клонящий в дрему.

Так обстояло дело в области религиозной.

В сфере моральной было еще хуже. Собирание земельных и других благ Москвою и всеми, кому это было доступно, совершалось беззастенчиво, путем интриг, подкупов, насилий, убийств, т. е. с полным нравственным одичанием. Покупной ханский ярлык покрывал всякую неправду.

В своих усобицах князья тоже не стеснялись никаких средств. Для осуществления своекорыстных интересов они призывали татарские отряды и с ними совместно грабили, жгли и разоряли родные города и села. Их бесчувственностью и бесстыдством в родственных отношениях возмущались иногда даже татары. Чванное местничество шло об руку с крайней униженностью, низкопоклонством, угодничеством. Князья называли себя «холопами вольного царя — хана ордынского».

В церковной области нестроения выражались в формах «святокупства», «грабежа попов» и всякого рода «несытого взимания».

В монастырях скопляются неисчислимые земельные и иные богатства, настолько грандиозные, что это ставило государство в трудное положение. Конечно, наличие таких богатств не могло не оказать своего разлагающего воздействия в монастырях. Падение нравов особенно сказывалось в монастырях городских и пригородных, подверженных непосредственному растлевающему влиянию мира. Да и все монастыри, поскольку они владели угодьями, погружались в мирскую сутолоку купли-продажи, со сложной системой приобретения, отчуждения и управления земельной собственностью.

Картина нестроений не будет полна, если обойти молчанием жизнь городов того же времени. Она была грубой, полной неправды, дикого насилия, лихоимства, корыстолюбия, грабежа на улицах, убийств. Отсутствовала развитая общественная жизнь, не было органов общественного мнения, общественной совести. Отсутствовала возможность общения путем слова. Впрочем, словом и нельзя было произвести того сдвига, который был необходим. Надо было встряхнуть душу народную каким-то мощным толчком да так потрясти ее, чтобы это запомнилось на века.

Такой подвиг ураганного потрясения народа и был выполнен юродивыми о Христе. Они приходили на многолюдные торжища «ругатися миру», проходя шумными улицами, вступали с миром в борьбу, в которой они были беспощадны только к себе. Своим образом, непонятным, чуждым, диким для мира, они и потрясали мир без слов или в сопутствии с невнятным бормотанием, в котором только с трудом можно было улавливать намеки на связную речь.

Миру явили себя юродивые во время общего упадка, время узких чувств, мелких интересов. Среди внешних бедствий и внутренних нестроений люди становились робки и малодушны, покидали высокие помыслы, возвышенные стремления. И вот среди такого общего снижения уровня жизни юродивые приняли на свои плечи тяжесть слабостей и грехов других и в своем подвиге претворили их в силу и святость.

Приняв на себя самый осужденный, самый отверженный вид — похаба, нечестива, грешника и внезапно прорезая тьму этой отверженности молниями прозорливости, целений, чудотворений, они показывали дей-

ствием, живым образом, что принятое мнение, что якобы «без телесного благообразия невозможно достижение внутренней лепоты», — неправильно. Телесное не определяет внутреннего. «По бороде Авраам, а по делам хам», — говорил блаженный Максим купцам и знати московской. Краткими, лаконическими формулами, вроде: «всяк крестится, да не всяк молится», «божница домашняя, а совесть продажная», — поучал он людей тому, что ни иконописное благолепие, ни благочиние церковное, со службами по уставу, ни поклоны и кресты, ни «вклады по душу», ни постная пища, т. е. ничто внешнее, само по себе, не может стяжать Духа...

Святые юродивые явились как помощники русскому народу в трудный момент выявления национального лица, созидания национального русского государства. Они пришли в самую толкотню и смятение шумных торжищ мира. Туда, где попирается Правда Вечная, где обижены малые, оскорблены слабые, умучены бессильные.

ВАСИЛИЙ БЛАЖЕННЫЙ

Шестнадцати лет оставил Василий родительский дом и ушел ругатися миру. Нагой зиму и лето, без крова и пристанища, кроме церковных папертей, в тяжких веригах, нес он крест отвержения от всего, включая и самого себя. Говорил мало, не поучал словом, но преимущественно иносказательно, образно, а главное, своим собственным видом.

В 1547 году предсказал страшный пожар московский, от которого сгорели оба города, старый и новый, храмы, дворец великого князя... «медь яко вода разливашася». Проходя по улицам, обнимал и со слезами целовал углы домов, в которых происходили гульбища и пьянство, и кидал камнями в стены домов, отличавшихся благочестием обитателей. Спрошенный о причине такого странного поведения, объяснил, что видит ангелов, изгнанных из домов разгулом греховным, сидящих снаружи домов и плачущих. Вне дома благочестивых, напротив того, сидят бесы, которых

он и оттонял прочь.

На пиру у Царя Василий поднесенное ему, как знак особого почета, вино с царского стола два раза подряд вылил за окно. Разгневанный Грозный потребовал объяснения, и блаженный ответил, что он заливал пожар в Великом Новгороде, причем он назвал горевшие концы. Царь немедленно послал нарочного гонца в Новгород, который, вернувшись, подтвердил сказанное блаженным Василием и прибавил, что жители видели нагого человека, заливавшего и прекратившего пожар.

Известен его разговор с Иоанном Грозным. При выходе из церкви Царь спросил блаженного, почему он не был у литургии. Ответ юродивого должен был смутить Царя — блаженный Василий сказал ему: «и ты был не во храме, а на Воробьевых горах». Оказывается, что Иоанн за службой церковной думал о постройке дворца на Воробьевых горах.

Перед смертью тяжко больного 88-летнего блаженного посетил Иоанн с царицей Анастасией и детьми Иоанном и Федором. Последнему юродивый предрек: «все достояние прародителей будет твоим — ты наследник». Так и сбылось. Много лет позднее Иоанн в запальчивости убил старшего сына Иоанна, и Федор наследовал царство. Царь с боярами нес гроб почившего блаженного, митрополит Макарий с собором духовенства отпевал погребение его.

Так возрастало с годами почитание блаженного, увеличившееся еще более после смерти. Один из прекраснейших храмов Москвы посвящен его имени, много дивных икон изображает его подобие. Иконы, близкие ему по времени, изображают святого с плотью утонченной, легкой, не тянущей вниз, но возносящейся к небу.

На другой иконе чрезвычайно интересным является сопоставление рядом изображений двух святых: Артемия Веркольского и Василия Блаженного. Святой Артемий — ребенок-пастушок, убитый молнией в поле во время грозы. Тело его, не зарытое в землю, соответственно поверью народному, положенное в лесу и прикрытое берестой, было найдено, тридцать лет спустя, нетленным, испускающим свет. Это все, что известно о нем.

Василий Блаженный с юности начал 72-летний непомерный для человеческих сил подвиг.

Эти двое святых изображены на иконе вместе. Что хотел сказать этим изограф? Может быть, он имел в виду Евангельскую притчу о Царстве небесном (Матф. 20, 1—16), о том, как работники, перенесшие тягость дня и зной, получили ту же плату, как и работники одиннадцатого часа, работавшие только один час. Это не логично, не доступно земному разуму, не согласно с его понятием о справедливости, почему первые работники и возроптали. Но это согласно с Правдой Вечной, Божией и доступно пониманию юрода, совлекшегося обыденного сознания, нашей рациональности.

«Русское возрождение», № 40, 1987.

Фото Валерия Амотника (г. Пермь)

Фото Владимира Филонова (г. Москва)

ОЛЬГА ЩЕРБИНИНА,
собкор журнала «Родина» по Уралу и Сибири

Метр золота

Не переводятся в деревнях рассказы о чудесном. Осенью 1991 года я записала в Шайдурихе золотую россыпь быличек, бывальщин, сказов и легенд. Деревня в часе езды от Невьянска с его «падающей башней», таинственными подземельями, богатым фольклором. Легенды бабушки Кристины поведала мне женщина еще нестарая, 1931 года рождения, Мария Николаевна Суслопарова. Она сочинительница песен, которые исполняются ее соседями «на беседах» длинными зимними вечерами.

Однако рассказчица передает сюжеты так, как слыхала их в детстве от своей бабушки или матери. Кроме того, часто она сама участница событий.

Редактируя тексты, я сохраняла композицию, все факты и детали, а также структуру речи рассказчицы. Вольная художественная обработка (к какой прибег, например, Бажов) преследовала бы иные цели. Хотелось донести бытующие сказания в их естественном виде, лишь очистив тексты от неточностей, путаницы, стилистических огрехов и прорисовав некоторые глухо помянутые детали. Заглавия также даны мною.

Петушиные ноги

Было это в 42 году, когда мама уже получила похоронку и сильно переживала, тосковала об отце. Четверка у нее осталась дома-то без отца.

Вот как-то она мылась в бане. Выполоскала волосы, подняла голову, а за колодой с водой стоит отец!

— Иди сюда, набирай воды. Или не ждала меня?

Мать так и окаменела, но набралась сил и говорит:

— А ты сам подойди!

— Сними крест, тогда подойду.

Тогда она давай читать Богородицу и креститься. Он пошел к двери и всердцах сказал: «А-а-а, догадалась!» Смотрит она — а у него ноги-то петушиные. Еще пуще испугалась, давай еще жарче молиться, а выйти-то боится: он вдруг за дверью! Оделась и стоит, не выходит.

Ждали-ждали мы ее и решили в баню за ней идти. Пошел брат Коля. Стучит.

— Мама!

— Ты ли это, Коля?

— Да я! Ты что, мой голос не узнаешь?

— Заходи. Ты никого не встретил по дороге?

— Нет.

Посмотрели на снегу днем-то, а на крыше бани весь снег исслежен петушиными ногами.

С тех пор мать одна в баню ходить не стала.

Сюжет явления покойного мужа в бане (равно как и другой нечистой силы) — из самых распространенных по всей России.

«А-а, догадалась!» — хрестоматийная фраза, обычный возглас нечистого, когда козни его оказываются раскрытыми.

Барашек с горящими глазами

Было мне лет 8 или 9. Ходили мы с мамой по ягоды. Сели отдохнуть. Смотрим: ходит барашек, такой красивый, сроду такого не видывали. Он к моим ногам ложится, я его погладить хотела, но мать мою руку отвела:

— Посмотри, какие у него глаза!

Я взглянула: правда ведь, глаза у него горят, что у волка. Шерстка белая, шелковая, а стать-то волчья. Или того похуже...

Мать перекрестилась — и вмиг того барашка не стало, как и не было.

Пришли мы домой перепуганные. А через неделю пришла похоронка с фронта на моего старшего брата.

Сюжет «чудесный барашек» широко распространен на Урале. Чаще это пассивная нечистая сила, тут она предвестник несчастья.

Козни дьявола

Моя бабушка Кристина Семеновна жила в деревне Первомайка Пышминского района. Она рассказывала нам «прытчу» (так произносится. — *О. Щ.*).

«Была у меня сестра Анна, красавица. По любви они поженились с Иванушкой, и он был ей под стать. Только недолго им довелось пожить, забрили Иванушко в солдаты. Раньше-то ведь шибко долго служили, вот и затосковала Аннушка. И заприметила я: стала она ночами с кем-то разговаривать. С лица спала, стала таять на глазах. «Дай-ка лягу с ней, посмотрю, что будет!» Только сестра отвечает :«Раз ты на койку — я в сенки уйду».

Так ничего я не прознала.

Но вот нас с ней послали на покос с ночевой, там уж в шалаше надо спать рядом. Сплю рядом с сестрой, а сама держу ее за юбку: так мать наказала (мы уж все догадались про неладное-то). Слышу: Аннушка потихоньку встает и выходит, я за ней крадусь. Вижу: она обнимает и целует березу. Я притаилась, а она все с ним, с любимым мужем будто, говорит. Потом пошла, легла.

Утром спрашиваю:

— Не ходит ли Иван к тебе? Ты что-то все бормочешь ночью.

— Что ты, что ты, это я так, у меня бывает.

На вторую ночь она опять пошла, то же и на третью. Тут уж я не вытерпела, крикнула:

— Что ты березу-то обнимаешь?!

Сразу по лесу как вихорь прошел. Я стою, молюсь, Аннушке крест на грудь положила. Как зашумит лес кругом, Анна упала без чувств. Закричала я, пришли люди, снесли ее в шалаш, а утром пришлось отправить в больницу. Лечили ее долго. Дом освятили, на Анну надели крест и лик Богородицы. Год она жила как в тумане. А потом рассказала, что Иван к ней долго ходил, но говорить никому не велел.

И вот еще в ту пору, как Иван к ней ходил, она начала рожать — без мужа-то. Ушла с повитухой в баню и мается там, разродиться не может. Живота у ней нет, а схватки частые. А старая повитуха-то видывала разные виды. Она и говорит:

— Сними крест с себя.

Та крест сняла, все с себя скинула — тогда выродила ребятенка предивного. Сам красивый, глаза черные, а сзади хвостик.

— Молчи, никому про него не говори, никому не показывай его, но корми. Может, Бог приберет, — повитуха говорит.

Вот Аннушка никому не показывает своего крошечку, прячет от людей. Но шила в мешке не утаишь. Молва прошла по деревне, что без мужа, мол, родила эта красавица.

Исполнилось парнишечке три года, пошла с ним Аннушка по лугу цветочков порвать. Нагнулась, а как поднялась — будто не бывало сынка! Она нубегать, кричать, мечется по лугу — сгинул ее светик ненаглядный, красавчик ее, материнским молоком вспоенный. Единственный сыночек любименький как сквозь землю провалился... И снова одна. Сиротина. И стала тосковать об сыночке, как прежде об Иванушке-муже.

Горе точит, а время бежит... Вот и воротился Иван со службы солдатской. «Встречай, жена! Ничего, что кудри поседели, поживем еще, лада моя!» Не стал он слушать никаких про жену пересудов, жалел ее, любил, как молодую. Только уж Аннушку он не отогрел. Сохнуть она стала, чахнуть день ото дня. Муж-то муж, да не заменит он дитя роженого, сынка единственного. И стала она ночами кликать сынка. Стал Иван замечать: поднимется средь ночи, затрепещет вся и лепечет во тьму:

— Иду, сынок, иду!

Вот раз стала так-то вставать с кровати — муж ее обнял крепко и не отпускает. Проснулся утром — она лежит в его руках мертвая...

— То ли Иван ее крепко сжал да удушил, то ли черт увел, так и не знаем», — так заканчивала свой рассказ нам, детям, бабушка Кристина Семеновна.

Иван запил с того дня, так что небу жарко стало. Так и запился.

Сюжет «сын беса» широко распространен в фольклоре, откуда вошел и в литературу. См., например, новеллу «Зеленое чудовище» Жерара де Нерваля (сборник «Соната дьявола». Лениздат, 1991).

В данном случае тоска по мужу молодой «соломенной вдовы» губит жизнь и душу. Рожденная быть женою, матерью, женщина вынуждена коротать век одна, отчего, по сути, сходит с ума. Тоска по мужу сменяется с возрастом тоскою по ребенку.

Представляется, что идет речь о классическом, поэтически осмысленном примере истерии с описанными в медицине симптомами «ложной беременности», «ложных родов» и даже — что уже выходит за рамки — «ложного ребенка». (Заметьте: его никто не видел, у роженицы не было живота, ребенок бесследно исчез.)

Как бы то ни было, перед нами печальная и поэтическая быль, впитавшая наряду с реальными событиями верования наших прабабок.

Дух в образе человека

Было мне лет девять-десять. Ходили мы с мамой в лес по чернику. Ягод было много-много. Мы быстро набрали корзинки и повернули домой. Смотрим — на другом конце леска Прохор ходит с топором, муж моей кресны, дядя мне. Мы когда пошли в лес, он дома остался в постели, сильно больной. Мама и говорит:

— Что это его сюда занесло? То встать не может, а то вон куда пришел!

Вернулись домой — Прохор на кровати лежит.

Мама говорит:

— Что растянулся? То встать не можешь, а то вон тебя где носило!

— Где?

— Ты в лесу-то что делал с топором?

— Да я и не вставал.

И жена Прохора говорит, что он встать не может, у него ноги в этот день как раз совсем отказали.

— Померещило вам.

Только вот я думаю: как это двоим-то сразу померещило? У меня зрение хорошее, я так ясно-ясно видела: дядя Прохор это! В чем он лежал на постели, в том нам и показался. Но только доказывать мы никому не стали, а то засмеют. Случай этот так и остался в тайне. Только на то место мы уж больше не ходили по ягоды.

Сюжет распространен в фольклоре многих народов. Рассказчица твердо уверена, что видела двойника, материализовавшийся дух.

Красота нездешняя

Говаривала бабушка: что на роду написано — не обойти, не задарить. Было это с родной ее бабкой...

В семье родился сынок, и так все ему были рады: до того рождались только дочери, шесть дочерей.

Сравнялось Ванюше три года. Сидит как-то мать с ним на завалинке, любуется, как сынок играет, и неведомо откуда появилась старая-престарая старуха.

— Посижу-ка я у вас на завалинке, может, хозяйка кваском напоит. Издалека я иду, ходила молиться за себя и за добрых людей.

Мать вынесла квасу и хлеба краюху. Старуха съела, поглядела на Ванюшу и говорит:

— Малец хорош больно!

— Последний. Надежда наша, поилец-кормилец.

— Ох, не едать тебе хлеба-то его...

— Как это?

— Не убережешь ты его, милая. Умрет он в расцвете лет. И смерть к нему придет от воды. Возьмет его вода в день его рождения.

Сказала — и вмиг не стало старушки, только кувшин, из которого она квас пила, на завалинке остался.

Вечером собралась за столом вся семья. Рассказала мать, что поведала ей вещунья. Отец тут же вышел и повесил на колодце во дворе крепкий замок, а ключ к себе в карман положил.

Время шло. Иванушке подходило уже шестнадцать. Рос он красивый и статный. Кудри русые до плеч, глаза темно-синие, что глубокий омут, только вот лицо белое да прозрачное, без румянца. И часто задумывается парень; делает что-нибудь — вдруг остановится и вдаль глядит, улыбается невесть чему. Окликни его — вздрогнет, будто проснется. На реку без отца никогда не отпускали его. Ну а воду из колодца он таскал — не без работы же сидеть молодцу!

Вот за три дня до его рождения сидит мать у окна, прядет. Вдруг откуда ни возьмись — старушка старая-престарая пить просит. Подала ей мать напиться, а та и говорит: «Забыла ты, матушка, какое тебя горе ждет? До него уж три денька остается». Сказала и исчезла, как растаяла. Дрожь охватила бедную мать. Узнала она ту старушку. Но Иванушка-то — вон он, живздоров, с сестрами во дворе на качелях качается.

В день своего рождения вечером Иван, как всегда, воду носил из колодца. Выкачнет ведро воды — и смотрит в него, как зачарованный, глаз отвести не может. Вот над колодцем наклонился, весь туда так и подался. Отец мигом подлетел:

— Что ты там, Иванушка, увидал?

— Показалось мне, тятя, будто кто меня зовет... Девичье лицо будто оттуда мне смеется.

Отец тут же замок тяжелый на колодец навесил, никуда Ивана из дому не отпускают, хоть и день его рождения, и на вечорку не пустили его. Ну, за ужином-то дома порадовались дню рождения всей семьей, разговорились. Отец про женитьбу Иванушкину заговорил. Про невесту думать парню пора.

— Нет, тятя, в деревне нашей ни одна мне не глянется.

— Ну так с дальней привезем невесту. Или у тебя на примете есть кто?

Вспыхнул Иванушка, зардесля как маков цвет:

— Зовет меня ...зовет красота несказанная, нездешняя...

Нахмурился отец:

— Будет сказки-то баять! Что за такая нездешняя? Найдем девку здоровую, белую да румяную. Женишься — всю тоску как рукой снимет.

Вздохнул Ванюша, ничего не ответил.

Вот стали спать укладываться. Ваня вышел до ветру, и вот нет и нет его. Отец вышел во двор, смотрит: лежит Ванюша на колодце лицом вниз. Подбежал, хвать его — а он мертвый...

Врача позвали, тот сказал: остановка сердца. Мать пять дней не давала Ванюшу хоронить, лежал он, как живой, даже будто теплый. Вся деревня плакала по нем.

Осталась мать одна после похорон, видит — стоит в дверях та самая старушка, говорит:

— Не плачь. Душу его давно уже там ждали. Он там нужен. Ты им его родила и воспитала, а теперь довольствуйся своими дочерями. А за труды возьми вот это, — и подает что-то в тряпице.

Тряпицу развернула — и вмиг осветило избу будто полымем.

Мать закричала: «Горим!» В тот же миг старуха исчезла, а на столе осталась золотая лента — целый метр золота. Мать с горя ума лишилась и к године смерти Иванушки умерла. Отец доживал свои дни с младшей дочерью. Жили они с тех пор богато.

...Бабушка моя Кристина Семеновна рассказывала так, что мать ее и была той самой младшей дочерью, с которой доживал свои дни отец Ванюши.

Поэтичная эта легенда, или сказ, соединяет всемирно известный сюжет неминуемой судьбы, наперед предсказанной, с мотивами тяги к чему-то далекому и неведомому. Последние широко разработаны в уральском фольклоре. Сказ близок к сказам «Каменный цветок» и «Медной горы хозяйка», обработанным Павлом Петровичем Бажовым: так же зовет, манит неведомая и далекая красота, которая в конце концов и забирает к себе необычного — не от мира сего — юношу.«Метр золота, золотая лента» — мотивы «Золотого полоза».

Таким образом, весь этот сказбыль (если учесть, что он рассказан родственницей героев) чисто уральский.

Нелишне напомнить, что П. П. Бажов в молодости учительствовал в деревне Шайдуриха, богатой фольклором.

Свердловская область

КСЕНИЯ МЯЛО

МЫ — НАРОД

ВОЙДУТ ЛИ РУССКИЕ В XXI ВЕК ?

Фото Ашота Арутюнова

Конец XX века стал свидетелем не только вторичного в течение столетия распада самой большой страны мира, исторически известной под именами «Российская империя» и «Советский Союз», но также и небывалого за всю историю кризиса того народа, который некогда дал этой стране имя, был ее собирателем, сердцем и движущим мотором. Наконец — опорой, принимавшей на себя основную тяжесть всего сооружения и обеспечивавшей его устойчивость в испытаниях. И как раз именно потому, что распад страны происходит вторично за невероятно короткий, по историческим масштабам, срок, окончательность его не следует абсолютизировать. Ведь уже к концу 20-х годов те, кто был изумлен необычайной легкостью падения Российской империи, оказались едва ли не более ошеломленными стремительностью, с какой из пепла и руин вновь встала, почти в тех же границах, та же, хотя и с новым именем, страна. Прочность ее, испытанную самой жестокой войной, наивно было бы, следуя конъюнктуре, отнести лишь на счет аппаратов пропаганды и насилия: только этими средствами не было создано ни одно государство, способное выдержать сколько-нибудь серьезное испытание.

Но, разумеется, аналогия с событиями начала века относительна, как и всякая аналогия. Ибо сегодняшний распад, происходящий в атмосфере неустойчивого мира (кровавые усобицы, счет которых множится по периметру бывшего СССР, при всей их трагичности, все же несравнимы с «пожаром» 1918—1922 годов — пока несравнимы), вместе с тем приобрел вид гораздо более окончательный. Прежде всего — в силу стремительного (раньше, нежели люди успели осознать сам факт нелегитимного упразднения Советского Союза в Беловежской Пуще) вступления бывших союзных республик в ООН, СБСЕ, МВФ и т. д. А это значит, что любое интеграционное движение, любые попытки воссоздания целостности страны сегодня натолкнутся на мощную преграду в виде той системы транснациональных образований, появлению на свет которых так много поспособствовал сам Советский Союз.

Несомненно, какое-то время страх неизбежных в этом случае международных потрясений будет сдерживать процесс. Однако ненадолго, ибо если движение за воссоединение произвольно разъединенного целого — русского народа — действительно наберет силу, плотине не устоять. Движения такого типа неудержимы, как рвущийся к свету росток: разве мы не наблюдали этого только что при падении Берлинской стены? И кто сегодня возьмет на себя смелость утверждать, что подобное никогда не повторится, что в одночасье разгороженное распадом Союза «русское море» не двинется обратно, к Москве, подобно прихлынувшей к сердцу крови?

В случае такого развития событий поспешность тех, кто поторопился закрепить на международном уровне распад российской мегадержавы, обернется всемирной нестабильностью, если не катастрофой, и уж по крайней мере сбросом того мирового порядка и той структуры трансгосударственных организаций, которые сегодня утверждаются на руинах СССР и о которых уже сейчас можно сказать, что они не оставляют места ни исторически сложившейся русской государственности, ни даже самим русским как целостному и самосознающему себя народу с неразрушенной идентичностью. А сегодня перед нами альтернатива: сойти в историческое небытие либо сверхнапряжением воли попытаться вернуть себе свое место и в истории, и на планете.

А коль скоро это так, то и облик мировой истории в XXI веке окажется в прямой зависимости от **русского выбора**: налево пойдешь, направо пойдешь...

Сегодня предсказать его нелегко, и даже само русское национальное сознание предстает почти парализованным перед лицом стремительно развивающейся катастрофы, приближается к опасной черте своего рода суицидного состояния, полного слома воли к исторической жизни и утраты ее смысла.

Отказ от 70 лет советской истории, составивший содержание «перестроечных» лет, сейчас трансформируется в отказ от всего тысячелетия российской государственно-исторической и духовной жизни как исходно «неправильной», порочной. Такой отказ становится едва ли не официальной идеологией нынешнего российского руководства, если судить, например, по статье советника Президента России Б. Ракитова в «Вопросах философии» (№ 5, 1992).

Внешним образом это напоминает большевистский отказ от «старой России», и в какой-то мере такое сходство действительно существует. Однако оно достаточно поверхностно, и настаивать на нем так же несерьезно, как и на сходстве нынешних «преобразователей России» с Петром I, вроде бы тоже западником, до дна перевернувшим русскую национальную жизнь. Для Петра все его реформы были средством достижения цели, коей являлось величие России и стяжание ею подобающего места в концерте мировых держав. Большевистская же Россия, внешним образом отказавшись от величия российской короны, подняла знамя красного мессианства, сразу же позволившего ей занять исключительное место на сцене мировой истории. Стать предметом любви, ненависти, ужаса, восхищения — но, прежде всего, остаться единственной и неповторимой. Не зря же «Святая Русь» устами деревенских поэтов, особенно же старообрядца Николая Клюева, свидетельствовала о своем самоузнавании в «Руси красной»: «В красную веру креститесь...»

И как знать, если бы не рапповщина, с ее ненавистью ко всему глубинно-русскому и традиционно-крестьянскому, узурпировавшая место «духовного лидера» новой России, не дикие гонения на церковь, не затискивание самой коммунистической идеи в прокрустово ложе официального «марксизма-ленинизма» — советская история пошла бы иначе. Однако было так, как было, но даже и в этих условиях коллективное

бессознательное продолжало жить, и едва ли не все ценное в этот период российской истории, не говоря уже о победе 1945 года, вспоено из потаенных родников национальной жизни, которые струились на той глубине, где «красная» и «белая» Русь, враждуя на поверхности, непостижимым образом опознавали и принимали друг друга.

Разумеется, под знаком «красной идеи» не было и самоубийственного затухания жизненной воли народа; напротив, здесь был огненный — и жертвенный, и властный — порыв, чудовищно использованный, извращенный и оскверненный партийным истеблишментом, но насыщенный энергией и страстью. И если воспользоваться известным термином Л. Н. Гумилева, то время от 1918 года и до Победы в Великой Отечественной войне (а может быть, и до выхода России в космос) было, несомненно, одним из самых «пассионарных» периодов в нашей истории, отмечено не только великими преступлениями, но и великими подвигами. Жар его еще долго будет обжигать потомков, а загадка волновать ученых и поэтов.

Не то сегодня. Никакой сколько-нибудь значимой общей идеи, совместной цели, общего образа, без которых не существуют ни один народ и ни одно государство, — пока не видно. А то, что предложено лидерами политической волны, не совсем верно названной «демократической», безнационально, вторично и, по большей части, представляет собой перепевы «laissez faire» (экономического либерализма начала XIX века) и фритредерства. Их реализация, собственно, и не требует самостоятельного национально-государственного бытия России, на что весьма иронично и презрительно указал недавно «живой классик» американской традиции общественной мысли Гор Видал.

Перспективы самих США после низвержения СССР Видал считает безотрадными, будущее мира — катастрофическим, будущее же самой России, перешедшей в «рыночную веру», — пошлым и ничтожным. «...Они рухнули, но вместе с ними рухнули и мы тоже. Посмотрите, что произошло здесь, в Лос-Анджелесе. Посмотрите на людей, которые спят у дверей, на скамейках. Мы рухнули тоже. Социализм как концепция абсолютно разумен. При советском строе у них была самая лучшая система образования в мире, за исключением разве что Швейцарии. У них более высокий уровень культуры, чем у нас». Но теперь, поскольку Россия отказалась от своего величия и первородства, Гор Видал не видит для нее иных перспектив, кроме как присоединиться к США: ведь «они до смерти хотят стать американцами». Американцам же можно сдать и российские нефтепромыслы: «Они получат деньги, и мы получим деньги, они будут покупать наши потребительские товары, а это единственное, чего они хотят».

Ясно, что страна с подобными целями и устремлениями будущего не имеет, а ее руководство предстает всего лишь как временная ликвидационная комиссия — либо агентство по рекламе «американского образа жизни». Оно должно либо предъявить стране другой образ будущего, либо упраздняет себя само вместе с ней. А это выдвигает на первое место вопрос о народе, который как целое не может ни подать в отставку, ни переехать на другой континент. О народе, который, кроме того, в отличие от «титульных субъектов» бывших союзных республик, а сегодня уже и бывших внутрироссийских автономий, оказался лишенным даже права поставить вопрос о своем национальном самосохранении (на всех уровнях бытия — от физического до духовного) как цели и обязанности государства, носящего имя Россия. Вопрос о русских, у которых сегодня собственного государства нет и которые, теснимые теперь и на территории РФ, всем своим поведением, формирующимся на глазах их новым психотипом, где пока доминируют безразличие к судьбам государства как целого и неспособность восстать против своего второсортного, а то и апартеидного положения, в котором они оказались, рефлекторный страх гражданской войны, — свидетельствуют о глубоком упадке их былой энергии, потере смыслов, ориентиров и целей.

Еще немного — и народ уподобится наголову разгромленной, в панике бегущей армии. Перешагнет ту грань, в опасной близости к которой Русь, по словам В. О. Ключевского, находилась накануне Куликова поля: превращения робости в черту национального характера. Если это произойдет, то впереди лишь деградация и историческая смерть.

Опомниться, остановиться, обозначить тот рубеж, за который отступать уже нельзя, сегодня мешают, однако, не только упадок и истощение сил, не только стрессовое оцепенение, вызванное зрелищем видимого краха тяжелейшей работы десятилетий и веков, но также и глубочайшее историческое невежество, воспитанная именно в советское время привычка воспринимать историю только сквозь призму ad hac (к случаю) создаваемых идеологических схем.

И если, например, 40—50-е годы прошли под знаком «провиденциальности» вхождений всех народов и территорий в Россию для того будто бы, чтобы однажды их осиял свет пролетарской революции, под знаком созданного официальной пропагандой и навредившего русским, быть может, более всех их врагов, вместе взятых, слащавого образа «старшего брата», то сегодня картина иная. «Демократическая эпоха» успешно заталкивает русское национальное самосознание в тиски другой идеологемы: о России — «тюрьме народов» (и как раз в этом «демократы» более всего обнаруживают себя как эпигоны марксизма-ленинизма, а отнюдь не открыватели новых интеллектуальных горизонтов), о пришлости русских буквально на всей территории их нынешнего обитания.

Такое представление становится аксиомой обыденного сознания, достаточно агрессивно заявляемой интеллигенцией нерусских народов России и бывшего СССР. Оцепеневшее же русское сознание пока не находит аргументов в ответ и либо поспешно соглашается с этим, тем самым подписывая смертный приговор

Фото Сергея Потапова (г. Нижний Новгород)

народу (позиция, особенно типичная для западнической российской интеллигенции), либо замыкается в себе, уходя в глубокую самоизоляцию, из которой, возможно, и не будет возврата.

«...Этот Распутин плачет по 1000-летней России, якобы собранной предками, — пишет в письме в «Русский вестник» (№ 9, 1992) автор, подписавшийся «Нерусский». — Откуда взялось это тысячелетие? Байкал был исконной землей аборигенов, Сибирь колонизаторами завоевана. А Кавказ — огнем и мечом, насчет Прибалтики — молчу... Впрочем, вы и свою историю придумываете сами».

В высшей степени показательна статья, выразительно озаглавленная «Где начинается и где кончается Россия?» и опубликованная лидером антирусской пропаганды в Молдове — еженедельником «Литература ши арта» (13 августа 1992).

Ее автор, Теодор Кожакару, знаменательно начиная и заканчивая свое «эссе» ссылками на Энгельса (ради уничтожения России антикоммунистическая «Литература ши арта» согласна отосласться и к таковым авторитетам), в свое время очертившего границу России на западе Псковской и Смоленской губерниями, а на юге — Курской и Воронежской, не останавливается на этом. Волга — русская ли река? Карелия и вся территория, на которой стоит Петербург, разве не «украдена русскими у финнов»? А взгляните-ка на карту Центральной России — Весьегонск напоминает нам о племени «весь», и еще Ключевский писал, исследуя названия рек Протва, Москва, Сылва, Косва и т. д.: «...Русские колонисты встретились с финскими аборигенами в самом центре сегодняшней Великороссии».

Вывод? Он прост: русским не принадлежит ни один сантиметр страны, которую они назвали Россией, и остается лишь ждать того великого дня, когда этот факт станет предметом всеобщего признания: «в конце XX века или в третьем тысячелетии»?

Это не метафора: развивающийся у всех на глазах процесс подталкивает русских именно к такому финалу. И уже никого не удивляет, например, создание, президентским распоряжением, нового высшего органа власти в России (Совета глав Республик РФ) без участия русских краев и областей. Между тем, это означает, что участие русских в решении общероссийских проблем предельно минимизируется, как и степень учета их собственных национальных интересов высшими органами власти, в которых они не представлены как народ; означает окончательное превращение их из субъекта российской государственности в ее объект, исключение из сферы принятия общегосударственных решений именно по национальному признаку. А это, естественно, ставит историческое самосохранение русских и даже просто их выживание в прямую зависимость от того, как скоро они сумеют осознать новизну своего положения, стремительное и небывалое в истории превращение из великого державного народа в народ-парию, народ-изгой, и выработать соответствующий масштабам катастрофы тип поведения и реакций.

Первым результатом самого осознания своей новой и трагической ситуации (такое осознание столь же необходимо, как оно бывает необходимо тяжело больному, дабы мобилизовать свою волю к жизни) должно стать требование «декриминализации» русского вопроса, рассмотрения самой истории создания Государства Российского и расселения в нем русских в ключе не очередного мифа, но точного исторического факта и документа. А также в соответствии с теми критериями, которые применяются в подходе к другим государствам.

Любопытно, что авторы вышеприведенных филиппик в адрес России и русских (а примеры их можно множить до бесконечности), на первый взгляд столь занятые восстановлением исторической истины, словно невзначай умудряются «забыть» при этом, как заселялись Америка и Австралия. Их нынешние обитатели, следуя логике тех требований, которые сегодня предъявляются русским, должны были бы незамедлительно покинуть места своего нынешнего обитания и уж во всяком случае претерпеть урезание прав как «некоренное население».

Да что там Америка и Австралия! Нынешняя Великобритания ведет свое начало от саксонского короля Вильгельма Завоевателя, само прозвище которого, редкостное даже для его воинственных времен, говорит о том, как она была создана. Разумеется, мы можем вспомнить также, что Берлин стоит на месте славянского Бранибора и что тогда Эльба называлась Лабой, а на острове Рюген, в немецкой истории более всего прославленном как место создания снарядов ФАУ-2, стоял главный храм славянского бога Свентовта.

Надо ли продолжать? Очевидно, вопрос ясен: нужно либо изменить все лицо планеты, доведя процесс поисков первопоселенцев до дележа первобытных стоянок, либо покончить с мифом о том, что русские расселялись и формировали свое государство каким-то неслыханно демоническим образом, совершенно отличным от того, как происходило расселение и государствостроение других, современных русским народов. Притом народов общего с ним христианского культурного ареала.

Более того: сегодня становится необходимым напомнить о том, например, что в России никогда не было принято снимать скальпы с аборигенов, в то время как в США такая практика процветала еще до 90-х годов прошлого века. Если же говорить о культурно-языковом геноциде, то весьма поучительные данные были сообщены недавно на международной конференции по исчезновению языков в Квебеке. Сейчас в среднем исчезает до 12 языков в год, при этом самым агрессивным и разрушительным оказался английский: он привел к гибели 90% языков, в соприкосновение с которыми вступил (в то время как от контактов с русским исчезло почти вдвое меньше — около 50%).

Думается, если бы русские как этническая и культурная личность в своем движении на занимаемых ими пространствах вели себя подобно англосаксам в Америке или немцам на славянских землях, нынешних проблем просто не возникло. Иная религиозно-культурная парадигма, однако, удержала их от этого, что отнюдь не означает идеализации прошлого, но вносит необходимые штрихи и оттенки в картину восстанавливаемой исторической справедливости.

Наконец, число территорий, на которых русские появились путем прямого их захвата и завоевания, относительно невелико в общем количестве собранных Российской империей за три столетия земель. И ни на одной из них, даже там, где шли войны (Горский Кавказ или Средняя Азия), расселение русских не происходило путем прямого вытеснения и геноцида населения коренного.

Нельзя не согласиться с Н. Я. Данилевским: «Воздвигнутое им (русским народом. — *К. М.*) государственное здание не основано на костях попранных народностей... Завоевание играло во всем этом самую ничтожную роль, как легко убедиться, проследив, каким образом достались России ее западные и южные окраины, слывущие в Европе под именем завоеваний ненасытимо алчной России» («Россия и Европа». М., 1991. С. 25).

Распад Союза уже привел к взрыву этногенезов на его территории — со всеми потрясениями, сопутствующими этому, сопоставимому лишь с природной вулканичностью, процессу. Неумолимо движутся к новой стадии этногенеза и русские, в свое время затормозившие свое формирование в качестве нации во имя создания державного российского, а затем — и в особенности — советского суперэтноса.

Ныне история жестоко возвращает их к оставленному, казалось, рубежу, ставя само их историческое и биологическое выживание в прямую зависимость от того, удастся ли на сей раз этот рубеж преодолеть. Ибо сегодня представляется несомненным, что в XXI век русские войдут, лишь сумев стать нацией. В противном случае их ждет превращение в демографический, биологический, языковой, культурный материал для строительства иных национальных государств, а возможно, империй (проект Великого Турана, например, отнюдь не принадлежит к области фантазий), да и тектонические сдвиги на всем пространстве Евразии, вызванные распадом СССР, еще только обозначаются, суля впереди немало вчера еще невероятного. Собственная же их история в качестве государственного, тем паче великого народа будет завершена.

Ибо — процитируем еще раз Данилевского — **«всякая народность имеет право на самостоятельное существование в той самой мере, в какой сама его сознает и имеет на него притязание»**.

Сегодня русские переживают болезненный кризис именно такого сознания, в чем огромная роль принадлежит историческому невежеству и агрессивно внедренному в русское сознание комплексу вины, на множестве территорий оформившемуся в **«комплекс мигрантов»**. Не преодолев его, народ не сможет двинуться дальше и даже подступить к той задаче, от успешности решения которой будет зависеть само его существование в третьем тысячелетии. А такое преодоление невозможно без нового обращения к истории, читая которую народ не будет мнить себя ангелом, но и не позволит рисовать себя исчадием ада, подлежащим извержению из рода человеческого.

Факты и документы, отображающие историю расселения русских и их отношений с другими народами Российской империи — СССР во всей ее сложности, а не препарированной в угоду той или иной идеологической схеме — вот что более всего необходимо сегодня, дабы русские смогли сделать хотя бы первый шаг назад от той пропасти, над которой стоят сегодня.

Нашему «Репетитору» пошел второй год. Понятно, что за год нереально залатать все пробоины школьного исторического преподавания, но все же кое-что нам удалось (и ваши письма это подтверждают). Появление новых школьных учебников не снимает проблемы — как и по каким источникам готовиться к вступительным экзаменам, где достать программу, билеты и проч. Мы приложим все силы, чтобы помочь вам! С 1993 года мы значительно разнообразим наши материалы — уже в этом номере мы предлагаем вам не только толкование традиционно трудных для понимания сюжетов (отметим, что многие из вас давно просили прояснить обстановку вокруг нэпа), но и «сверхсекретные» образцы билетов прошлого года.

Сегодняшний кризис общества и отчаянное положение России 20-х годов подталкивает к аналогии с первым опытом российской рыночной экономики. История может многому научить современных политиков, предостеречь от ошибок.
Анализ попытки введения нэпа предлагают доктора исторических наук В. С. Лельчук и В. П. Дмитренко и кандидат исторических наук Н. Л. Рогалина.

1. Что такое нэп? Современный взгляд историков на экономические процессы 20-х годов.
2. Рыночная экономика: временно или навсегда?
3. Хронологические рамки нэпа.
4. Альтернатива рынку в период экономических кризисов.
5. Нужен ли нэп в наши дни?

ВИТАЛИЙ ЛЕЛЬЧУК

ОСОБАЯ ПОЛИТИКА ПРОЛЕТАРСКОГО ГОСУДАРСТВА

1. Когда я задаюсь вопросом, что такое нэп, то невольно вспоминаю школьный учебник моего детства. Нэп — это мудрая и дальновидная политика, которую большевики под руководством Ленина стали проводить после исчерпания предыдущего этапа, связанного с гражданской войной, военным коммунизмом. Трудная, но все-таки мудрая и чуть ли не запланированная линия перехода.

Нэп вводился как вынужденная мера, потому что предыдущий этап — поражение правящей партии большевиков, которая в условиях гражданской войны надеялась совершить рывок к новому социалистическому бестоварному обществу.

Политика военного коммунизма вела страну к катастрофе: начались восстания, недовольства в городе. Еще в начале 1920 года на Политбюро обсуждался вопрос: нужно ли переходить к нэпу, вернее, говорили не о нэпе, а о замене продразверстки продналогом. Предлагал Л. Д. Троцкий, Политбюро обсуждало. Отказались. Через год — Кронштадтский мятеж, тамбовские движения крестьян против большевиков. Ленин вынужден признать самый большой кризис советской власти. Нэп поэтому вводят вынужденно, на короткий срок, хотя вождь провозглашал это «всерьез и надолго».

Нэп был спасением для большевиков, единственной возможностью удержать пролетарскую власть, вернее сказать, большевистскую власть в крестьянской отсталой, разоренной войнами стране. Мыслилось дать людям возможность успокоиться, наесться, а потом... Но Ленин заболевает, а Политбюро принимает решение: в случае революции в Германии немедленно перейти снова к продразверстке. Где уж тут «всерьез и надолго»? Опять наш хлеб должен отправляться на Запад. Мировая революция важнее.

Так кто же дал наиболее правильную трактовку нэпа? Как ни странно — Сталин. На XIV съезде партии он четко и ясно сказал: «Нэп — это особая политика пролетарского государства, рассчитанная на допущение капиталистических элементов, на их соревнование с элементами социалистическими, на победу социалистических элементов, на построение социализма». Вдумаемся: в этом определении нет ни слова про крестьян. Если Ленин связывал новую политику, в первую очередь, с уступкой крестьянству, то по Сталину крестьянство — это капиталистический элемент.

Для смешанной экономики, гражданского мира, эволюционно-плавного развития общества и товарно-денежных отношений были экономические, социальные и культурные предпосылки. Но партия военного коммунизма не была готова к состязательности нэпа, поэтому сделала вместе с государственным аппаратом все возможное, чтобы поставить ему преграды. И добилась в конце концов своего.

2. Насколько серьезно можно говорить: рынок — это временно или навсегда? Кто-то из мудрецов на Западе сказал: «Ничего нет хуже, чем рыночные, товарно-денежные отношения, но в то же время человечество для нормального развития на современном этапе ничего лучше пока не придумало». Я думаю, что это верно. Нравится нам это или нет, но западные страны по такому пути ушли от старого капитализма, а рынок сохранился. И споры о современном обществе без товарно-денежных отношений — это споры или сознательно желающих отвлечь внимание от серьезных проблем, или людей недостаточно грамотных.

3. Нэп официально вводится в 1921 году. Еще на X съезде партии в марте об этом говорили очень мало. Только в мае на партийной конференции появляется сам термин «нэп», в обиход входит понятие «нэпман» и начинается политика «уступок» крестьянству, ремесленнику, торговцу, отход к государственному капитализму. Апогей нэпа — 1926 год, частично 1927-й: тресты, попытки введения массового хозрасчета. Самое главное — в стране нет крестьянских волнений. Страна накормлена. Приведу один любопытный факт: в 1927 году по потреблению горожанами мяса мы стояли на уровне США (причем мясо было не из холодильников, а настоящее). Не скажу, что сахара хватало и масла тоже, но на XV съезде даже сами большевики хвастались, как хорошо питается население (выступление Микояна). Тем поразительнее, что в 1928 году начинается свертывание нэпа, введение карточной системы и так далее.

Недавно мы познакомились с неизвестными ранее материалами, как послы и определенные службы западных стран сообщали в Европу о заседании, которое Наркомат иностранных дел в начале 1928 года проводил для них. Работник Наркомата Стомоняков поставил в известность западных дипломатов, что нэп заканчивается и на смену ему приходит другая политика. Эти документы найдены в материалах разных стран, но мы не сомневаемся, что источник один. Забавно: внутри страны Сталин будет вплоть до Конституции 1936 года доказывать, что нэп продолжается, а для Запада приходилось признавать реальное положение дел.

Думать, что нэп сам себя изжил, мне представляется несерьезным. Если мы посмотрим политику, связанную с деревней в январе 1928 года, когда опять начинаются хлебные изъятия, то становится ясно: задумано что-то новое вразрез с XV съездом партии, который был месяц назад.

Сопоставьте политику в деревне, курс на ускоренное развитие промышленности, обострение классовой борьбы (подготовка липового «шахтинского процесса») — и сообщения дипломатов.

4. Мне кажется, стоит поставить по-другому вопрос: чему нэп мог стать альтернативой? Альтернативой той политике, которую административно-командное управление — точнее, административно-карательное — насадило сверху?

Во многих учебниках прочтем о кризисе нэпа, но кризис может быть только у системы. Нэп же не вырос до какой-то сложившейся политической и экономической целостности. Скорее, можно говорить о кризисе правительственной политики, партийно-государственного руководства. Могут утверждать: нэп при продуманном, заинтересованном руководстве сверху вполне мог вырасти в определенную систему, а вот это противоречило бы политической надстройке.

5. В свое время Кэнси, знаменитый экономист (в 30-е годы он во многом помог Западу вырваться из кризиса), изучавший нэп, считал его лабораторией жизни. Его знаменитые советы на будущее связаны с идеей: смешанная экономика плюс государственное руководство этой экономикой. Запад эту идею успешно осуществил. Возможно ли сегодня то же самое у нас в стране? С моей точки зрения, да: это единственно правильное. Но будет ли так?..

Вопрос об аналогиях — это вопрос о том, насколько сегодня структуры власти в нашей стране извлекут уроки из печального прошлого. Если они хотят поворота к диктаторству, то пойдут против опыта истории. И кончат, как их предшественники.

ВЛАДИМИР ДМИТРЕНКО

Иллюзии творцов нового общества

1. Нэп — лишь одно из направлений сложной экономической политики, пытавшейся в рамках программы построения социализма создать своеобразную временную «смычку» государственного сектора с иными формами хозяйства (частным мелкотоварным, предпринимательским, смешанным и др.). Это достаточно замкнутая система принципов хозяйствования, форм собственности, социальных интересов и методов самоорганизации и самозащиты; к этой системе госсектор примыкал лишь частично.

2. Ахиллесова пята вынужденного (а потому неподготовленного) нэпа — в попытке сохранить неизменной сущность власти (принцип пролетарской диктатуры, однопартийности, ведущей роли рабочего класса, курса на «полную» победу социализма в одной стране, укрепление «командных высот») на изменяющейся социально-экономической основе. Об этом главном противоречии можно было бы умолчать, но только до поры до времени.

Нэп «заворачивал» общество на дорогу рыночной конкуренции, идеологического и политического плюрализма, многопартийности, политической активности «союзников», «попутчиков» и «бывших», превращаясь из орудия реализации и защиты интересов власти в орудие трансформации и слома этой власти. Не сразу, не быстро, но... неумолимо.

С 1923 года начались кризисы: кризис цен («ножницы» цен) перерастал в кризис всей системы товародвижения; далее — товарный голод из-за диспропорции в развитии города и деревни, финансовый кризис (вслед за финансовой реформой). И, наконец, всеобщий экономический кризис 1927—1928 годов, ядром которого стали проблемы хлебозаготовок.

3. Изначально пространственные рамки нэпа были поставлены достаточно жестко. Напомним — первый этап новой политики прошел под знаком открытого и острого противостояния теории и практики государственного товаропродуктообмена и свободного рынка. Уже в 1921 году четко выявилось стремление подчинить нэп задаче окончательной победы социалистических отношений (они мыслились теоретиками партии в категориях натурального обмена). И с этих принципиальных позиций никто из лидеров партии в дальнейшем не сошел, хотя кампания товарообмена провалилась. Все последующие «отступления» к рынку совершались под руководством партии и государства нехотя, с оговорками, с неумолимым нарастанием сопротивления. Последнее из них под бухаринским призывом, обращенным к крестьянству: «Обогащайтесь!», стало поворотным. В обогатившейся деревне партия увидела для себя смертельную опасность.

В свете этой отнюдь не идиллической картины малоубедительны современные дискуссии о том, на сколько лет был рассчитан нэп, каковы были его принципы, кто его «строил» и кто «разрушал». Ситуация в экономике с каждым годом стремительно менялась, и так же должна была меняться и ее политика (становиться все более «новой»). Отсылка же политиков к исходным ленинским установкам означала или теоретическое бессилие, или нежелание открыто посмотреть в лицо новой реальности.

4. В 1925—1926 годах нэп стал мешать планам строительства социализма в одной отдельно взятой стране. И вот тогда в полной мере проявилась его незащищенность, фрагментарность, усеченность. Равно как и агрессивность, организованность, бескомпромиссность госсектора, в теории, в политике, на практике противостоявшего нэпу.

Открытое противостояние двух фронтов, между которыми в восстановительный период не стирались, а вырастали редуты и углублялись рвы, неумолимо вело к решающей схватке.

5. В последние годы стала модной тема поисков альтернатив в истории. Думается, что в сфере экономики действительные альтернативы проявлялись в развитии форм собственности и реализации социальных интересов, в теоретических обобщениях этих процессов и проверке науки практикой. К сожалению, на такой уровень «альтернативщики» обычно не опускаются, предпочитая оперировать цитатами, прогнозами, дискуссионными выпадами. Занятие это, может быть, и увлекательное, но малопродуктивное.

Нэп — уникальное явление, рожденное неповторимым переплетением многих факторов: внутренних и внешних, экономических и политических, социальных и личностных. Главное — не пытаться его механически копировать, извлекать отдельные элементы; с самого начала такой эксперимент обречен на неудачу. Другое дело, если бы политики научились в рамках целостной и динамичной системы соединять разные формы собственности (не навязывая диктат одной из них), социальные интересы (без низкопоклонства ни перед «бедными», ни перед «богатыми»), экономику и политику (взращивая демократию без насильственной ломки традиционных форм хозяйства). Специфически «нэповское» заключалось лишь в иллюзиях творцов этой политики, просчетах и ошибках исполнителей. В остальном — это стремление власти к конечному абсолюту («чистоте» социалистической модели) и использование форм и методов буржуазного хозяйства.

НИНА РОГАЛИНА

Утопии рыночного социализма

1. «Самоограничение большевистского социализма путем социализирования командных высот» — так определил новую экономическую политику более шести десятилетий назад историк народного хозяйства России Б. Д. Бруцкус. Точнее не скажешь. Можно лишь добавить — самоограничение с соединением экономической и политической власти в лице государства и наличием квазисобственника и квазирынка.

2. Определение рынка вытекает из определения нэпа — деформированный, контролируемый, ущербный. С твердыми, директивными, лимитными ценами. Большевистский менталитет и доктринальные установки не давали рынку, как и нэпу в целом, шансов утвердиться «всерьез и надолго». Нэп вводили с запозданием, фрагментарно, без твердых правовых гарантий, а значит, уже с самого начала на него накинули удавку. Национализация земли, монополия внешней торговли, краткосрочная аренда, частые земельные переделы, прогрессивная шкала налогового обложения вместо взимания пропорциональных налогов и многое другое — такие тормозы нэпа изначально снижали его экономическую эффективность и хозяйственную привлекательность для мелкотоварных производителей.

3. Продолжительность нэпа ныне не вызывает споров среди обществоведов: 1921—1927 годы. А 1928—29 годы — время переходное, когда элементы рынка и хозяйственной смычки между городом и деревней вкраплевались в довольно последовательную линию близкого «великого перелома». Трактуемый таким образом, нэп был обречен на органическое преобразование в «третью экономическую политику» (С. Прокопович), в «экономику принуждения» (Б. Бруцкус). Нэповская линия не должна была и по замыслу его творцов превращаться в целостную систему: в 20-е годы преобладали административно-командные методы. Ее задача проще — спасение страны от голодной катастрофы. Власть, неспособная накормить людей, вынуждена была во имя собственного сохранения предоставить им определенную хозяйственную свободу. Но свободу частичную и неполную (это показывают современные расчеты, например, Г. Ханина).

4. Тяжелее всех пришлось крестьянству. Оно приняло на себя три четверти налогового бремени, крайне неблагоприятное соотношение цен, обмен реальных товаров на бумажные обесцененные деньги. Неравноправное, но все же сотрудничество государства с частным хозяйством базировалось на экономической устойчивости мелкого производителя, на его тяге к труду, способности к невероятной экономии, хозяйственному накоплению и громадной силе сопротивления всем разрушительным влияниям.

В экономике появились два регулятора: рынок и власть, причем постоянные кризисы возникали из-за попытки государства отнять обратно «уступленное нэпу» и разрешались не в пользу последнего — ограничением рынка, разрушением его механизмов. Далее, в середине 20-х последовал отказ от неналоговых методов накопления, пошли в ход принудительные займы, инфляция, заниженные цены на зерно и так далее. Только на развалинах частного хозяйства и смогло окончательно утвердиться плановое хозяйство.

Альтернативы такому развитию, на мой взгляд, не было, ведь принципиальный выбор произошел в 1917 году. В результате политико-экономического маневрирования 1921—1929 годов «благодаря стихийной тяге всей страны к материальному возрождению и к социально крепкому миру» (А. Керенский) утвердился «минимально устойчивый общественный строй» (Б. Бруцкус). Еще раньше о том же в статье «Беглый взгляд на Россию» (1925) крупнейший американский экономист Д. Кейнс писал: «Советское государство не настолько эффективно, чтобы не иметь возможности выжить».

5. Перестройка представляется аналогом нэпа. Они даже совпали по своей исторической длительности: в обоих случаях семь «библейских» лет. Нынешние реалии болезненно обнажили ценность нэповского опыта. Четче проступила его суть — восстановление экономики через эксплуатацию всех возможностей частного хозяйства и одновременно (благодаря этому) создание защитного механизма государственной системы. В свое время нэп подсказал госсоциализму, как продержаться, выпуская пар, отделываясь малыми уступками в виде колхозной торговли или более существенными, вроде личного подсобного хозяйства.

Перестройка, как очередная революция сверху, стремилась придать социализму вместе с человеческим лицом новое дыхание. Ожили утопии кооперативно-рыночного социализма и планово-товарного хозяйства. Однако на этот раз ничего не получилось: некого стало эксплуатировать, исчез крестьянин как тип. А ведь все успешные реформы начинаются с сельского хозяйства. Да и народ нынче не тот. Его ментальность круто переменилась. Впрочем, это тема другого большого разговора.

Что же касается постперестроечного реформизма, то он на перепутье (недаром годы 1992 и 1929 — перевертыши). Если государство наконец признает частную собственность на основные средства производства и, главное, на землю, если поступится плановыми принципами во имя действительно смешанной экономики, то мы выйдем и из социализма, и из «нетоталитарного нэпа», а если нет — пойдем по очередному кругу госсоциализма.

ЛИТЕРАТУРА

Сорокин П. Современное состояние России// Новый мир. 1992. № 4—5.

Бруцкус Б. Народное хозяйство советской России, его природа и его судьбы// Вопросы экономики. 1991. № 9—10.

Данилов В. П., Дмитренко В. П., Лельчук В. С. Нэп и его судьба// Историки спорят. М., 1988.

Четыре измерения нэпа// Вопросы истории КПСС. 1991. № 3.

Ханин Г. И. Почему и когда погиб нэп?// ЭКО. 1988. № 10.

Голанд Ю. М. Как свернули нэп// Знамя. 1988. № 10.

Наше отечество. М., 1991. Т. 2. Гл. 5.

Напрасно абитуриенты-93 будут ждать нового издания единой программы по отечественной истории, которую по опыту прежних лет большинство вузов закладывает в основу экзаменационных билетов. Зато наверняка можно утверждать: традиционная преемственность экзаменационных вопросов сохранится. С этого номера «Репетитор» начинает публикацию материалов прошлогодней экзаменационной кампании.

БИЛЕТЫ ДЛЯ ВСТУПИТЕЛЬНЫХ ЭКЗАМЕНОВ 1992 ГОДА. МОСКОВСКИЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ

Билет 1. 1. Образование государства на Руси. «Русская правда» и ее историческое значение.
2. Внешняя политика России в современных условиях (1985—1992).

Билет 2. 1. Развитие феодальных отношений на Руси (IX—XI века).
2. Три волны политических репрессий в Советской России (1920-е — нач. 1950-х годов).

Билет 3. 1. Введение христианства на Руси и его историческое значение.
2. Социально-экономические и политические преобразования в стране. Административно-командная система управления (1920—1941).

Билет 4. 1. Культура Киевской Руси IX—XII веков.
2. Столыпинская аграрная реформа.

Билет 5. 1. Феодальная раздробленность на территории нашей страны.
2. Советская культура. Достоинства и потери (1945—1992).

Билет 6. 1. Борьба народов нашей страны с монголо-татарским нашествием.
2. Культура России в начале XX века.

Билет 7. 1. Борьба народов нашей страны с агрессией шведских и немецких феодалов.
2. Образование Советского государства (1917—1918).

Билет 8. 1. Культура Руси в XII — первой половине XIII века.
2. Октябрьская (1917) революция в России.

Билет 9. 1. Образование и укрепление Российского централизованного государства.
2. СССР во второй мировой войне.

Билет 10. 1. Борьба за объединение и независимость русских земель во второй половине XIV — начале XV века.
2. Культура России во второй половине XIX века.

Билет 11. 1. Завершение политического объединения русских земель во второй половине XV — первой трети XVI века.
2. Советская Россия в годы гражданской войны и иностранной интервенции (1918—1920).

Билет 12. 1. «Смутное время» в России (конец XVI — начало XVII века).
2. Развитие культуры в первой половине XIX века.

Билет 13. 1. Государственная власть при Иване IV. Опричнина и ее последствия.
2. Внешняя политика России в конце 20-х — начале 50-х годов XIX века. Крымская война.

Билет 14. 1. Юридическое оформление крепостного права в России (конец XV — середина XVII века).
2. Политика «военного коммунизма» и ее последствия.

Билет 15. 1. Культура России в XIV — XVI веках.
2. Третьеиюньская монархия.

Билет 16. 1. Восстание И. Болотникова.
2. Динамика национальных отношений на современном этапе в нашей стране.

Билет 17. 1. Сословно-представительная монархия в России (середина XVI — середина XVII века).
2. Рабочее движение в России в конце XIX века. Распространение марксизма.

Билет 18. 1. Борьба русского народа против польско-шведских интервентов в начале XVII века.
2. Общественное движение и зарождение политических партий в России (конец XIX — начало XX века).

Билет 19. 1. Народно-освободительная война украинского и белорусского народов. Воссоединение Украины с Россией.
2. Советская страна в период нэпа.

Билет 20. 1. Крестьянская война под руководством С. Разина.
2. Общественные движения в России во второй половине XIX века. Народничество.

Билет 21. 1. Северная война.
2. Советская страна в период восстановления (1945—1952).

Билет 22. 1. Социально-экономическое развитие России. Реформы Петра I.
2. Участие России в первой мировой войне.

Билет 23. 1. Культура России в первой четверти XVIII века.
2. Буржуазные реформы 60-70-х годов XIX века. Контрреформа 80-х годов.

Билет 24. 1. Внешняя политика России в середине XVIII века. Семилетняя война.
2. Крепостное право в России (основные этапы развития).

Билет 25. 1. Крестьянская война под руководством Е. Пугачева.
2. Развитие капитализма в России. Основные стадии и особенности.

Билет 26. 1. Русско-турецкая война второй половины XVIII века.
2. Советская страна в 70-е — середине 80-х годов.

Билет 27. 1. Русская культура в середине и второй половине XVIII века.
2. Россия в период второй буржуазно-демократической революции (февраль — октябрь 1917).

Билет 28. 1. Отечественная война 1812 года.
2. Перемены в жизни советского общества (середина 50-х — середина 60-х годов).

Билет 29. 1. Дворянский этап освободительного движения в России. Тайные революционные общества и их программы. Восстание декабристов.
2. Советский Союз во второй половине 80-х. Начало радикальных перемен.

Билет 30. 1. Усиление Московского княжества. Куликовская битва.
2. Общественное движение в России в 30-е — 50-е годы XIX века. Западники и славянофилы.

Билет 31. 1. Русская культура в XVII веке.
2. Революция 1905—1907 годов в России.

Билет 32. 1. Ливонская война.
2. Россия на рубеже XIX и XX веков. Экономика и политика.

Билет 33. 1. Установление монголо-татарского ига и его последствия.
2. Русско-турецкая война 1877—1878 годов.

Билет 34. 1. Дворцовые перевороты в России. Положение дворянства во второй половине XVIII века.
2. Русско-японская война (1904—1905).

Билет 35. 1. Общественный строй и культура восточных славян до образования государства.
2. Восстание К. Булавина.

Билет 36. 1. Развитие русских земель в XIV—XV веках. Экономика и общественно-политический строй.
2. Политическая активизация Советских республик. Возникновение СНГ.

Билет 37. 1. Установление абсолютизма в России. Этапы и особенности.
2. Переход страны к рыночным отношениям. Проблемы и перспективы.

Парадный въѣздъ Императрицы Елисаветы въ Москву. *Изъ коронаціоннаго изданія того времени.*

Родословие русских великих князей и царей, составленное австрийским герольдмейстером Лаврентием Хуреличем в 1673 году

В настоящее время Российский государственный архив древних актов (РГАДА) приступает к реализации новой перспективной программы. Речь идет о применении современных компьютерных средств в целях защиты и сохранения подлинных документов и уникальных рукописей, а также подготовки факсимильных публикаций и других изданий, в том числе на цифровых носителях информации. В работе будут принимать участие наряду с известными историками и палеографами технические специалисты Лаборатории оптической телеметрии (ЛОТ).

Мы обращаемся ко всем, кого волнует судьба исторического наследия России, с предложением оказать поддержку в осуществлении этого проекта.

Слева—миниатюры из австрийского текста рукописи «Родословие».

Справа—миниатюры из рукописи Посольского приказа.

В 1673 году австрийский герольдмейстер Лаврентий Хурелич составил родословие[1]. Эта рукопись не была полностью опубликована ни в Австрии, ни в России. Труд Хурелича нельзя оценивать как обычную генеалогию[2]. «Родословие» можно рассматривать как своеобразный публицистический прием, цель которого — призыв к совместной борьбе против Османской империи.

Не все верно и в генеалогических связях, изображенных автором, они отражают уровень исторических знаний западноевропейцев того времени о России, особенно в первой части рукописи, содержащей генеалогические построения истории российского правящего дома. Имперский герольдмейстер использует в своих построениях только две родственные связи киевских князей — брак 1043 года дочери киевского князя Владимира Марии-Доброгневы с Казимиром и брак 1051 года дочери Ярослава Мудрого Анны с Генрихом[3]. От этих браков он и предлагает вести происхождение прочих европейских домов.

Текст разделен на «венцы» или «короны» — каждая из этих частей показывает родство русских великих князей и царей с тем или иным царствующим домом Европы. Для данной публикации мы выбрали тексты «Короны четвертой» и «Короны шестой», соответственно объясняющие родство Российских государей с Французскими королями и с Польскими[4].

1673 года

Перевод с Книги латинской о Родословии Великих Российских Князей и Государей и о сродстве их посредством браков с осьмью Европейскими державами, поднесенной Царю Алексею Михайловичу, с изображением на конце его портрета*.

РОДОСЛОВИЕ

Пресветлейших и вельможнейших Великих Московских князей и прочая и всеа Росии непобедимейших Монархов особым тщанием и раднием из розных печатных и рукописных ауторов и из иных веры достойных памятствованей собранное Лаврентием Хуреличем, Священского цесарского и королевского величества Леопольда I-го Советником и священного Римского государства Героалдом.

В лето 1613-е, яко новое солнце на московском горизонте, на благополучном небе возсия государь поистине благополучнейший

МИХАИЛ ФЕДОРОВИЧ

Божиею милостию и народов жребьми избран Государь ЦАРЬ и Великий Князь Московский и Государь Самодержавнейший Всеа Росии и Иных. Его же преизрядная детельства, понеже даже до сего дни во очесех и в памяти человеческой суть, чего ради лутче явися весма, о них умолчати, нежели немного писати. Умре Государь преизряднейший, и безсмертныя славы достойный, Июля в 12 день в лето Христово 1645-е.

* Заголовок XVIII века, далее текст передается с сохранением языковых особенностей языка оригинала XVII века.

«Зрелище»— геральдическое изображение, символизирующее «родство» государей Европы.

Сему последова с неизреченною народов радостию и с ликовствованием сын равнопреизряднейший

Пресветлейший, вельможнейший и непобедимейший Великий князь Великий государь, царь и Великий князь

АЛЕКСЕЙ МИХАЙЛОВИЧ

Божиею милостию монарх Самодержавнейший, Всеа Великия и Малыя и Белыя Росии Самодержец, Московский, Киевский, Владимирский, Новгородский, царь Казанский, царь Астраханский, царь Сибирский, государь Псковский, Великий князь Смоленский, Тверский, Югорский, Перьмский, Вятский, Болгарский, и иных государств государь, и Великий князь Новагорода Низовския Земли, Черниговский, Резанский, Ростовский, Ярославский, Белоозерский, Удорский, Обдорский, Кондийский, и всеа Северныя страны повелитель, государь Иверския страны, Карталинских и Грузинских Царей и Кабардинския земли, Черкасских и Горских Князей и Иных многих Государств и земель Восточных и Западных и Северных отчичь и дедичь и наследник и Государь и обладатель и Государства Российского Вельможнейший повелитель. И прочая.

Его же царственный престол купно с возлюбнейшами сынами Феодором, Иоанном и Петром Треблажайший Бог на ползу Всего Христианства и на изкоренение махометанской ереси здравых и долголетных да благоволит Сохранити На многа лета.

Зрелище царския чести и крови
На нем же
чрез осмь частей короны
Родословно изъявляются
Како от древния Владимира
1-го Московского великого царя
крови

Все нынешнии европьстии короли чрез слученная Великих государей, королей, и цесарей супружества, яко и сам Вельможнейший и пресветлейший Великий царь и монарх преславнейший

АЛЕКСЕЙ МИХАЙЛОВИЧ
благополучно произыдоша.
Того ж де светлого царского Величества славе и чести посвещено.
АЛЕКСИЙ — великий царь Московский
КАРЛ 2 — король Английский и Шкотский
ЛЮДОВИК 14 — король Французский и Наварский.
ИОАН-КАЗИМИР — король Польский
КАРЛ 4 — король Свейский и Готский
ЛЕОПОЛД — Римский цесарь
ХРИСТИАН 4 — король Датский и Норвейский
КАРЛ 2 — король Гишпанский и Индейский*
АЛЬФОНС БРИГАНТИН — король Португалский.

Портрет царя Алексея Михайловича.

КОРОНА ЧЕТВЕРТАЯ,

изъявляющая сродство с христианейшим Французским королем Людовиком 14-м.

Владимир, великий царь Московский, поживе в лето Христово 938–е; жена Анна Византианка (Цареградка)

Ярослав, великий царь Московский, Владимиров сын

Игорь или Георгий, великий князь Московский и Смоленский, Ярослава Великого царя сын.

Анна, Игорева, или Георгиева дщи**; сочетанна Генрику 1-му королю Французскому.

Филип 1, король Французской, Аины и Генрика 1-го короля сын.

Людвик 6, король Французской, Филипа 1-го короля сын.

Людвик 7, король Французской,

* «Индейский» — имеются в виду испанские колонии в Америке.

**В действительности Анна была дочерью не Игоря, а Ярослава.

Людвика 6-го короля сын.

Филип 2, король Французской, Людвика 7-го короля сын.

Людвик 8, король Французской, Филипа 2-го короля сын.

Святый Людовик, король Французской, Людовика 8 короля сын.

Руберт, граф Сиряемотанский*, святаго Людовика короля сын.

Людовик Великий, первый князь Борбонийский**, Роберта графа Клеромелтанского сын.

Ияков, граф Каролейский***, Маркъский и Сияромонский, Людовика Борбония сын.

Иоанн Борбоний, граф Каролейский, Маркский и иных, сын Иякова графа.

Людовик Борбоний, граф Весдонский****, Иоанна графа Каролейского сын.

Иоанн Борбоний, граф Весдонский 2-й, Людовика сын.

Францишек, граф Весдонский 3-й, Иоаннов сын.

Кароль Борбонии, 1-й князь Весдонский, Францышка графа сын.

Антоний Борбоний, князь Вендомский, по жене учинен король Нававрский.

Генрик 4, король Французский и Наварский, Антония короля сын.

Людовик 13, король Французский и Наварвский, Генрика 4-го короля сын.

Людовик 14, король Французский и Наварвский, Людовика 13-го короля сын, родился в 5 день в лето Христово 1638.

КОРОНА ШЕСТАЯ,

изъявляющая сродство с полским королем, недавно умершим, Иоанном Казимером.

Владимир, великий царь Московский. Поживе в лето Христово 988-е , жена Анна, Романа царя Византийского дщи.

Мария, Владимирова дщи, браком сочетанна Казимеру 1-му Полскому королю, потом Доброгнева реченна.

*Роберт, граф Клермонский.

**Первый представитель династии Бурбонов.

***Граф Шароле.

****Граф Вандомский.

Владислав 1, король Польский, Марии и Казимера короля сын.

Болеслав прозванием Кривоусты, великий князь Полский, Владислава 1-го короля сын.

Казимер 1, князь Мазовецкий, Болеслава Кривоуста князя сын.

Конрад, князь Мазовецкий, Казимера 1-го князя сын.

Казимер 2, князь Мазовецкий, Конрада князя сын.

Владислав прозванием Локеток, король Полский, Казимера 2-го князя Мазовецкого сын.

Казимер Великий, король Полский, Владислава Локетка сын.

Казимер Великий, король Полский, Владислава Локетка сын.

Анна, Казимера Великого короля дщи, сочетанна Вилигелму графу Килийскому.

Варвара, Анны и Вилгелмы графа Килийского дщи, сочетанна Жигимонту римскому цесарю.

Елисаветь 1, Жигимонта римского дщи, сочетанна Алберту 2-му кесарю Аустрийскому.

Елисаветь 2, Алберта 2-го цесаря Аустрийского дщи, дана в жену Казимеру 4-му королю Полскому.

Жигимонт 1, король Полской, Елисавети и Казимера 4-го короля сын.

Катерина, Жигимонта 1-го короля Полского дщи, сочетанна Иоанну 3-му, королю Свейскому*.

Жигимонт 3, король Свейский и Полский, Катерины и Иоанна 3-го Свейского короля сын.

Иоанн Казимер, король Полский, Жигимонта 3-го короля сын, здал королевство и умре в прошлом году.

ЕПИЛОГ

Видел еси непобедимейший монархо Алексий Михайлович, яко несть король во всей Европе, иже бы ис крови предков твоих чрез сочетанное великих государей супружества не произшел. Тем же благоприветствую пресветлейшим рождением твоим. И аще желаеши, да во ином велищем родословном творении изъявлю, како вси прочии всеа христианские вселенныя государи царскому величеству твоему кровию суть союзни и сродни, то на милостивейшее твое повеление, покорственнейшем сердцем исполню. Ты же, прехвалнейший монархо, живи, здавствуй, царствуй, побеждай, и над враги христианские веры благополучно победителствуй. Сице славы, чести, величества и имени твоего по всей вселенной никогдаже будет. Конец.

*Король Швеции.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Рукопись является лицевым (т.е. богато иллюстрированным) экземпляром русского перевода, выполненного служившими в Посольском приказе видными русскими дипломатами Петром Долгово и Николаем Спафарием для царя Алексея Михайловича в 1673 году (РГАДА. Ф. 135. Древлехранилище. Оп. 1. Отд. 5. Рубр. 2 № 26; латинский оригинал хранится там же, № 27). Как установлено нами в недавнее время, в Посольском приказе в 1670-е годы было изготовлено по крайней мере два роскошно оформленных подносных экземпляра перевода. Оба они во второй половине XVIII века хранились в Московском архиве Коллегии иностраных дел, где была сделана также и копия для графов Воронцовых, известных собирателей книг, произведений искусства и «первых англоманов» России (хранится в библиотеке Алупкинского дворца-музея). «Государственное Древлехранилище»— один из важнейших фондов в РГАДА, где хранятся наиболее древние документы по истории России — духовные и договорные грамоты великих и удельных князей, Договоры Великого Новгорода и Пскова, «Русская Правда», «Судебники», летописи, дела о венчаниях на царство, свадьбах и погребениях государей; ценнейшие лицевые (иллюстрированные миниатюрами) древнерусские рукописи, выполненные мастерами Посольского приказа, — «Титулярник», или «Большая Государственная Книга», и представляемое нами «Родословие...» (См.: Государственное Древлехранилище хартий и рукописей. Опись документальных материалов фонда № 135. М., 1971).

2. См.: Рогов А.И. Русско-австрийские культурные связи в XVII веке //Австро-Венгрия и славяно-германские отношения. М., 1965. С. 20-28; Мыльников А.С. «Родословие» Лаврентия Хурелича// Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник. 1976. М., 1977. С. 21-31.

3. Подробнее об этих браках см.: Пашуто В.Т. Внешняя политика Древней Руси. М.,1968.

4. «Родословие» (РГАДА. Ф. 135. Оп. 1. Отд. 5. Рубр. 2. № 26. Л. 1, 13, 14, 14об. Л. 21-23; 25об.-27; 31 об.–32). Ср.: Europaesche Stammtafeln. Bd. 1-2. Marburg. 1960; а также: Kings and Queens of Europe. A genealogical chart of the Royal houses of Great Britain and Europe ... Comp. by: Anne Taute'. London. 1989.

Предисловие и публикация
ЕЛЕНЫ БЕЛОКОНЬ,
кандидата исторических наук

го отпевания убиенных царских мучеников.

По результатам обсуждения митрополит направил коллегии хранителей послание с мнением Особой комиссии, созданной Обществом памяти государя Николая II в Белграде. Владыка обратил внимание на необходимость считаться с этим документом. Кроме того, в письме было выражено недоверие кадету В. А. Маклакову, который, в отличие от Гирса, «*не служит в глазах почитателей убиенных тем лицом, причастность которого к делу хранения священных останков гарантирует его благовейность*». Ответ коллегии хранителей последовал незамедлительно. В своем письме хранители опровергли обвинения в свой адрес и подтвердили нецелесообразность раскрытия как имен хранителей, так и места хранения следственного делопроизводства: «*при нынешней политической обстановке весьма вероятно, что таким путем большевики добьются своей цели и все следственное производство, включая вещественные доказательства, попадут в их руки*»[8]. Необычайный интерес, возникший к тайне хранения после кончины Гирса, коллегия расценила как организованное движение, возможно, с целью дать большевикам воспользоваться любой неосторожностью в этом вопросе.

После этого Архиерейский Синод признал дальнейшую переписку с коллегией хранителей бесполезной. Митрополиту Антонию было предложено получить согласие великого князя Кирилла Владимировича и великой княгини Ксении Александровны на заочное отпевание царской семьи.

Основным доводом, приводимым в письме к Кириллу Владимировичу, необходимости проведения отпевания царственных мучеников и их верных слуг было следующее: «Лучше совершить (отпевание) над живыми, чем лишить его усопших». В октябре 1933 года ответ от Великого Князя пришел положительный.

Архиерейский Синод, ознакомившись с мнением главы династии, постановил совершить отпевание в Белграде, предварительно связавшись с югославским двором и святейшим патриархом Варнавой. На этом же настаивал и Кирилл Владимирович в своей телеграмме митрополиту Антонию.

В это время кампания по сбору подписей и обращений с требованием предания царственных останков земле достигла апогея. Из Белграда поступило ходатайство от лица 10 000 русских людей из различных стран рассеяния о внесении вопроса о погребении останков царских мучеников на обсуждение предстоящего собора Русской православной церкви за границей. В монархических кругах обсуждался вопрос о месте захоронения. Митрополит Антоний был готов уступить для этой цели купленный им для себя склеп под полом Иверской церкви в Белграде. Однако именно в этот момент, когда, казалось, все видимые препятствия были устранены, возникли новые затруднения. Архиепископ православных русских церквей в Западной Европе Серафим выступил против отпевания убиенных царских особ, мотивируя свою позицию несколькими обстоятельствами. В письме Антонию он напомнил об известной позиции сестер покойного императора и о том, что прошло уже 15 лет и отпевание вызвало бы среди эмиграции «*множество ненужных споров, раздоров, шума, которым так болеет наше русское общество*». Кроме того, в Югославии, как считал архиепископ, отпевание было бы понято сторонниками признания советской власти как монархическая демонстрация и могло бы вредно отразиться на положении русской эмиграции. Единодушного отношения вопрос об отпевании царской семьи не получил и на Соборе РПЦ[9].

Конец затянувшейся истории положило письмо Е. К. Миллера, председателя Российского общевоинского Союза (РОВС), митрополиту Антонию 27 июля 1936 года. Генерал Миллер написал, что до него дошли сведения, что перед началом панихиды по зверски убиенным Николаю II и его семье митрополит Антоний коснулся вопроса о судьбе останков, «*которые до настоящего времени находятся в руках врагов русского государства и хранятся в неподобающем месте*». Генерал уверил митрополита в ошибочности его представлений и напомнил, что еще три года назад разослал по этому вопросу циркулярное сообщение РОВСу, которое убедительно доказывало, что останков, которые могли бы заслуживать погребения, в действительности нет.

Процитируем генерала. «*Все это я знаю непосредственно от следователя Соколова, который, приехав зимой 1920/21 года в Париж, обратился ко мне с просьбой хранить у меня II-й экземпляр следственных материалов, конечно, кроме вещественных доказательств следствия, которые находились при подлинном следствии, приведенном Жаненом. Несколько месяцев чемоданы Соколова с копией следствия хранились у меня на квартире, а вещественные доказательства, среди которых имеется и то, что я перечислил, были тогда же переданы на хранение М. Н. Гирсом Особой комиссии в условиях, совершенно исключающих воможность утраты их, даже и в случае смерти кого-либо из членов коллегии*»[10].

Итак, круг замкнулся. Сенсация, которой жила русская эмиграция в течение трех лет, не состоялась. Так стоит ли сейчас вытаскивать на свет божий слухи шестидесятилетней давности и будоражить умы? Не лучше ли спокойно, взвешенно и квалифицированно подойти к изучению останков, извлеченных недавно из ямы в районе Чертова городища под Екатеринбургом, и наконец-то предать их земле по православному обряду. Даже если они окажутся не царского рода.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 44. Л. 246—248.
2. Там же. Л. 247.
3. Там же. Л. 246.
4. Там же. Л. 9—10.
5. Там же. Л. 11—11 об.
6. Там же. Л. 29—29 об.
7. Там же. Л. 33.
8. Там же. Л. 69.
9. Там же. Л. 97—98.
10. Там же. Л. 99.

Фото Анатолия Черея (г. Екатеринбург)

ТАТЬЯНА ПАВЛОВА,
заместитель директора Государственного архива Российской Федерации

НЕСОСТОЯВШАЯСЯ СЕНСАЦИЯ

В 30-е годы русскую эмиграцию потрясло известие: останки царской семьи вывезены из России в Европу и хранятся в тайном месте. В 90-е годы старая сенсация вновь пошла гулять по свету...

В последнее время выдвигаются различные версии относительно судьбы останков царской семьи, например, в «Известиях» (14 сентября 1991 года) утверждается, будто следователь Н. А. Соколов вывез царские останки в Европу, где они впоследствии при таинственных обстоятельствах исчезли...

Этой сенсации уже много лет. В 1932 году русскую эмиграцию взбудоражило появление в «Царском вестнике» сообщения Антона Керсновского о том, что царские останки, привезенные в Европу генералом Жаненом, находятся на хранении в «неподобающих условиях»[1]. По свидетельству генерала, 19 марта 1920 года Соколов передал ему четыре чемодана, в них вместе со следственным материалом находились останки императора Николая II, императрицы, царских детей и слуг.

Одновременно в «Нью-Йорк Таймс» бывший американский вице-консул в России Франклин Кларкин вспоминал, как адмирал Колчак обращался к американскому генеральному консулу Гаррисону (тот направлялся через Сибирь на Восток) с просьбой вывезти за границу останки царской семьи. Кларкин получил реликвии, хранившиеся в простой плетеной корзине. В Харбине четыре офицера, присланные генералом Хорватом, с благоговением вынесли корзину из вагона, уложили в машину, и один из них сказал Кларкину: *«Вы даже не знаете, что вы везли. Здесь все, что осталось от русской царской семьи...»*[2]. Затем корзину через Шанхай отправили в порт на Адриатику. Далее след теряется. По одной из версий, останки вскоре очутились в Румынии, где их якобы сохраняли в 30-е годы.

Однако вернемся к генералу Жанену и его чемоданам. В Париже он собирался передать их содержимое великому князю Николаю Николаевичу. Но тот предложил через своего представителя передать их бывшему царскому послу в Риме М. Н. Гирсу. До окончательного решения вопроса Жанен воспользовался услугами маленькой часовни своего имения Серр-Изар в 60 км от Гренобля. В 1932 году в беседе с сотрудником газеты «Журналь» Жанен утверждал, что останки действительно находились у него с июня по октябрь 1920 года, после чего были переданы Гирсу как старейшине русского дипломатического корпуса. Газета «Возрождение» уточнила, что речь идет о находках следователя Соколова в урочище Четырех братьев под Екатеринбургом.

8 августа 1924 года великий князь Кирилл Владимирович обратился к русским людям с извещением, что на его обращение к Гирсу по поводу хранения царских останков он не получил достаточных разъяснений (причина таилась в давней неприязни между Николаем Николаевичем и Кириллом Владимировичем). Обращение заканчивалось так: *«Исчерпав таким образом имеющиеся у меня возможности обеспечить достойное и надежное хранение священных для всего русского народа Останков, я обращаюсь к Русским людям, что Останки, столь для нас священные, принадлежат всему русскому народу и не могут быть присвоены или скрыты частными лицами под каким бы то ни было предлогом»*[3].

После смерти Гирса (1932) на заседании Архиерейского Синода Русской зарубежной православной церкви 15 декабря 1932 года было решено обратиться с запросом к преемнику Гирса В. А. Маклакову о судьбе и местонахождении останков. Одновременно митрополит Антоний направил письма аналогичного содержания Кириллу Владимировичу и сестре Николая II великой княгине Ксении Александровне.

Владыка испрашивал их согласия на возможное погребение останков в Белградском русском православном храме при содействии югославского короля Александра I. В письмах высказывалось мнение, что *«лучше оказать царские почести не царскому праху, чем оставить — по вздорному подозрению — царский прах без почестей и даже без христианского погребения»*[4].

6 января 1933 года митрополит Антоний получил ответ на свое послание от В. А. Маклакова: «*...После кончины Гирса мне стал известен порядок хранения, который был установлен для перевезенных из Сибири и по указанию вел. кн. Николая Николаевича переданных М. Н. Гирсу ген. Жаненом документов и различного рода предметов, относящихся к следственному производству об убиении царской семьи. Ввиду их исключительного характера все они были переданы на хранение особой специальной коллегии в условиях, совершенно исключающих возможность утраты их вследствие чьей-либо смерти... Способ хранения был рассчитан на время не одной человеческой жизни, а на все время, пока в хранении их за границей продолжается печальная необходимость*».

Одновременно через управляющего канцелярией императора Кирилла Владимировича капитана 2-го ранга Г. Графа митрополиту Антонию было сообщено мнение его величества о возможном перенесении останков в Югославию для захоронения в Русской церкви в Белграде. Кирилл Владимирович предложил произвести тайное захоронение в секретном месте.

Кроме того, он предложил в конфиденциальном порядке запросить великих княгинь — сестер императора Николая II — о том, что им известно о хранении останков царской семьи, так как «было время, когда великие княгини не считали эти останки таковыми, а лишь вещественными доказательствами»[5]. Вскоре Синод вторично обратился в великой княгине Ксении Александровне.

В письме от 25 февраля 1933 года Ксения Александровна сообщила как свое мнение, так и мнение своей сестры. «*Можем ли мы*, — писала она, — *всенародно утверждать, что Соколов не ошибся, и, положа руку на сердце, как бы дать клятву, что это верно... В глубине души у нас теплится еще надежда, что мой дорогой брат и его семья живы. Как же я могу сама, не будучи уверенной, убеждать других?*»[6] Митрополит еще раз обратился к великой княгине с письмом, в котором заверил о полном доверии к следствию, произведенному Соколовым, и сделал вывод: «*...думается, что мы меньше погрешим, если маловероятной, как мне представляется, ошибкой совершим отпевание останков, не принадлежащих царственным мученикам, чем если оставим это дело так*»[7]. Антоний никоим образом не собирался придавать делу политическую окраску; более того, он стремился по возможности сохранить все в тайне от непосвященных.

11 апреля 1933 года Архиерейский Синод обратился к хранителям священных останков с предложением передать их для предания христианскому погребению временно, до получения возможности перевезти их в Россию. Ответ коллегии хранителей был получен 18 мая 1933 года с сопроводительным письмом Маклакова.

Послание оказалось без подписи, но из текста явствовало, что написано оно «*хранителями следственного производства об убийстве царской семьи, известными В. А. Маклакову, скрывающими свои подлинные лица, так как вынуждены были это делать, связанные обещанием хранить эти имена в строжайшей тайне*». В связи с изложенным, а также учитывая интерес советских властей к следственным материалам Соколова, хранители не сочли возможным рассекретить обстоятельства хранения, а тем более вскрыть опечатанные ящики с вещественными доказательствами. В отношении хранения царственных останков коротко и безапелляционно: «*Никаких священных останков, принадлежащих царственным мученикам, в числе вещественных доказательств не имеется...*».

Этот ответ обсуждался на заседании Архиерейского Синода 7 июня 1933 года. Было постановлено «*считать по-прежнему, что в следственном производстве хранятся останки, но вместе с тем признать основательность доводов относительно затруднительности для них выделения сих останков из предметов следственного производства*».

Синод все же посчитал необходимым включить в состав коллегии хранителей одного из членов царской семьи и постановил обсудить вопрос о своевременности совершения хотя бы заочно-

Фото Бориса Кремера (г. Москва)

дартных критериев, использовавшихся западной мыслью для различения законного короля от деспота, было то обстоятельство, что первый уважает собственность своих подданных, а второй — нет.

В России такие возражения против «сеньориальной» формы правления неизвестны. В целом ряде писем, адресованных Ивану IV из своего литовского прибежища, князь Андрей Курбский обрушился с нападками на всю идею государства как вотчины. Однако проведенный недавно анализ переписки Ивана с Курбским ставит ее подлинность под такое сильное сомнение, что на нее нельзя больше полагаться как на источник[7]. В экономических обстоятельствах, господствовавших в России в Средние века и в начале Нового времени, институт частной собственности не мог устойчиво опереться ни на обычай, ни на закон, а незнание римского права делалось серьезным препятствием для внесения этого института со стороны. Соответственно, между ролью царя как собственника и как суверена не проводилось разграничения. По мере московской экспансии новые территориальные приобретения немедленно присоединялись к вотчине великого князя и оставались при ней навсегда. Таким образом, российская монархия выросла прямо из порядка власти удельного княжества, то есть из порядка, который был рассчитан первоначально на экономическую эксплуатацию, основанную большей частью на рабском труде. (...)

На Западе государственная машина также выросла из аппарата, управлявшего королевскими поместьями. В России, однако, поместные учреждения превратились в государственные необычайно поздно. Во Франции это разделение завершилось к XIV веку, а в России оно началось только в XVIII веке. Такая задержка приобретает немалое значение, если вспомнить, что национальные государства стали складываться в обеих странах примерно в одно и то же время, то есть около 1300 года. Во-вторых, в России различие между поместной и публичной сферами всегда оставалось довольно нерезким, что не могло не наложить отпечатка на поведение управлений. Западный феодализм создал ряд учреждений (суд, curia regis. Генеральные Штаты), которые самим фактом своей отдельности от управления королевского двора укрепляли ощущение публичного порядка. Английский теоретик конституционного права XVI века Томас Смит хорошо выразил это, сказав, что суверенитет есть результат слияния короля и народа, происходящего, когда заседает парламент. В России государственное управление выросло не из сознания, что князь и государство — это разные вещи и нуждаются поэтому в раздельных учреждениях, а скорее из того, что штат княжеского двора был больше не в состоянии один справиться с задачей управления. Представление о том, что правитель и государство отнюдь не тождественны (естественное в любой стране с феодальным прошлым), появилось в России лишь в XVIII веке под влиянием западных теорий. Но к этому времени политические взгляды и обычаи страны уже вполне сложились. (...)

В своем качестве вотчинника всея Руси московский правитель обращался со своим царством примерно так, как его предки обходились со своими поместьями. Идея государства отсутствовала в России до середины XVII века и даже после своего появления не была толком усвоена. А поскольку не было концепции государства, не было и следствия ее — концепции общества[8]. То, что в современном русском языке выражается словом «общество» (неологизм XVIII века), в словаре Московской Руси обозначалось словом «земля». В Средние века этим термином называлась доходная собственность[9]. Иными словами, «земля» воспринималась главным образом не как противовес сеньору, царю, а как объект его эксплуатации. Как и везде, целью вотчинного строя на Руси была выжимка из страны всего имевшегося в ней дохода и рабочей силы. Джайлс Флетчер, поэт и государственный деятель елизаветинских[10] времен, в 1588—1589 годах побывавший в России и оставивший во многих отношениях лучшее из дошедших до нас описаний Московского царства, сделанных очевидцами, сообщает, что Иван IV нередко сравнивал свой народ с бородой или с отарой овец, поскольку обоих для доброго роста надобно часто стричь[11]. Неизвестно, аутентична эта метафора или ее выдумали жившие в Москве английские купцы, однако в любом случае она верно отражает дух, пропитывавший внутреннюю политику московского правительства, да и вообще любого правительства вотчинного, или «сеньориального» типа.

II.

Достоверные документальные свидетельства по *теории* российского монархического правления в период его становления весьма скудны. Однако что касается политических *воззрений* московского двора, то здесь аутентичных материалов достаточно, чтобы сделать по этому поводу кое-какие обобщения. Западные люди, посетившие Россию в XVI-XVII веках, были ошеломлены заносчивостью, с которой они столкнулись в Москве. По наблюдениям иезуита Поссевино, отправленного Папой послом к Ивану IV, царь был абсолютно убежден в том, что является могущественнейшим и мудрейшим правителем на свете. Когда в ответ на его похвальбу Поссевино вежливо напомнил Ивану о других прославленных христианских князьях, тот спросил — скорее презрительно, чем недоверчиво — «Да сколько же их на свете?» (Quinam isti sunt in mundo?). Жители Москвы, обнаружил Поссевино, разделяли самомнение своего правителя, ибо посол слышал, как они говорили:

«Это знает лишь один Господь и наш Великий Господин (Magnus Dominus) (то есть наш Князь). Этот наш Великий Господин знает все. Одним словом, он может развязать любой узел и разрешить все затруднения. Нет такой веры, с обрядами и догмами которой он не был бы знаком. Всем, что мы имеем, и тем, что мы хорошо ездим верхом, и тем, что мы в добром здравии, всем этим мы обязаны милости нашего Великого Господина».

Поссевино добавляет, что царь усердно насаждает такую веру среди своего народа[12].

По отношению к иноземным послам, особенно западным, московский двор любил выказывать нарочитую грубость, как бы стараясь показать, что в его глазах они представляют правителей низшего сорта. По московским понятиям, настоящий суверен должен был отвечать трем условиям: происходить из древнего рода, занимать трон по праву наследования и не зависеть ни от какой другой власти, внешней или внутренней[13]. Москва чрезвычайно гордилась древностью своего рода, который она еще сильнее состарила, поведя его от дома римского императора Августа. С макушки этого вымышленного генеалогического древа она могла свысока смотреть почти на все современные королевские дома. Что касается способа вступления на престол, то здесь также высоко ставился наследственный принцип: настоящий король должен быть вотчинным, а не выборным, посаженным. Покуда польский трон занимал наследственный монарх Сигизмунд Август, Иван IV, обращаясь к королю Польскому, звал его братом. Однако он отказался называть так преемника Сигизмунда Стефана Батория, потому что этого короля избрали на должность. Наибольшее значение придавалось критерию независимости. Правитель есть настоящий суверен, или самодержец, лишь в том случае, если он может делать со своим царством, что хочет. Ограничение королевской власти звалось «уроком», а ограниченный монарх — «урядником». Всегда, когда перед Москвой вставал вопрос об установлении отношений с какой-либо иностранной державой, она доискивалась, сам ли себе во всем хозяин ее правитель — не только в сношениях с другими странами (такими вещами западная дипломатия тоже всегда интересовалась), но и в своем собственном королевстве. Например, когда император Бабур, глава только что основанной в Индии Могольской династии, отправил в Москву посланца с предложением «быть в дружбе и братстве» с великим князем Московским Василием III, Москва отрицательно отреагировала на этот пробный шар. Великий князь «в братстве к нему не приказал, потому что он не ведает его государства — неведомо: он — государь или государству тому урядник»[14]. Такой же подход проявился в письме, посланном Иваном IV в 1570 году королеве Елизавете:

«И мы чаяли того что ты на своем государстве государыня и сама владеешь и своей государьской чести смотришь и своему государству прибытка. И мы потому такие дела и хотели с тобою делати. Ажно у тебя мимо тебя люди владеют и не токмо люди, но мужики торговые и о наших о государских головах и о чести и о землях прибытка не смотрят, а ищут своих торговых прибытков»[15].

В конечном итоге, предъявляемым Москвой высоким требованиям отвечали лишь два властителя: турецкий султан и ее собственный великий князь — те самые два правителя, которых Бодин выделил как «сеньориальных» монархов Европы. Теперь мы можем понять, почему Иван IV пренебрежительно отреагировал на упоминание Поссевино о других «прославленных» христианских королях.

В завершение разбора вотчинного монархического правления в ранний период истории современного русского государства следует обратить внимание на любопытный этимологический факт. У ранних славян для обозначения главы семейства, обладавшего всей полнотой власти над имуществом семьи, равно как и над жизнями ее младших членов (которых он мог продать в рабство), одновременно использовались два слова: «господин» (или «господ») и «государь» (или «господар»). Эти слова родственны многим терминам индо-европейского словаря, касающимся дома и его противоположности — незнакомца, таким, как латинское hostis («чужой, враг») и hostia («жертвенное животное, жертва») и английские антонимы host («хозяин») и guest («гость»)[16]. В документах Киевского и раннего удельного периодов слова «господин» и «государь» употреблялись вперемешку для обозначения и правителя, и владельца, что не удивительно ввиду отсутствия сколько-нибудь серьезного различия между властью и собственностью на этом этапе исторического развития Руси. Из этого правила было одно важное исключение, а именно: что рабовладелец всегда звался «государем». К концу удельного периода произошло размежевание значений: «господин» стал относиться к власти в публичной сфере, а «государь» — в частной. Обращаясь к удельному князю, вольные люди обыкновенно звали его господином. Новгород тоже называл себя «Господином Великим Новгородом». «Государь», с другой стороны, стал в конце концов обозначать то, что у классических греков называлось бы despotes'ом, а по латыни — dominus'ом. Князь был «господином» вольных людей, живущих в его уделе, и «государем» для своих рабов. В своем поместье обычный вотчинник также назывался «государем» еще в XVII веке.

Таков был обычай, покуда Москва не заняла главенствующего положения в стране. Собственнический характер княжеской власти в России отражается в том, что цари избавились от этого терминологического различения и требовали, чтобы их величали исключительно государями. Этот обычай повелся с начала XV века и, возможно, представлял собою намеренное подражание монгольской традиции. Иван III ставил титул государя на своих монетах и печатях и требовал, чтобы именно так его и величали. После того, как на трон сел Иван IV, «государь» сделался частью официального титула российских правителей и начал использоваться во всех официальных документах. Очевидно, значение того факта, что термин, обозначающий «суверена» в современном русском языке, произошел из словаря частного права, от слова, обозначавшего собственника, и в особенности собственника рабов. Термин «государство», в отличие от английского state, не подразуме-

Знакомьтесь: Ричард Пайпс. Впрочем, возможно, многим читателям этот признанный мэтр американской россики уже известен.
В своей программной монографии «Россия при старом режиме» (1981), отрывок из которой мы предлагаем вниманию читателей, американский ученый в концентрированном виде выразил свое понимание особенностей российского исторического процесса.
Блестящее владение материалом, обширность познаний, научная эрудиция автора не уберегают его,однако, от излишней, на наш взгляд, увлеченности одной-единственной идеей — доказательством вотчинного характера российской государственности как определяющего, судьбоносного свойства всей российской истории. Автор выбирает и прослеживает на протяжении нескольких веков лишь одно, хотя и очень характерное, явление — нерасчлененность институтов собственности и власти. Разнообразная палитра иных политико-культурных ориентиров и типов государственного строительства, имевших место в тысячелетней русской истории, остается на периферии авторского зрения.
Можно принять или отвергнуть гипотезу Пайпса, но нельзя не отдать должного основательности и остроумию его научных построений. И очень полезно не спеша вчитаться в его текст, с интересом наблюдая разнообразие исторического антуража его творческой лаборатории.

Татьяна Филиппова,
кандидат исторических наук

РИЧАРД ПАЙПС *(США)*

ВОТЧИНА

I.

Завоевание Москвой безусловного первенства в России включало два процесса: внешний, целью которого было принудить все другие удельные княжества, а также Новгород и Литву признать московского правителя своим сувереном, и внутренний, направленный на придание верховной власти вотчинного, поместного характера, то есть на переход земли и населяющих ее жителей в полную ее собственность. Корнями своими оба эти процесса уходят в идею вотчины.

Происходили ли великие князья Владимирские из Москвы, Твери или какого-нибудь иного удельного княжества, они всегда рассматривали свои владения как вотчину, то есть свою безусловную собственность. Их власть над своими владениями может быть уподоблена власти держателя dominium'а в римском праве, определяемой как «абсолютная собственность, исключающая иные виды собственности и подразумевающая за своим обладателем право пользования, злоупотребления и уничтожения»[1].

Поначалу вотчинные притязания князей ограничивались городами и волостями, унаследованными или лично приобретенными ими. Однако с середины XV века, в связи с укреплением могущества московских князей и их переходом к открытой борьбе за установление верховной власти над всей Русью, значение термина расширилось и стало обнимать всю страну. Как сказали однажды литовцам послы Ивана III, «ано не то одно наша вотчина, кои городы и волости ныне за нами: и вся русская земля, Киев и Смоленск, и иные городы, которые он [Великий Князь Литовский] за собою держит к литовской земле, с Божиею волею из старины, от наших прародителей, наша отчина»[2]. Когда впоследствии Иван IV вторгся в Ливонию, которая никогда не входила в состав Киевского государства, он безо всяких колебаний стал звать вотчиной и ее.

Представление о королевстве как о личной вотчине монарха не было абсолютно чуждо и западной политической мысли. Сохранились записи о беседах Фридриха II с двумя правоведами, в которых он спрашивал их, «не является ли император по праву dominus'ом всего, что принадлежит его подданным». Собеседник, у которого достало мужества ответить, полностью отверг такой взгляд: «он господин в политическом смысле, но не в смысле собственника»[3]. Вотчинный подход так и не укоренился на Западе, где теоретики твердо придерживались резкого разграничения между собственностью и властью, между dominium'ом и imperium'ом или iurisdictio. Концепция политической власти, отправляемой как dominium, представляла собою очевидную угрозу интересам частных собственников, в Западной Европе столь многочисленных и влиятельных, и одного этого хватило, чтобы сделать ее неприемлемой. Распространение знаний римского права в XII веке способствовало подведению под это разграничение твердого теоретического основания. В своих «Шести книгах о республике» (1576—1586) Жан Бодин, основатель современной теории суверенитета, в дополнение к двум традиционным формам единоличной власти — монархической и (ее извращение) тиранической, выделил третий тип, названный им «сеньориальным». Монархия такого рода, по его мнению, создается в результате вооруженного захвата. Отличительным признаком la monarchie seigneuriale является то обстоятельство, что «король делается господином достояния и личности своих подданных... управляя ими наподобие того, как глава семьи управляет своими рабами». Бодин добавляет, что в Европе существуют всего два таких режима, один в Турции, а другой — в Московии, хотя они широко распространены в Азии и Африке. Он считал, что народы Западной Европы такого правительства не потерпели бы[4].

Речь шла, разумеется, не только о понятиях и названиях. В основе вотчинного порядка лежала мысль о том, что между собственностью правителя и собственностью государства нет различия, тогда как в Западной Европе считалось, что такое разграничение необходимо. Начиная примерно с 1290 года обычай во Франции требовал, чтобы король относился к имуществу короны как к неприкосновенному фонду. После 1364 года от французских королей требовалась клятва, что они не отторгнут ни малейшей части доставшегося им при вступлении на трон королевского поместья; исключение составляли лишь государственные доходы, личное имущество и завоеванные земли. Далее, в XVI веке постановили, что завоеванные королем территории остаются в его распоряжении всего на десять лет, а потом включаются в поместье короны[5]. Таким образом, французские правители — наиболее авторитарные в Западной Европе — должны были отказаться от права собственности на имущество короны; даже нарушая этот принцип на практике, они не оспаривали его правомочности. Испанский правовед XV века четко и кратко сформулировал отношение Западной Европы к «сеньориальному», или вотчинному, правлению: «Королю вверено лишь управление делами королевства, а не господство над вещами, ибо имущество и права Государства имеют публичный характер и не могут являться ничьей вотчиной»[6]. Что же до святости частной собственности, то она была аксиомой западной политической философии и юриспруденции начиная со Средних веков. И хотя этот принцип периодически нарушали, его правомочность никогда всерьез не ставили под сомнение, покуда не распространились социалистические учения Нового времени. Одним из стан-

Публикуемая статья —фрагмент из книги «Россия при старом режиме» (1981), готовящейся к переизданию в России издательством «Независимой газеты». При чтении следует учесть, что термин «вотчинный», многократно используемый переводчиком В. Козловским, в отечественной науке чаще употребляется в форме «патримониальный» — *Ред.*

вает различия между частным и публичным, между dominium'ом и imperuim'ом: оно представляет собою чистой воды dominium, обозначая «абсолютную собственность, исключающую иные виды собственности и подразумевающую за своим обладателем право пользования, злоупотребления и уничтожения»[17].

Подобно другим историкам, при разборе эволюции русской монархии мы сосредоточили свое внимание на Москве, поскольку она сделалась столицей российской империи, да и история ее известна лучше истории всех других княжеств. Однако вотчинное умозрение и вотчинные институты не ограничивались Москвой, они коренились в удельном строе и во всем геополитическом положении северо-восточной Руси. Составленное в 1446—1453 годах в Твери «Слово инока Фомы» поет хвалы князю Тверскому почти в таких же тонах, в каких московская панегирическая литература позднее воспевала своего царя. «Слово» называет тверского князя «царем», «государем», «самодержцем», наследником императорского титула и говорит о Твери как о новой столице православной веры[18]. Этот отрывок дает основание предположить, что, случись по-иному, историки вполне могли бы говорить о Твери как об источнике вотчинного строя в России.

Питая великую веру в свои силы, Москва принялась в середине XV века собирать обширную «вотчину», на которую она предъявляла свои права. В теории, целью московской экспансии было поставлено собирание всех земель, составлявших Русь. Отсюда речь шла и о большей части Литвы. Однако, как мы отмечали выше, речь шла также и о Казани, Астрахани и Ливонии, которые сроду не входили в Киевское государство. Из-за отсутствия в этой части земного шара природных границ даже с самыми лучшими намерениями нельзя было провести рубеж, отделяющий земли Руси от территорий, заселенных народами других рас и вероисповеданий. Когда еще только начинало складываться национальное государство, под русской властью жили финны и тюрки. Позднее к ним добавились другие народы. В результате этого устройство национального государства и создание империи (процессы, на Западе разделенные и по месту, и по времени) происходили в России одновременно, бок о бок, и были практически неотличимы друг от друга. Когда какая-то территория аннексировалась Москвой, была она или нет частью Киевского государства и к какой бы нации или религии ни принадлежало ее коренное население, она немедленно присоединялась к «вотчине» правящего дома, и все последующие монархи относились к ней как к некоему священному неделимому фонду, отдавать который не полагалось ни при каких обстоятельствах. Цепкость, с которой российские правители вне зависимости от их текущей идеологии держались за каждый квадратный сантиметр земли, когда-либо принадлежавшей одному из них, коренится в вотчинной психологии. Это территориальное выражение того же принципа, исходя из которого российские правители ни под каким видом добровольно не уступали своим подданным ни иоты политической власти[19].

III.

Обрисованная нами система была настолько застрахована от давления снизу, что, по крайней мере в теории, она должна была воспроизводить себя до бесконечности. Монополия короны на политическую власть, ее собственность практически на всю землю, торговлю и промышленность, плотный контроль над всеми классами общества и способность изолировать страну от нежелательных иноземных влияний — все эти обстоятельства в своей совокупности гарантировали, казалось, бесконечный застой. Не видно, каким образом московское население могло бы изменить установившийся порядок, если б оно того захотело: к тому же, как указывалось выше, у него были хорошие причины косо смотреть на перемены. Великие вотчинные государства эллинистического мира, с которыми у Московии было много общего, развалились не в силу причин внутреннего свойства, а вследствие завоевания. То же самое относится и к сходным по типу «восточным деспотиям» в Азии и Центральной Америке.

И тем не менее вотчинный строй в России подвергся значительным изменениям, хотя изменения эти пришли в первую очередь сверху, со стороны самого правительства. Причина того, что русская монархия сочла необходимым несколько видоизменить закрытую и статическую систему, создать которую стоило таких трудов, кроется, главным образом, в отношениях между Россией и Западной Европой. Из режимов вотчинного типа и восточных деспотий Россия была географически ближе всего к Западной Европе. Далее, будучи страной и христианской, и славянской одновременно, она была более податлива западному влиянию. Вследствие этого, столкнувшись — особенно на поле брани — с более гибкими и «научно» организованными западными институтами, она первой ощутила пороки своего жесткого, негибкого устройства. Россия первой из незападных стран пережила период неверия в свои силы (через который прошли впоследствии другие незападные народы), вызванный осознанием того, что, какой бы недостойной и негодной ни казалась западная цивилизация, ей удалось завладеть секретом могущества и богатства, который надобно перенять тем, кто хочет с ней успешно тягаться.

Все это российское правительство осознало во второй половине XVII века, за двести лет до того, как подобное потрясение постигло Японию — другую не подвергшуюся колонизации незападную державу. Преодолев первоначальное замешательство, Россия затеяла процесс внутренних реформ, который, то ослабевая, то усиливаясь, продолжается и по сей день. Первой подверглась реформе армия. Однако вскоре сделалось очевидно, что недостаточно просто копировать западные военные приемы, поскольку более глубинные источники могущества Запада лежат в его общественных, экономических и культурных основаниях, которые тоже придется тогда заимствовать. Ширящиеся контакты с Западом заставили русских государей осознать, что мощь их была более видимой, чем реальной; строй, при котором корона всем владела или распоряжалась, резко ограничивал их возможности, ибо лишал их поддержки свободно действующего общества. В результате монархия начала осторожно вносить изменения в существующий порядок. Поначалу она надеялась просто пересадить западные новшества в организм вотчинного строя и так насладиться достоинствами обеих систем. «Нам нужна Европа на несколько десятков лет, а потом мы к ней должны повернуться задом», — как-то доверительно сообщил своим соратникам Петр Первый[20]. Однако, раз начавшись, процесс этот уже не мог быть остановлен, ибо, набирая силу и все менее завися от реформаторских мер правительства, элита общества сама принялась давить на монархию, добиваясь от нее прав, которые та ей предоставлять не намеревалась. Конечным результатом явилась ликвидация (отчасти добровольная, отчасти вынужденная) трех из четырех важнейших элементов вотчинного порядка. За девяносто лет, прошедших с 18 февраля 1762 года, когда дворян официально освободили от обязательной государственной службы, по 19 февраля 1861 года, когда получили свободу крепостные крестьяне, распалась иерархия сословий, зависимых от монархии. «Чинам» была дарована воля, их преобразовали в «сословия» и разрешили им нестесненно преследовать свои интересы. Одновременно корона отказалась от своих притязаний на владение всеми хозяйственными богатствами страны. Во второй половине XVIII века она отказалась от монополии на землю, передав поместья дворянам в полную и безусловную собственность, и упразднила почти все монополии на торговлю и промышленность. Наконец, страна была распахнута практически неограниченному притоку иноземных идей.

Н. Некрасов Московский Кремль при Иоанне III

Казалось, что все эти события предвещают и грядущую политическую европеизацию России, то есть приведут к такому положению, когда государство и общество будут существовать в некоем равновесии. Могло создаться впечатление, что вотчинный строй, из–под которого были вынуты социально-экономические и культурные подпорки, уже вполне обречен. Так, по крайней мере, казалось большинству россиян и иноземцев, задумывавшихся о путях императорской России. История, однако, показала, что к такой развязке события не привели. Проведенные царским правительством реформы не оправдали ожиданий. Хотя монархия была не прочь предоставить населению страны значительные экономические послабления и гражданские права и допустить известное вольнодумство, она не желала поступиться своей монополией политической власти. Вотчинному духу нанесли сильный удар, однако он продолжал витать за фасадом империи, что понимали наиболее прозорливые умы, которых не смогла ввести в заблуждение иллюзия «исторической тенденции», — в том числе Сперанский, Чаадаев и Кюстин. Почему царское правительство ие сделало последнего, решающего шага и не решилось дать стране конституцию – «увенчать здание» — вопрос сложный: он будет разбираться отдельно. Достаточно отметить, что правительство наотрез отказалось делиться с обществом политической властью, и даже когда революционные события 1905 года принудили его даровать конституцию, оно уступило больше формально, чем по существу.

Незавершенностью реформ в отношения между государством и обществом в России были внесены гибельные противоречия. В интересах национального могущества и престижа население побуждали образовываться, обогащаться и вырабатывать у себя государственное сознание, а также, когда его позовут, приходить на помощь «своему» правительству. В то же самое время ожидали, что оно будет терпеть излишне опекающий его режим, который не признает для себя ни ограничений, ни норм и не только не дает населению участвовать в разработке законов, но и запрещает ему под страхом сурового наказания открыто высказываться о возможности такого участия.

В этом-то и лежал источник трений, пронизывающих

всю историю послепетровской России. Старый порядок, который при всех своих пороках был по крайней мере последователен, поломали и заменили строем, в котором были намешаны старые и новые элементы. Такое устройство постепенно урезало власть, которой некогда пользовались русские государи, не предоставляя им в то же время преимуществ либерального и демократического правления.

Конечным результатом всего этого было размывание царской власти, а поскольку царская власть была единственной законной властью в стране — и постепенная общая политическая дезорганизация. Дабы отвлечь внимание элиты от политики, монархия щедро удовлетворяла ее материальные запросы. Екатерина II, по сути дела, разделила страну на две половины, каждую из которых передала в кормление одному из составных элементов служилого сословия — дворянам-землевладельцам и чиновникам. Обеим группам позволили эксплуатировать страну, как им вздумается, лишь бы они платили положенную сумму налогов, поставляли рекрутов и не совались в политику. Теперь Россия была практически отдана на откуп частным собственникам. В виде платы за сохранение своих самодержавных прав — в условиях, когда эти права были уже бессмысленны, — монархии пришлось в большой степени отказаться от своего права собственности на страну.

Вследствие этого сложилось в высшей степени любопытное положение. Формально власть российских правителей в XVIII и XIX веках оставалась всеобъемлющей, и ничто не могло сдержать царя, вознамерившегося достичь какой-то конкретной цели: он мог издавать какие угодно законы, создавать, преобразовывать и упразднять учреждения, объявлять войну и заключать мир, распоряжаться государственными имуществами, возвышать или губить отдельных своих подданных. Однако контроль государей над страной в целом и их способность вмешиваться в ее каждодневные дела были уже далеко не безграничны и все более уменьшались. История русской политической жизни в эпоху империи изобилует примерами, показывающими, что правителям отнюдь не всегда удавалось поставить на своем в вопросах первостепенной политической важности. Как будто бы они были капитанами корабля, обладающими полной властью над его командой и пассажирами, но почти не имеющими права голоса в управлении им или в выборе курса. Тенденция развития, так часто отмечаемая в жизни русских монархов (Екатерины II, Александра I и Александра II), — от либерализма к консерватизму — объяснялась не отсутствием у них искреннего стремления к реформам, а приходившим к ним с опытом пониманием того, что они просто не в состоянии вести свою империю в желаемом направлении и в лучшем случае могут лишь удерживать ее от погрязания в хаосе. «Самодержавие» все больше и больше превращалось в отрицательное понятие, обозначавшее удержание общества от участия в выработке политических решений; оно перестало обозначать безраздельный контроль монархии над страной. Парадоксально, но факт, что, требуя для себя монопольной политической власти, русские самодержцы оказались более безвластны, чем их конституционные собратья на Западе.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Paul Vinogradoff в The Legacy of the Middle Ages. C. G. Crump and E. F. Jacob, eds. (Oxford 1926), p. 300.
2. М. Дьяконов. Власть московских государей. СПб., 1889, с. 133.
3. Paul Vinogradoff. Roman Law in Medieval Europe (Oxford 1929), p. 62.
4. Jean Bodin. The Six Books of a Commonweale (1606) (Cambridge. Mass. 1962). Book II. Ch. 2, pp. 197—204.
5. Jacques Ellul. Histoire des institutions (Paris 1956). II, p. 235—236, 296.
6. J. H. Elliott. Imperial Spain. 1469—1716 (London 1963), p.73.
7. Edward L. Keenan. The Kurbskii-Groznyi Apocrypha (Cambridge. Mass. 1971). Представленная здесь точка зрения не получила широкого распространения в современной науке. Последние исследования вполне убедительно доказывают безусловную подлинность переписки. См. Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. Л., 1979 (Сер. «Лит. памятники»). — *Ред.*
8. Некоторые ученые (например, Джон Кип [John Keep] в Slavonic and East European Review. April 1970, p. 204, и Ганс Торке [Hans Torke] в Canadian Slavic Studies. Winter 1971, p. 467) усматривают на Руси нарождающееся общество уже в конце XVII века (Кип) и даже в середине XVI века (Торке). Профессор Кип основывает свою точку зрения на брожении среди служилого класса, однако заключает, что его попытки добиться кое-какой свободы от государства не увенчались успехом. Свидетельства, приводимые профессором Торке, в основном указывают на то, что русское правительство в XVI веке увидело целесообразность привлечения разных сословий к управлению страной. Идея общества, как я ее понимаю и как она обычно определяется на Западе, предполагает признание государством права социальных групп на юридический статус и на узаконенную сферу свободной деятельности. В России же это право было признано лишь в царствование Екатерины II.
9. Г. Е. Кочин. ред. Материалы для терминологического словаря древней России. М.-Л., 1937, с. 126.
10. Имеется в виду правление английской королевы Елизаветы I (1558—1603). — *Ред.*
11. Giles Fletcher. Of the Russe Commonwealth (London 1591), p.41.
12. Antonio Possevino. Moscovia (Antwerp 1587), p. 55, 93.
13. М.Дьяконов. Очерки общественного и государственного строя древней Руси. 3-е изд. СПб., 1910, с. 419—20.
14. Русско-индийские отношения в XVII веке. Сборник документов. М., 1958, с. 6.
15. Юрий В. Толстой. Первые сорок лет сношений между Россиею и Англиею. 1553—1593. СПб., 1875, с. 109.
16. J. Baly. Eur-Aryan Roots (London 1897), 1, pp. 355—7.
17. Как отмечает Леонард Шапиро (Leonard Schapiro. Totalitarianism. London 1972, p. 129), английский термин state («государство») и его аналоги происходят от латинского status, передающего значения звания, порядка, устроенности, — иными словами, от понятия, подразумевающего правовые отношения. В понятии «государя» эти оттенки полностью отсутствуют.
18. Werner Philipp. Ein Anonymus der Tverer Publizistik im 15. Jahrhundert. Festschrift fur Dmytro Cyzevskyj zum 60. Geburtstag (Berlin 1954), S. 230—237.
19. Занятные примеры этой психологии можно обнаружить в советских учебниках истории, рассматривающих все произошедшие за последнюю тысячу лет поглощения русским государством чужой территории как «присоединения». Точно такое же действие со стороны другого государства превращается в «захват». Так, например, русское императорское правительство «присоединило» Туркестан к России, тогда как викторианская Англия «захватила» Египет.
20. Цит. по: В. О. Ключевский. Курс русской истории. М., 1937, IV, с. 225.

ИСТОЧНИК

документы русской истории

ПОД РЕДАКЦИЕЙ
ПРЕДСЕДАТЕЛЯ КОМИТЕТА
ПО ДЕЛАМ АРХИВОВ ПРИ
ПРАВИТЕЛЬСТВЕ РОССИИ
РУДОЛЬФА ПИХОИ

Москва. Кремль. Вождю народов

М.А. ШОЛОХОВ И.В. СТАЛИНУ
Станица Вешенская
16 января 1931 г.
Тов. Сталин!

В колхозах целого ряда районов Северо-Кавказского края создалось столь угрожающее положение, что я считаю необходимым обратиться прямо к Вам.

Выполняя план хлебозаготовок, колхозы получили на прокорм рабочего скота, примерно, по 10 п[удов] на голову твердых кормов: зерна, отрубей, отходов от триеров и пр. Эти запасы берегутся к началу весенних полевых работ. А так как в 30 г. степной покос не дал сена (травы выгорели), то лошади и быки осенью 30 г. с подножного корма перешли на питание соломой и мякиной.

Осенью до глубоких заморозков пахали под зябь. Скот из пахоты вышел до нельзя истощенным, и когда, вместо обычного корма, его поставили на солому, он дошел до пределов истощения и в декабре от бескормицы начал дохнуть.

Сколь грозно положение судите по следующим цифрам: в колхозе «Красный Маяк» Миллеровского района (колхоз считается примерным!) из 65 лошадей издохло 12. Ездят только на 4, остальные лежат.

В Новопавловском колхозе Кашарского района в 1-й бригаде из 180 лошадей, насчитывавшихся осенью 30 г., к 12 января этого года осталось 67 лошадей, 113 издохло. Не лучше и в остальных бригадах.

Ежедневно дохнет по 3—4 и больше лошадей. В большинстве колхозов или уже начался массовый падеж скота, или скот находится в состоянии крайнего истощения. По Вешенскому району быков и лошадей издохло более 1000 шт. и если положение останется прежним, если колхозы не будут в самый кратчайший срок обеспечены кормом для скота, то к весне его останется 20—30%, но и оставшийся не будет в состоянии работать: а, следовательно, создается самая непосредственная угроза весенней посевкампании.

Мне не хочется умножать примеров и приводить цифры издохшего скота по другим колхозам, чтобы не отнимать у Вас время. Достаточно того, что это явление не единичное и им поражены подавляющее большинство колхозов.

Т. Сталин! Положение в районах Б[ывшего] Донецкого округа без преувеличения—катастрофическое. Так хозяйствовать нельзя! Районная печать скромно безмолвствует, парторганизации не принимают никаких мер к улучшению дела с прокормом оставшегося в живых скота. Каждый день промедления стоит стране большие тысячи рублей.

Таким «хозяйствованием» единоличнику не докажешь преимущества колхозов перед единоличным хозяйством, не исправив создавшегося положения. Колхозники морально подавлены и надо видеть лица их, когда они тянут трупы лошадей мимо дворов единоличников, у которых скот не дохнет и не поднимается за хвосты.

Я видел проездом в пяти-шести колхозах, как задают корм лошадям: сыпят мякину в корыта, лошади расковыряют ее мордами, помечут под ноги, затолочат в навоз, а через час конюхи подбирают ее из-под ног и... сыпят обратно в корыта. Во многих колхозах лошадей уже не гоняют на водопой; не потому что это — удобней, а потому, что лошади не в состоянии дойти до водопоя, лежат.

На фоне острой кормовой нужды, особенно сильно сказывающейся в хохлачьих р-нах, как-то нехорошо поражает вид совхозовских лошадей, сытых, упитанных. Совхозы помещаются в б[ывших] помещичьих имениях и это рождает у колхозников дикие аналогии. В совхозах хватает зерна. И колхозник — б[ывший] партизан, зло блестя глазами, говорит: «У панив и раньше была справниша худоба»...

А совхозы уже переименовывают в «Совпаньски экономии». И это-же иногородние, которые в 1919 году люто бились с казаками, среди которых очень много красных партизан и добровольцев-красноармейцев.

Несколько строк о мясозаготовках: из глубинных районов скот перебрасывается к станции, стельных коров, быков и овец гонят в одном гурте. Быки бьют коров и те «скидывают», телятся на шляхах, в степи, зачастую за 10—20 верст от жилья, разумеется, издыхают... на прогоне. Между сл[ободами] Ольховый-Рог и Новопавловка (30 верст) я видел 3 коровьих трупа. В самой слободе Новопавловке до вечера лежала, издыхая, красно-немецкой породы отличная корова, стельная, запоротая быками.

Телят ростят вместе с детишками в хате, от детишек отрывают молоко теленку и наоборот. Вам понятно, конечно, какое воздействие на психику колхозника производит вид дохнущего по дорогам скота.

Горько, т. Сталин! Сердце кровью обливается, когда видишь все это своими глазами, когда ходишь по колхозным конюшням, мимо лежащих лошадей; когда говоришь с колхозником и не видишь глаз его, опущенных в землю.

По слободам ходят чудовищно разжиревшие собаки, по шляхам валяются трупы лошадей. А ведь зима не дошла и до половины.

Т. Сталин! 10 пудов зерна на лошадь или быка, даже не зерна, а отрубей или отхода, спасут оставшийся скот. Но в крае видимо забыли арифметику и не учитывают того, что 10 п[удов] зерна стоят 10 рублей, а лошадь — 150—200.

Пошлите комиссию в б[ывший] Донецкий округ и Вы убедитесь в достоверности того, что я Вам сообщаю.

М. Шолохов

АП РФ. Ф. 45. Оп. 1. Д. 827. Л. 1-4. Машинописная копия.

На публикуемые письма М.А. Шолохова от 16 января 1931 г. и 29 октября 1932 г. никакой реакции со стороны И. В. Сталина не последовало.

29 октября 1932 г.
т. Сталину

Во время сева колхозниками, расхищается огромное количество семенного зерна. Крадут обычно из сеялок, т. к. сеяльщик имеет полную возможность «съэкономить» на гектаре полпуда и пуд семенного зерна, передвинув в процессе работы рычажок контролирующего аппарата по высеву, допустим, с 8 на 7, или с 7 на 6.

А так как бригадиру или партприкрепленному проследить за работой каждой сеялки абсолютно невозможно, — хищение в ряде колхозов и районов носит массовый характер, а зачастую — и организованный, когда бригадир действует по договоренности с сеяльщиками.

Считаю, что для того, чтобы сеяльщик не мог произвольно изменять норму высева, необходимо обязать правления колхозов произвести в сеялках следующие, простые и не требующие никаких затрат приспособления:

1) На конце рычажка рукоятки контролирующего аппарата по высеву сделать отверстие, 2) в задней стенке семенного ящика, с левой стороны наглухо ввинтить шуруп с петелькой, и обязать членов правления колхозов, чтобы при установлении норм высева они проделывали следующую несложную операцию, которая не даст возможности сеяльщику уменьшить норму: соединяли куском шпагата или проволоки отверстие в рукоятке с петелькой шурупа и, завязав веревку, пломбировали ее.

Уверен, что такое мероприятие поможет сохранить большое количество зерна.

М. Шолохов

29.10.32.

АП РФ. Ф.45 Оп 1. Д. 827. Л. 6 и об. Автограф.

А. А. АХМАТОВА И. В. СТАЛИНУ*
24 апреля 1950 г.

Глубокоуважаемый Иосиф Виссарионович,

Вправе ли я просить Вас о снисхождении к моему несчастью.

6 ноября 1949 г. в Ленинграде был арестован мой сын, Лев Николаевич Гумилев, кандидат исторических наук. Сейчас он находится в Москве (в Лефортове).

Я уже стара и больна и я не могу пережить разлуку с единственным сыном.

Умоляю Вас о возвращении моего сына. Моей лучшей мечтой было увидеть его работающим во славу советской науки.

Служение Родине для него, как и для меня, священный долг.

Анна Ахматова

24 апр[еля] 1950
Ленинград,
Фонтанка, 34, кв. 44

АП РФ. Ф. 45. Оп. 1. Д. 877. Л. 91. Автограф.

*На подлинном документе имеется штамп: «Поступило 25 апреля 1950 в О[собый] с[ектор] ЦК ВКП(б)». *Ред.*

ПОСЛЕДНЕЕ ПИСЬМО

Весьма секретно
Лично

Прошу никого другого
без разрешения
И. В. Сталина не читать

И. В. Сталину
7 страниц + 7 стр. докл. зап.

Иосиф Виссарионович!
Пишу это письмо, как, возможно, последнее, предсмертное, свое письмо. Поэтому прошу разрешить мне писать его, несмотря на то, что я арестант, без всякой официальщины, тем более, что я его пишу только тебе, и самый факт его существования или несуществования целиком лежит в твоих руках...

Сейчас переворачивается последняя страница моей драмы и, возможно, моей физической жизни. Я мучительно думал, браться ли мне за перо или нет, — я весь дрожу сейчас от волнения и тысячи эмоций и едва владею собой. Но именно потому, что речь идет о пределе, я хочу проститься с тобой заранее, пока еще не поздно, и пока пишет еще рука, и пока открыты еще глаза мои, и пока так или иначе функционирует мой мозг.

Чтобы не было никаких недоразумений, я с самого начала говорю тебе, что для мира (общества) я 1) ничего не собираюсь брать назад из того, что я понаписал; 2) я ничего в этом смысле (и по связи с этим) не намерен у тебя ни просить, ни о чем не хочу умолять, чтобы сводило дело с тех рельс, по которым оно катится. Но для твоей личной информации я пишу. Я не могу уйти из жизни, не написав тебе этих последних строк, ибо меня обуревают мучения, о которых ты должен знать.

1) Стоя на краю пропасти, из которой нет возврата, я даю тебе предсмертное честное слово, что я невиновен в тех преступлениях, которые я подтвердил на следствии.

2) Перебирая все в уме, насколько я способен, я могу, в дополнение к тому, что я говорил на пленуме[1], лишь отметить:

а) что когда-то я от кого-то слыхал о выкрике, кажется, Кузьмина, но никогда не придавал этому никакого серьезного значения — мне и в голову не приходило;

b) что о конференции, о которой я ничего не знал (как и о рютинской платформе), мне бегло, на улице post factum, сказал Айхенвальд («ребята собирались, делали доклад»)[2], — или что-то в таком роде, и я тогда это скрыл, пожалев «ребят»;

с) что в 1932 году я двурушничал и по отношению к «ученикам», искренне думая, что я их приведу целиком к партии, а иначе оттолкну. Вот и все. Тем я очищаю свою совесть до мелочей. Все остальное или не было, или, если было, то я об этом не имел никакого представления.

В 1956 г. письмо Н. И. Бухарина рассылалось членам Президиума ЦК, кандидатам в члены Президиума ЦК и секретарям ЦК КПСС.

Я на пленуме говорил таким образом сущую правду, только мне не верили. И тут я говорю абсолютную правду: все последние годы я честно и искренно проводил партийную линию и научился по-умному тебя ценить и любить.

3) Мне не было никакого «выхода», кроме как подтверждать обвинения и показания других и развивать их: либо иначе выходило бы, что я «не разоружаюсь».

4) Кроме внешних моментов и аргумента 3) (выше), я, думая над тем, что происходит, соорудил примерно такую концепцию:

Есть какая-то большая и смелая политическая идея генеральной чистки а) в связи с предвоенным временем, b) в связи с переходом к демократии. Эта чистка захватывает а) виновных, b) подозрительных и с) потенциально-подозрительных. Без меня здесь не могли обойтись. Одних обезвреживают так-то, других — по-другому, третьих — по-третьему. Страховочным моментом является и то, что люди неизбежно говорят друг о друге и навсегда поселяют друг к другу недоверие (сужу по себе: как я озлился на Радека[3], который на меня натрепал! а потом и сам пошел по этому пути...). Таким образом, у руководства создается полная гарантия.

Ради бога, не пойми так, что я здесь скрыто упрекаю, даже в размышлениях с самим собой. Я настолько вырос из детских пеленок, что понимаю, что большие планы, большие идеи и большие интересы перекрывают все, и было бы мелочным ставить вопрос о своей собственной персоне наряду с всемирно-историческими задачами, лежащими прежде всего на твоих плечах.

Но тут-то у меня и главная мука, и главный мучительный парадокс.

5) Если бы я был абсолютно уверен, что ты именно так и думаешь, то у меня на душе было бы много спокойнее. Ну, что же! Нужно, так нужно. Но поверь, у меня сердце обливается горячей струею крови, когда я подумаю, что ты можешь верить в мои преступления и в глубине души сам думаешь, что я во всех ужасах действительно виновен. Тогда что же выходит? Что я сам помогаю лишаться ряда людей (начиная с себя самого!), то есть делаю заведомое зло! Тогда это ничем не оправдано. И все путается у меня в голове, и хочется на крик кричать и биться головою о стенку: ведь я же становлюсь причиной гибели других. Что же делать? Что делать?

6) Я ни на йоту не злобствую и не ожесточен. Я — не христианин. Но у меня есть свои странности. Я считаю, что несу расплату за те годы, когда я действительно вел борьбу. И если хочешь уж знать, то больше всего меня угнетает один факт, который ты, может быть, и позабыл: однажды, вероятно, летом 1928 года, я был у тебя, и ты мне говоришь: знаешь, отчего я с тобой дружу: ты ведь не способен на интригу? Я говорю: Да. А в это время я бегал к Каменеву («первое свидание»). Хочешь верь, хочешь не верь, но вот этот факт стоит у меня в голове, как какой-то первородный грех для иудея. Боже, какой я был мальчишка и дурак! А теперь плачу за это своей честью и всей жизнью. За это прости меня, Коба. Я пишу и плачу. Мне ничего уже не нужно, да ты и сам знаешь, что я скорее ухудшаю свое положение, что позволяю себе все это писать. Но не могу, не могу просто молчать, не сказав тебе последнего «прости». Вот поэтому я и не злоблюсь ни на кого, начиная с руководства и кончая следователями, и у тебя прошу прощенья, хотя я уже наказан так, что все померкло, и темнота пала на глаза мои.

7) Когда у меня были галлюцинации, я видел несколько раз тебя и один раз Надежду Сергеевну. Она подошла ко мне и говорит: «Что же это такое сделали с Вами, Н. И.? Я Иосифу скажу, чтобы он Вас взял на поруки». Это было так реально, что я чуть было не вскочил и не стал писать тебе, чтоб... ты взял меня на поруки! Так у меня реальность была перетасована с бредом. Я знаю, что Н. С. не поверила бы ни за что, что я злоумышлял против тебя, и не даром подсознательное моего несчастного «я» вызвало этот бред. А с тобой я часами разговаривал... Господи, если бы был такой инструмент, чтобы ты видел всю мою расклеванную и истерзанную душу! Если б ты видел, как я внутренне к тебе привязан, совсем по-другому, чем Стецкие и Тали![4] Ну, да это «психология» — прости. Теперь нет ангела, который отвел бы меч Авраамов, и роковые судьбы осуществятся!*

8) Позволь, наконец, перейти к последним моим небольшим просьбам:

а) мне легче тысячу раз умереть, чем пережить предстоящий процесс: я просто не знаю, как я совладаю сам с собой — ты знаешь мою природу; я не враг ни партии, ни СССР, и я все сделаю, что в моих силах, но силы эти в такой обстановке минимальны, и тяжкие чувства подымаются в душе; я бы, позабыв стыд и гордость, на коленях умолял бы, чтобы не было этого. Но это, вероятно, уже невозможно, я бы просил, если

Н. И. Бухарин

* Н. С. Аллилуева — жена И. В. Сталина

возможно, дать мне возможность умереть до суда, хотя я знаю, как ты сурово смотришь на такие вопросы.

в) если[5] меня ждет смертный приговор, то я заранее тебя прошу, заклинаю прямо всем, что тебе дорого, заменить расстрел тем, что я сам выпью в камере яд (дать мне морфию, чтоб я заснул и не просыпался). Для меня этот пункт крайне важен, я не знаю, какие слова я должен найти, чтобы умолить об этом, как о милости: ведь политически это ничему не помешает, да никто этого и знать не будет. Но дайте мне провести последние секунды так, как я хочу. Сжальтесь! Ты, зная меня хорошо, поймешь. Я иногда смотрю ясными глазами в лицо смерти, точно так же, как — знаю хорошо — что способен на храбрые поступки. А иногда тот же я бываю так смятен, что ничего во мне не остается. Так если мне суждена смерть, прошу о морфийной чаше. Молю об этом...

с) прошу дать проститься с женой и сыном. Дочери не нужно: жаль ее, это ей слишком будет тяжело, так же, как Наде и отцу. А Анюта — молодая, переживет, да и мне хочется сказать ей последние слова. Я просил бы дать мне с ней свидание до суда. Аргументы таковы: если мои домашние увидят, в чем я сознался, они могут покончить с собой от неожиданности. Я как-то должен подготовить к этому. Мне кажется, что это в интересах дела и в его официальной интерпретации.

д) если мне будет сохранена, паче чаяния, жизнь, то я бы просил (хотя мне нужно было бы поговорить с женой)

**) либо выслать меня в Америку на n лет. Аргументы за: я провел бы кампанию по процессам, вел бы смертельную борьбу против Троцкого, перетянул бы большие слои колеблющейся интеллигенции, был бы фактически Анти-Троцким, и вел бы это дело с большим размахом и прямо с энтузиазмом; можно было бы послать со мной квалифицированного чекиста и, в качестве добавочной гарантии, на полгода задержать здесь жену, пока я на деле не докажу, как я бью морду Троцкому и К° и т. д.*

***) но если есть хоть атом сомнения, то выслать меня хоть на 25 лет в Печору или Колыму, в лагерь: я бы поставил там: университет, краеведческий музей, технич. станции и т. д., институты, картинную галерею, этнограф-музей, зоо- и фито-музей, журнал, лагерный, газету.*

Словом, повел бы пионерскую зачинательскую культурную работу, поселившись там до конца дней своих с семьей.

Во всяком случае, я заявляю, что работал бы где угодно как сильная машина.

Однако, по правде сказать, я на это не надеюсь, ибо самый факт изменения директивы февральского пленума говорит за себя (а я ведь вижу, что дело идет к тому, что не сегодня-завтра процесс).

Вот, кажется, все мои последние просьбы (еще: философская работа, оставшаяся у меня, — я в ней сделал много полезного).

Иосиф Виссарионович! Ты потерял во мне одного из способнейших своих генералов, тебе действительно преданных. Но это уж прошлое. Мне вспоминается, как Маркс писал о Барклае де Толли, обвиненном в измене, что Александр I потерял в нем зря такого помощника. Горько думать обо всем этом. Но я готовлюсь душевно к уходу от земной юдоли, и нет во мне по отношению ко всем вам и к партии, и ко всему делу — ничего, кроме великой, безграничной любви. Я делаю все человечески возможное и невозможное. Обо всем я тебе написал. Поставил все точки над i. Сделал это заранее, так как совсем не знаю, в каком я буду состоянии завтра и послезавтра etc.

Может быть, что у меня, как у неврастеника, будет такая универсальная апатия, что и пальцем не смогу пошевельнуть.

А сейчас, хоть с головной болью и со слезами на глазах, все же пишу. Моя внутренняя совесть чиста перед тобой теперь, Коба. Прошу у тебя последнего прощенья (душевного, а не другого). Мысленно поэтому тебя обнимаю. Прощай навеки и не поминай лихом своего несчастного

Н. Бухарин

10.XII.37 г.

Сюда приложение на 7 страницах.*

АП РФ. Ф. 3. Оп. 24. Д. 427. Л. 13-18. Маш. Копия. Л. 19-22. Автограф.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Имеется в виду пленум ЦК ВКП(б), проходивший с 23 февраля по 5 марта 1937 года. Решением пленума по докладу Ежова «дело Бухарнна и Рыкова» было передано в НКВД.
2. Кузьмин В. В. и Айхенвальд А. Ю. - представнтелн группы молодых партийных работнnков-экономистов, объединившихся вокруг Н. И. Бухарина («бухаринская школа»). На одном из заседаний этои группы, якобы в прнсутствин Н. И. Бухарина, В. В. Кузьмин заявил о своем желанни убить Сталнна. В 1932-1933 годах многие представителн «бухарннской школы» были арестованы и впоследствии расстреляны. Документальных подтверждений о проведенин нелегальной конференцни, о которой упомннается в письме, и участии в ней Н. И. Бухарина не обнаружено.
Рютинская платформа названа по имени ее автора Рютина М. Н. (1890—1937). В марте 1932 года Рютин и его сторонники подготовили проекты двух документов: платформу под названием «Сталин н кризис пролетарскои диктатуры» и обращение «Ко всем членам партни». Во время очной ставки в ЦК ВКП(б) 13 января 1937 года между В. Астровым и Бухариным Сталин высказал предположение, что автором рютинской платформы был Бухарин (Ф. 3. Оп. 24. Д. 270. Л. 68).
3. Радек К. Б. (1885—1939) — видный деятель партии и Советского государства. В 1936 году был арестован, под давлением следствия давал сфабрнкованные показания протнв Н. И. Бухарнна. 30 января 1939 года осужден Военнои коллегией Верховного суда СССР по делу так называемого «параллельного антисоветского центра» к 10 годам тюремного заключения. Убит в тюрьме 19 мая 1939 года
4. Стецкий А. И. в 1930—1938 гг. заведующий отделом ЦК партии и одновременно главный редактор журнала «Большевик».
Таль Б. М. в 1935—1937 годах заведующин отделом печати и издательств ЦК ВКП(б), в 1935 году член редколлегин газеты «Правда», в 1936-м заместитель главного редактора газеты «Известия».
5. После слова «если» Бухарнн зачеркнул слова: «Вы предрешили».

Публикация
ЮРИЯ МУРИНА

* Пнсьмо Н. Бухарина поступило в Особый отдел ЦК 2.XII.1938 г. без приложения. Другого экземпляра письма в архиве не имеется.

АГЕНТ «ВОЛОДЯ»

НЕИЗВЕСТНЫЕ ФАКТЫ ИЗ БИОГРАФИИ ИМРЕ НАДЯ

ОСОБАЯ ПАПКА
Особой важности

РАССЕКРЕЧЕНО

КОМИТЕТ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ СССР

ЦК КПСС

16.06.89. № 1236-К/ОВ

Москва

Об архивных материалах о деятельности в СССР Имре Надя

ОБЯЗАТЕЛЬСТВО

Форма № 3.

Я, нижеподписавшийся, сотрудник 2 Отдела ОГПУ (фамилия) Надь (имя) Имре (отчество) Иосифович состоя на службе, или будучи уволенным, настоящим обязуюсь хранить в строжайшем секрете все сведения и данные о работе ОГПУ и его органов, ни под каким видом их не разглашать и не делиться ими даже со своими ближайшими родственниками и друзьями.

Неисполнение настоящего грозит мне ответственностью по 121 ст. Уг. Код.

Приказ ОГПУ от 3 апреля 1923 г. № 133 и пр. РВС СССР от 19/VII—27 г. № 372 мне об'явлены.

Подпись Надь Имре Ио

4. Сентября 1930 г.

ПРИМЕЧАНИЕ. Настоящее обязательство должно храниться в личном деле сотрудника.

...за демократию и прогресс, подлинную ...независимость Венгрии".

СПРАВКА

Об агентурной работе агента 1 отделения 4 Отдела 1 Упр. «Володя»

«Володя» Нодь* Владимир Иосифович, 1896 года рождения, ур. Венгрии, по национальности венгерец исключен из ВКП(б), дело на разборе в КПК. В КПВ состоял с 1918 года, работает внештатным сотрудником Венгерского журнала «Уй Ханг».

Завербован 17 января 1933 года. Разрабатывал в основном венгерцев-политэмигрантов.

1. По данным агента «Володя» вскрыта и ликвидирована группа в кол. 4 чел. МАНУЭЛЬ, БАРОШ, КРАММЕР и др. проходящих по аг. делу «Неисправимые»

2. В настоящее время разрабатывает контрреволюционную группу венгерцев в составе: ВАРГА Е., ГАБОР Ф. И., ШЛОССЕР К., БОЛГАР Э., ВАРГА Ш. Э., ГЕРРЕЛЬ, ЛУКАЧ и др. проходящих по агентурному делу «Реставраторы»

В работе проявляет большую заинтересованность и инициативу, квалифицированный агент. Через «Володю» была вскрыта и ликвидирована контрреволюционная группа (Аг. разработка «Аграрники»).

Зам. нач. 1 отд. 4 отдела 1 упр.
Капитан гос. безопасности *(Матусов)*

ЗАМ. НАЧ. 4 ОТДЕЛА ГУГБ НКВД СССР
КОМИССАРУ ГОСУДАРСТВЕН.
БЕЗОПАСНОСТИ 3 РАНГА
тов. КАРУЦКОМУ.

РАПОРТ

Доношу, что в ночь с 4-го на 5-е марта с. г. был арестован 11-м Отделом УНКВД Московской области агент 2-го Отделения «Володя» Надь Владимир Иосифович.

«Володя» завербован 17 января 1933 года и за все время давал ценный материал об антисоветской деятельности ряда лиц, из числа венгерской политэмиграции.

В последнее время «Володя» активно разрабатывал основных объектов агентурного дела «Неисправимые», в частности: БОРОША** В., МАНУЭЛЬ Ш., МАДЖАРА, ТЕГЛАША и ряд других.

Арестован «Володя» был без предварительной проверки в 8-м отделе ГУГБ, просидел под арестом четыре дня. Когда мы затребовали, на основании каких материалов «Володя» арестован, его 8/III — с. г. освободили.

Изложенное сообщаю на Ваше распоряжение.

Нач. 2 отделения 4 отдела ГУГБ
капитан госуд. безопасности
(Альтман)

10 марта 1938 года.

ЦК ВКП(б)
тов. МАЛЕНКОВУ

На запрос Управления кадров ВКП(б) от 19 апреля 1940 года за № 275/с, при этом направляется справка о Надь Владимире Иосифовиче.

Приложение: упомянутое.

Зам. Наркома Внутренних дел Союза ССР:
(Меркулов)

СПРАВКА

на агента 1 Отделения 1 Отдела 3 управления НКГБ СССР «Володю».

1896 года рождения, урож. гор. Капошвар (Венгрия), по национальности венгерец, гр-н СССР, член ВКП(б) с 1918 года.

В настоящее время работает во Всесоюзном радиокомитете.

Завербован в качестве агента в 1933 г.

В 1936 году при проверке партдокументов «Володя» был исключен из ВКП(б) и в 1939 году восстановлен. При восстановлении в партии Партколлегией КПК при ЦК ВКП(б) ему объявлен выговор за то, что не согласовал с Коминтерном вопрос о поездке своей жены в 1935 году в Венгрию.

В журнале № 2 «Уй-Ханг» за 1939 год «Володя» в своей статье высказал сомнение в том, что венгерский пролетариат в настоящее время верен делу социализма.

В 1937—1938 гг. «Володя» сообщил ряд материалов об антисоветской деятельности ФАРКАШ и ВАГО. В дальнейшем по материалам «Володи» были арестованы и осуждены МАНУЭЛЬ, ЛЮБАРСКИЙ, ДУБРОВСКИЙ, БАРОН, КРАМЕР, МАДЖАР.

«Володя» также сообщал об антисоветской деятельности ныне арестованных: ШТЕЙНБЕРГЕРА, ШТУККЕ, ШУГАР, ПОЛЛАЧЕК, КАРИКАШ, ФРИДМАН.

В настоящее время «Володя» разрабатывает группу антисоветски настроенных бывш. венгерских политэмигрантов.

Нач. 1 отд. 1 отдела 3 управления [НКГБ] СССР
ст. лейтенант госуд. безопасности
(Свердлов)

июнь 1941 г.

* Опечатка машинистки. Правильно — «Надь».— *Ред.*
**Так в документе. — *Ред.*

ЦК КПСС

Об архивных материалах о деятельности в СССР Имре Надя

Поступающие данные показывают, что развернутая оппозиционными силами в Венгрии кампания в связи с бывшим главой венгерского правительства в период событий 1956 года Имре Надем направлена на дискредитацию всего пути, пройденного ВСРП, подрыв авторитета партии и ее нынешнего руководства, разжигания недружественных Советскому Союзу настроений среди населения страны.

Оппозиционные организации требуют полной юридической и политической реабилитации Надя. Создается ореол мученика и бессребреника, исключительно честного и принципиального человека. Особый акцент во всей шумихе вокруг имени Надя делается на то, что он был «последовательным борцом со сталинизмом», «сторонником демократии и коренного обновления социализма». В целом ряде публикаций венгерской прессы прямо дается понять, что в результате нажима Советского Союза Надь был обвинен в контрреволюционной деятельности, приговорен к смерти и казнен. Поднимая на щит имя Надя, оппозиция стремится сделать из него своего рода символ «борьбы за демократию и прогресс, подлинную независимость Венгрии».

В руководстве ВСРП нет единой точки зрения на вопрос, как далеко следует идти с реабилитацией Надя. И. Пожгаи, М. Сюреш, И. Хорват, решая прежде всего задачи усиления своего влияния в партии и обществе, подчас откровенно подыгрывают оппозиции в воспевании заслуг и достоинств Надя. К. Грос, Р. Ньерш, М. Яшшо и другие, выступая за его юридическую реабилитацию, в то же время считают, что развязанная кампания безудержного восхваления Надя бьет прежде всего по ВСРП, советско-венгерским отношениям. Резко критически относятся к ней и многие венгерские коммунисты среднего и особенно старшего поколения. Среди них распространяется основанное на рассказах некоторых ветеранов партии мнение, что поведение Надя в 20-х — 30-х годах в Венгрии и СССР не было столь безупречно, как это внушает венгерскому населению находящаяся под контролем оппозиции пресса.

В ходе работы в Комитете госбезопасности СССР над архивными материалами, относящимися к репрессиям в Советском Союзе во второй половине 30-х — начале 50-х годов, обнаружены документы, которые проливают свет на ранее неизвестные стороны деятельности в нашей стране Надя.

Как следует из указанных документов, эмигрировав в 1929 году в СССР, Надь с самого начала инициативно искал контакт с органами госбезопасности и в 1933 году добровольно стал агентом (секретным осведомителем) Главного управления госбезопасности НКВД. Работал под псевдонимом «Володя». Он активно использовался для сбора сведений о попавших по тем или иным причинам в поле зрения НКВД венгерских и других политэмигрантах, а также граждан СССР. Имеется документ, свидетельствующий, что в 1939 году Надь предложил НКВД для «разработки» 38 венгерских политэмигрантов, в том числе Ф. Мюнниха. В другом списке он называет 150 знакомых ему венгров, болгар, русских, немцев, итальянцев, с которыми в случае необходимости он мог бы «работать».

По донесениям Надя — «Володи» было осуждено несколько групп политэмигрантов, состоявших из членов венгерской, германской и других компартий. Все они обвинялись в «антисоветской», «террористической», «контрреволюционной» деятельности (дела «Аграрники», «Неисправимые», «Агония обреченных» и другие). В одном из документов (июнь 1940 года) указывается, что Надь «дал материалы» на 15 арестованных «врагов народа», работавших в Международном аграрном институте, Коминтерне, Всесоюзном радиокомитете. Деятельность «Володи» привела к аресту известного ученого Е. Варги, целого ряда деятелей компартии Венгрии (Б. Варга-Ваго, Г. Фаркаш, Э. Нейман, Ф. Габор и другие). Часть из них была расстреляна, часть приговорена к различным срокам заключения и ссылки. Многие в 1954—1963 гг. были реабилитированы.

Из имеющихся архивных материалов не следует, что Надь сотрудничал с НКВД по принуждению. Более того, в документах прямо указывается, что «Володя» проявляет большую заинтересованность и инициативу в работе, является квалифицированным агентом».

Учитывая развернутую в Венгрии пропагандистскую кампанию, ее характер и направленность, полагали бы целесообразным сообщить об имеющихся у нас документах Генеральному секретарю ВСРП К. Гросу и посоветоваться об их возможном использовании.

Председатель Комитета *В. Крючков*

На документе имеются пометы: «Согласен. М. Горбачев» (подпись-автограф). «Вопрос рассмотрен на заседании Политбюро ЦК 19.06.89. Принято решение согласиться. Сообщить о согласии. В. Болдин» (подпись-автограф). «О согласии сообщено в КГБ СССР».

Документы масонских лож в «особом» архиве

R.L. № 500
"ASTRÉE"
FONDÉE EN 1922

RITE ECOSSAIS ANCIEN ACCEPTÉ
A.·. L.·. G.·. D.·. G.·. A.·. D.·. L'U.·.
A.·. N.·. ET S.·. L.·. A.·. D.·. L.·. G.·. L.·. DE F.·.

Or.·. de Paris, le 28-го Декабря 1931 г.

Д.·.М.·. и Дор.·.Бр.·.

Иванъ Ивановичъ,

Позволь мнѣ отъ лица ББр.·.Д.·.Л.·." Астрея" пожалопросить тебя и ББр.·. Д.·.Л.·. " Гермесъ" пожаловать на Торж.·.Собр.·. нашей Л.·. въ субботу 9-го Января наступающаго года и принять также участіе въ Бр.·. Агапѣ которая за этимъ Собр.·. послѣдуетъ.

На Торж.·.Собр.·. состоится рит.·. поставленіе Долж. ББр.·. избранныхъ на 1932-ой годъ.

Прошу тебя вѣрить выраженію искренне бр.·. чувствъ и таковой же преданности.

Г. Смирнов

.М.·.Д.·.Л.·." Гермесъ"
И.И.Фидлеръ.

В годы «перестройки» и в постперестроечный период люди в бывшем СССР узнали столько нового о своей истории, что их мало чем уже можно удивить.

Но вот еще одна сенсация: в 1992 году благодаря публикациям журнала «Родина» стало известно, что в Москве хранятся целые фонды международных масонских организаций, а также масонских организаций Франции и Германии, датируемые главным образом XIX и XX веками.

Речь идет о недавно открытом для ученых Центре хранения историко–документальных коллекций (ЦХИДК) — бывшем «особом» архиве, который был создан в СССР после второй мировой войны. В него вошли в основном трофейные документы. Французские фонды, на материале которых построена данная статья, были захвачены гитлеровскими войсками во Франции, а после разгрома Германии они попали в СССР, в «особый» архив.

Смысл настоящей публикации состоит в том, чтобы ознакомить профессионалов и многочисленных любителей истории с новыми для них источниками и попытаться ответить на вопрос: «А так ли страшны масоны, как их рисует антимасонская традиция?»

Большинство из числа консервативно настроенных людей убеждены, что масоны, разрушая устои нации (государство, религию и семью) и готовя приход Антихриста, вершат свои заседания в глубокой тайне, не ведут записей своих заседаний, а людей, посмевших нарушить масонскую клятву молчания, карают смертью. Именно этими причинами объясняют авторы антимасонских книг отсутствие в своих работах документальных источников.

А между тем такие источники существуют. Более того, масоны, как и другие организации, оставляют после себя архивы. На примере «особого» архива можно выделить следующие группы источников: устав ложи, протоколы ее заседаний и финансовые отчеты, доклады, читанные на заседаниях лож, личные дела масонов, рапорты, переписка, списки масонов, которые периодически составлялись каждой ложей с указанием даты и места рождения, места настоящего проживания, профессии, времени приема в масоны.

Хотя документы российских масонских лож занимают скромное место среди обширных масонских фондов «особого» архива, в нашей публикации мы постарались сосредоточить внимание читателя именно на них.

В последние годы благодаря ряду публикаций на русском языке приоткрылась завеса тайны над историей российского масонства начала XX века. Стало известно о руководящей роли так называемого политического масонства в Февральской революции и свержении русской монархии. Пик политического влияния масонства в России — февраль 1917–го, когда оно в лице Временного правительства пришло к власти. Неудивительно, что литература по российскому масонству начала XX века посвящена главным образом указанному периоду.

Последующему периоду истории российского масонства — после октября 1917 года и до начала второй мировой войны — исследователи пока уделяют меньше внимания, поскольку данный период истории масонства менее сенсационен. «Особый» архив как раз и содержит документы по истории лож, возникших среди российских эмигрантов во Франции в 20—30-е годы.

Мотивы, побуждавшие эмигрантов становиться масонами, были самые простые, «материалистические» — стремление получше устроиться благодаря масонским связям в невероятно тяжелой полуголодной эмигрантской жизни.

Другая причина — «идеалистическая» — это стремление людей, переживших тяжелый идеологический и нравственный кризис, найти новую истину. О душевном надломе, кризисе, о тоске по человеческим отношениям, толкавшим людей, прошедших две страшные войны и эмиграцию, к масонам, говорит такой интереснейший источник, как масонские исповеди. Они назывались «мои масонские впечатления» и писались масонами при переходе от низшей ступени «ученика» ко второй ступени «подмастерья». В них часто сквозила мысль, выраженная одним из масонов в следующих словах: «...Наблюдая этот внешний мир, мы видим, что на протяжении веков в моральном отношении очень мало что изменилось. Две тысячи лет после Р. Х. как в политической жизни народов, так и в частной жизни человека при разгоравшихся страстях одно и то же действие производило ту же реакцию, что и тысячу лет назад: войны, убийства, высшую несправедливость. Мы видим, что прогресс цивилизации чисто материальный» (ЦХИДК. Ф. 112. Оп. 2. Ед. хр. 43. Л. 62).

Предлагаемая вашему вниманию работа Владимира Георгиевича Томазова на соискание степени 2-го градуса является одной из наиболее интересных и подробных среди масонских исповедей.

МАСОНСКИЕ ВПЕЧАТЛЕНИЯ

«Мои впечатления.
Д:. М:. и Д:. бр:. бр:.[1]

Приступая к чтению своих впечатлений о масонстве, нахожу нужным отметить, что представление мое (до поступления) об ордене В:. К:. было, как теперь я могу определить, символически двойственно. Литературы, проливающей правдивый свет на цели ордена, читать мне не приходилось, листовки же и другие произведения вроде протоколов Сионских мудрецов (Нилуса) вызывали сомнения в их подлинности. Следовательно, первая часть моих впечатлений об ордене основывалась, главным образом, на легендарных слухах и рассказах. В данном освещении орден В:. К:. представлялся мне могущественной, мировой организацией, преследующей таинственные цели и вершащей судьбы народов. В самом деле, все неудачи, будь то государственного или мирового значения революции, политические неурядицы, убийства государственных деятелей, военные поражения, церковные распри, — приписываются влиянию и делам рук масонства.

Вот эта первая часть моих впечатлений вызывала во мне представление о масонах как о злых гениях человечества.

Вторая часть навеяна той случайной литературой, которую мне приходилось читать, где масоны представлены в ореоле рыцарей, [нрзб.] всеми человеческими добродетелями.

Но и первое, и второе впечатления не вызывали во мне определенного представления о масонстве и целях, исповедуемых ими, а порой мне казалось, что вообще существование ордена есть не что иное, как миф. Миф же превратился в реальность сравнительно недавно.

Мне часто приходилось вести беседы с одним из моих друзей об упадке нравственности, отсутствии идеалов и искренности, эгоизме и узости интересов у людей, и однажды я высказал мысль о том, как тяжело жить в таких условиях, постоянно чувствовать духовную неудовлетворенность, жить, не зная, для чего живешь, терять бодрость духа и сознавать никчемность существования.

Мои мысли встретили искреннее сочувствие у моего собеседника, и он нашел возможным открыться мне в том, что он масон, и посвя-

КАК ИЗБАВИТЬСЯ ОТ «ДЕРЕВЯННЫХ»

ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА ГОРНОГО ИНЖЕНЕРА М. А. БУЙНЕВИЧА

В «ГОСПЛАН»
Вх. № 1109 кн. В. И.
5/9-21 г.
тов. Г. М. Кржижановскому

Обесценение бумажных денег в РСФСР достигло кажется своего предела. Задержать дальнейшее падение бумажного рубля и укрепить его курс на какой нибудь постоянной высоте представляется неотложной и важнейшей задачей дня: все наши новые и новейшие «экономические курсы» окажутся пустым звуком, если мы не сумеем создать в ближайшее время на ряду с разумной системой денежного обращения в стране, также и прочной денежной единицы.

Необходимо во чтобы то ни стало сократить выпуск бумажных денег и усилить народное доверие к государственному денежному знаку вообще. Одной из таких мер является замена части бумажных денег, преимущественно мелких купюр, звонкой монетой, чеканенной, конечно, не из золота и серебра, которых у нас вообще мало, а из относительно редкого металла, приближающегося своим качеством хотя бы к серебру. Таким металлом является никкель. Удельный вес 9,2 довольно близок к серебру 101—105 плотность, твердость, вязкость, неокисляемость в обычных условиях довольно сходны с серебром; трудноплавкость и редкость нахождения в природе гарантируют от подделки. Словом, как монетный металл, никкель имеет большие преимущества перед медью и уже давно оценен с этой стороны. Применение для чеканки монет не является новостью. Германия, как известно, уже давно чеканит мелкую разменную *(в этом суть)* монету из никкеля...

Огромный спрос на никкель для металлургических целей и общая конъюнктура мирового рынка позволяют в настоящее время повысить цену на монетный никкелевый металл как вдвое, т. е. принять его равным 320 рублей за пуд монеты. Таким образом в русских весовых мерах один золотник никкеля в монете будет стоить около 8-ми копеек золотом. Принимая падение нашего бумажного рубля по сравнению с золотом равным 1:25.000 *(теперь (2/IX) вероятно 1:100.000)* 1 золотн. никкеля в монете будет стоить 2.000 рублей бумажных. Если чеканить никкелевую монету размером в прежний серебряный рубль или немного больше весом в 5 золотников никкеля, то стоимость ее определится в 10.000 рублей бумажных. Таким путем мы получим очень удобную форму основной никкелевой монеты весьма знакомую населению. Далее должны быть отчеканены монеты в 5.000, 3.000 и 1.000 рублей.

Этим путем будут прочно закреплены наиболее ходовые купюры бумажных денег. Высшие купюры (25 тыс., 50 тыс., 100 тыс. рублей) остаются бумажными и за ними естественно сохранится характер банкнот удобных для крупных расчетов и это еще более подымет цену их и создаст им несомненно устойчивое положение.

Металлическая никкелевая валюта, заменяющая высшие бумажные купюры, явится той временной, но достаточно крепкой плотиной, которая основательно задержит стремительное падение бумажного рубля и несомненно создаст значительную финансовую передышку, необходимую для быстрейшего исполнения ряда коренных реформ нашего денежного обращения (открытие сети отделений банков, сберегательных и страховых касс, денежный налог и т. п.).

Видеть в предлагаемой мере панацею не приходится, это лишь один из первых и необходимых приемов работы. Нижеследующий подсчет ясно показывает всю важность и значительность его.

При цене одного пуда никкеля в монете 320 рублей золотом, или 8 милл. бумажных, производительность одного небольшого Уральского никкелевого завода — 50.000 пудов металлического никкеля в год, заменит государству (50.000 x 8.000.000 руб-лей=400.000.000.000 руб.) четыреста миллиардов рублей (бумажных) в год. Снятие с нашего денежного рынка такой крупной суммы бумажек не может конечно пройти бесследным и не оказать повышательного воздействия на курс остающихся в стране бумажных денег, если конечно за это время будут осуществлены общие условия здорового денежного обращения в стране.

Сама выплавка никкеля на Урале не представляет чего либо чрезвычайного и может быть с успехом организована в короткий срок, даже при нынешнем нашем тяжелом положении. Металлургические устройства: шахтные печи для плавки штейна, отражательные печи для дальнейшей переработки штейна и проч. весьма несложной конструкции и могут быть вполне сооружены местными техниками и рабочими. Механическое оборудование завода — вентиляторы Руто, дробилки Блека и бегуны имеются в достаточном количестве на месте, также как и необходимые паровые двигатели небольшой мощности (200 л. с.). Таким образом устройство завода для выплавки никкеля не представляет никаких трудностей, но потребует времени все-таки не менее года. Ради скорейшего осуществления мер по оздоровлению нашего денежного обращения будет несомненно более полезным:

1) или приобрести необходимый металлический никкель для первого выпуска монеты за границей;

2) или передать разработку никкелевых месторождений на Урале в концессию какой либо иностранной компании с обязательством доставить первый выпуск никкелевый монеты из-за границы.

В дальнейшем весь выплавляемый никкель концессионер обязан сдавать казне с оплатой 50% золотом (со стороны казны) по цене Лондонской биржи; 25% никкелевой монеты поступают концессионеру в погашение первого выпуска монеты доставленной из-за границы; остальные 25% концессионер сдает за плату в советской валюте бумажной или никкелевой по цене Лондонской биржи. Выработанный сверх 50.000 пудов никкель (в год) поступает в пользу концессионера, 25% из него оставляются в стране для внутреннего рынка, а 75% концессионер имеет право распорядиться по своему усмотрению, не исключая возможности выччеканить для него на монетном дворе и монету на известных условиях. Концессионеру предоставляется монополия по добыче никкеля в России, сроком на 10 лет, при чем этот срок автоматически увеличивается до 15-ти лет, если концессионер в первые 3-и года превзойдет в поставленную ему норму в выплавки металла никкеля 50.000 пудов в год. Эти условия являются, конечно, только примерными.

М. Буйневич

22/VIII 921 г.
Плющиха, Трубный пер., д. 9 кв. 5

Прочт[ите] для справок
в архив
Никел[евая] монета
Буйкевич
н?
и отзыв Е. А. Преображ[ен]ского
11/IX. 1921

ПРИМЕЧАНИЕ: Пометки в тексте, выделенные курсивом, а также пометка в конце написаны рукой В. И. Ленина химическим карандашом.
Текст напечатан на машинке за подписью Буйневича.
Письмо Е. Преображенского — автограф.

Владимир Ильич!

О докладной записке инженера Буйневича могу сказать следующее. Что касается последней части, т. е. концессии на разработку никеля, которая, повидимому занимает инженера больше, чем реформа денежного обращения, то это не по моей части. О [возмо]целесообразности же выпуска никелевой монеты не приходится говорить, если мы не проведем что-либо вроде деноминации. Бессмысленно к существующим деньгам добавить еще никелевые, не давая ответ, прекращаем эмиссию или нет, а если прекращаем, чем покрываем дефицит в бюджете. Если-б не этот дефицит, нам бы горя мало было и установить твердую валюту тогда можно было бы десятком способов и все бы привели к цели. [Чз] Разменная же никелевая монета могла бы быть целесообразной, если-б решена была судьба основной массы бумажных средств обращении. [Хот] В этом отношении никель лучше меди потому, что нам нельзя пятачек выпускать с меньшим весом, чем при царизме (скажут: большевики надувают), а из никеля можно выпустить и полтинники весом с полтинник серебряный. Одним словом это предложение в части разменной монеты стоит при обсудить, но после деноминации. Провести же деноминацию на никель нельзя. Подробней скажу при защите нашего (несколько измененного) проэкта деноминации в Политбюро.

С тов. привет.

Е. Преображенский

Публикация
А. МАСАЛЬСКОЙ, И. СЕЛЕЗНЕВОЙ

тить меня, поскольку, конечно, он мог это сделать, в цели ордена В:. К:. и предложить мне свое содействие к поступлению в орден.

Цели ордена В:. К:. представлялись мне идеалом моих духовных исканий, и после некоторого размышления я решил просить о принятии меня в орден.

Уже при опросах беседы с братьями произвели на меня благоприятное впечатление, и если у меня оставались какие-либо сомнения о том, приведет ли меня к правде и добру мое решение о вступлении в орден, то после этих бесед они рассеялись, и я терпеливо ждал и решения ложи, и дня посвящения.

Нужно ли говорить вам, д:. бр:., о тех исключительных переживаниях, которые испытывал каждый из вас. Они незабываемы.

Освобожденный от металлов, символизирующих материалистические предрассудки человека, я был введен в камеру размышления. Тусклый свет кельи. Таинственные символы на столе и на стене. Череп, напоминающий о смерти. Умирая для прошлого, я стоял на пороге новой жизни. Изображение петуха на стене предвещало мне близкий рассвет и пробуждение сил к новой духовной деятельности.

Песочные часы и коса, напоминающие о вечной преемственности жизни.

На столе сосуды. Один с серой, другой с ртутью и посередине соль. Это напоминание теории трех алхимических принципов. Как сера, посвящаемый должен сосредоточиться и сжать свою умственную энергию для последующего ее расширения в новой жизни. Ртуть, напоминающая о том, что в этой жизни он будет подвержен действию сил, рассеивающих его энергию и направление от намеченной им цели. И соль, напоминающая о том, что посвящаемый должен преодолеть влияние этих сил (т. е. ртути) и в устойчивости духа найти равенство, что символизируется в соли, представляющей принципы кристаллизации и устойчивости.

Среди этих таинственных и тогда еще непонятных мне символов, размышляя, я должен был написать свое духовное завещание как символ смерти для прошлого.

С глубоким волнением, более интуитивно осознавал я всю святость предстоящего посвящения, но вместе с тем я чувствовал как бы свое духовное перерождение, и как далек был от меня в этот момент мир профанов.

Отрекшись от прошлого, написав завещание, свободный, с добрыми целями, я был выведен из подземелья и в символической одежде, ни раздетый, ни обутый, с обнаженной, в знак искренности, левой частью груди, с разутой левой ногой и обнаженным, в знак смирения, левым коленом, я был с завязанными глазами приведен к дверям храма.

После троекратного удара и предварительного удостоверения в том, что я свободен и добрых нравов, я был согбенным введен в храм.

Испытания воздухом и мытарства переживал я в глубоком волнении.

Волнение не покидало меня и при очищении водой, смывающей ложь и предрассудки, затмевающие истину, и при очищении огнем, как живительной силой. Повторяю, что многие символы и значение ритуала посвящения стали для меня понятны позже, в момент же посвящения я чувствовал лишь, что надо мной совершается какое-то великое таинство, торжественность же обстановки свидетельствовала об исключительной важности переживаемого момента.

Я был чрезвычайно тронут оказываемой мне честью. Волнующие же, бодрящие и призывающие речи и во храме, и за братской трапезой после посвящения, исключительные отношения братства — вызвали во мне большой подъем и жертвенное желание творить что-то доброе и прекрасное.

В дальнейшем при посещениях ложи наступило некоторое разочарование. Подъем сменился некоторой депрессией, впрочем об этом явлении я был предупрежден братьями.

Но, так или иначе, впечатление мое о масонстве самое благоприятное. Посещая собрания ложи, каждый раз выношу я какую-то бодрость духа и убеждение в правильности предпринятого пути. Правда, иногда мне кажется, что взаимоотношения братьев не настолько искренни, как они должны были бы быть, но, может быть, мне это только кажется или, может быть, эти отношения я идеализирую более чем надо.

В таких случаях я вспоминаю добрый совет одного из братьев, который меня опрашивал. «Нужно научиться проявлять терпимость к людям и, проявляя терпимость, не считать бревен в чужом глазу, а стараться, чтобы у самого не было и зазоринки».

Стараясь следовать доброму совету, я не нахожу возможность что-либо критиковать, тем более что я только ученик и многое мне еще станет понятно лишь в будущем. К этому же я стремлюсь со всей искренностью и с чистым сердцем.

Paris 24. VI. 32. *(В. Томазов)»*

ЦХИДК. Ф. 112. Оп. 2. Ед. хр. 43. Л. 35-38.

Но не все масоны воспринимали масонские порядки столь же некритично. В некоторых «Масонских впечатлениях» мы находим гораздо более резкую критику. Так, описывая свое впечатление о сжигании «завещания профана», т. е. второй половины листов, заполненных в «горнице размышления», масон Г. Курлов пишет:

«Этому сжиганию придается символическое значение перехода к новой жизни, т. е. уничтожаются пожелания и завещательные распоряжения, связывавшие профана с прежней жизнью. Но ведь вступающий в эту новую жизнь не отрешается от мира, т. е. вольные каменщики должны стремиться к тому, чтобы все люди, люди в миру, стали братьями. А сжигаются как раз те части листов, в которых изложены принципы, в согласии с которыми вновь посвященный думает осуществлять и стремление к братству, и стремление к усовершенствованию. Сохраняются же обязательства производить взносы в течение трех лет, сумма которых посвященному даже неизвестна. Этим создается впечатление ограничения свободы вступающего, при этом символическая связь материальных обязательств

с нравственным самоусовершенствованием от меня ускользала.

Странным для меня казалось это стеснение свободы, раз нас приняли в ложу именно потому, что мы были свободных и добрых нравов. ...Неужели не может быть бедных вольных каменщиков?

Я неоднократно слышал мнение, что через некоторое время после посвящения ученики вольных каменщиков обычно заболевают болезнью разочарования. Но у меня это не было разочарованием, а недоумением при первых же шагах в новой жизни. Я молча стал слушать, смотреть и думать, чтобы это недоумение разрешить.

Однако на этом пути значительным препятствием оказалось второе недоуменное впечатление, которым я хочу поделиться. Связано оно с теми скромными размерами, в каких проявляется взаимопомощь во французском масонстве. Оказалось, впрочем, что русское зарубежное масонство почти совсем в ней не участвует и только на десятый год своего существования приступило к изучению организации бюро труда. Это было для меня совсем непонятно. Ведь «вера без дела мертва есть» и братство неизбежно увядает от бездействия. При чем в таком случае самоусовершенствование? Неужели только в области фразеологии?

<...> Я только ученик и скверный ученик. Мое желание — быть принятым в число подмастерий.

<...> Париж, 25 сентября 1931 г.
Г. Курлов»

ЦХИДК. Ф. 112. Оп. 2. Ед. хр. 43. Л. 39-41.

ОТБОР КАНДИДАТОВ В МАСОНЫ (РАПОРТЫ)

Отбор в ложи отличался большой строгостью и тщательностью.

В фондах русских лож находятся личные дела масонов. В них помимо автобиографии содержатся доклады (рапорты), которые по поручению руководства ложи делали видные масоны об этом человеке до его принятия в ложу.

Вот, например, доклад (для руководства ложи «Астрея») об известном русском шахматисте А. А. Алехине[2]. Доклад датирован 20 мая, а 24 мая 1928 года Алехин был принят в ложу «Астрея».

«Доклад о профане Александре Александровиче Алехине (по вопросам политическим).

Из беседы с А. А. Алехиным я выяснил следующее.

Профан родился в 1892 году. Отец — воронежский губернский предводитель дворянства. Мать — урожденная Прохорова, из московской купеческой семьи Прохоровых. Получив среднее образование, поступил на юридический факультет Московского университета. Но вскоре перешел в училище правоведения, которое и окончил. После начала войны поступил добровольцем, имеет знаки отличия военного ордена. Ко времени революции политические убеждения отличались неясностью для него самого и не были оформлены. Когда большевики захватили власть, он думал, что начнется что-то новое, хотя определенного представления о своих [нрзб.] не имел.

До 1921 года служил у большевиков, занимал должность переводчика. Убедился в глубокой разнице между коммунистическими теориями и приложением их в жизни. Решил покинуть Россию. С тех пор профан сделался решительным противником коммунизма. Что касается его взглядов в настоящее время, то он не верит в возможность монархии, является сторонником демократического строя, но готов примириться с конституционной монархией. К партиям не принадлежит. Стремится в орден, тяготясь духовным одиночеством.

Париж ,20 мая 1928 г. Тесленко[3]»

ЦХИДК. Ф. 730. Оп. 1. Ед. хр. 81.

Интересно, что масонское руководство, в отличие от простых учеников и подмастерий давно не питавшее иллюзии относительно необходимости приема в масоны людей лучших для нравственного самосовершенствования, могло принимать в свои ряды и людей с достаточно «подмоченной» репутацией, авантюристов, если только это было нужно для «дела».

Так, в «особом» архиве в фонде ложи «Астрея» имеется личное дело Виктора Ивановича Мравлина-Штевена, материалы которого датированы 1930 годом. Мравлин-Штевен служил до революции жандармом, затем участвовал в белом движении, перебрался в Париж, где выступал за подготовку интервенции и одновременно был в близких отношениях с резидентурой ОГПУ. В конце одного из рапортов сказано, что Мравлин по своей природе — жандарм, «он служил своему делу по-жандармски, т. е. получал секретные сведения от предателей, предавал их самих и продолжал вращаться в атмосфере, где определить начало большевика и конец жандарма невозможно». «Даже сейчас он одной рукой делает дела с большевиками, а другой не прочь участвовать в планах интервенции. Одновременно ругая большевиков за все зло, которое они делают несчастной родине, он без малейших колебаний посещает торгпредство и поддерживает дружеские отношения даже с начальником ГПУ в Париже. Перед нами юркий практик, циник, авантюрист, человек низменных мыслей и чувств, лишенный всякой духовности. ...Боюсь, что он и нас предаст при первом случае...»

«Свое желание поступить в масоны он объясняет тем, что в настоящее время считает масонство единственным орденом, где можно послужить на пользу России и человечеству. Мне кажется, что он идет к нам искренно. Я не думаю, что его багаж представлял бы для нас большую цену, но в нем есть большая жизненная энергия, которая в наших руках, может быть, даст весьма положительные результаты».

Последняя фраза представляется ключевой для понимания «кадровой политики» масонов: если человек мог быть полезен (своими капиталами, энергией, известностью, связями, опытом и т. п.), его могли принять в ложу независимо от его моральных качеств. Неудивительно, что Мравлин-Штевен, несмотря на свое жандармское прошлое и сомнительные связи с большевиками, был все же принят в масонскую ложу.

КАК ИЗБАВИТЬСЯ ОТ «ДЕРЕВЯННЫХ»

ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА ГОРНОГО ИНЖЕНЕРА М. А. БУЙНЕВИЧА

В «ГОСПЛАН»
Вх. № 1109 кн. В. И.
5/9-21 г.
тов. Г. М. Кржижановскому

Обесценение бумажных денег в РСФСР достигло кажется своего предела. Задержать дальнейшее падение бумажного рубля и укрепить его курс на какой нибудь постоянной высоте представляется неотложной и важнейшей задачей дня: все наши новые и новейшие «экономические курсы» окажутся пустым звуком, если мы не сумеем создать в ближайшее время на ряду с разумной системой денежного обращения в стране, также и прочной денежной единицы.

Необходимо во чтобы то ни стало сократить выпуск бумажных денег и усилить народное доверие к государственному денежному знаку вообще. Одной из таких мер является замена части бумажных денег, преимущественно мелких купюр, звонкой монетой, чеканенной, конечно, не из золота и серебра, которых у нас вообще мало, а из относительно редкого металла, приближающегося своим качеством хотя бы к серебру. Таким металлом является никкель. Удельный вес 9,2 довольно близок к серебру 101—105 плотность, твердость, вязкость, неокисляемость в обычных условиях довольно сходны с серебром; трудноплавкость и редкость нахождения в природе гарантируют от подделки. Словом, как монетный металл, никкель имеет большие преимущества перед медью и уже давно оценен с этой стороны. Применение для чеканки монет не является новостью. Германия, как известно, уже давно чеканит мелкую <u>разменную</u> *(в этом суть)* монету из никкеля...

Огромный спрос на никкель для металлургических целей и общая конъюнктура мирового рынка позволяют в настоящее время повысить цену на монетный никкелевый металл как вдвое, т. е. принять его равным 320 рублей за пуд монеты. Таким образом в русских весовых мерах один золотник никкеля в монете будет стоить около 8-ми копеек золотом. Принимая падение нашего бумажного рубля по сравнению с золотом равным 1:25.000 *(теперь (2/IX) вероятно 1:100.000)* 1 золотн. никкеля в монете будет стоить 2.000 рублей бумажных. Если чеканить никкелевую монету размером в прежний серебряный рубль или немного больше весом в 5 золотников никкеля, то стоимость ее определится в 10.000 рублей бумажных. Таким путем мы получим очень удобную форму основной никкелевой монеты весьма знакомую населению. Далее должны быть отчеканены монеты в 5.000, 3.000 и 1.000 рублей.

Этим путем будут прочно закреплены наиболее ходовые купюры бумажных денег. Высшие купюры (25 тыс., 50 тыс., 100 тыс. рублей) остаются бумажными и за ними естественно сохранится характер банкнот удобных для крупных расчетов и это еще более подымет цену их и создаст им несомненно устойчивое положение.

Металлическая никкелевая валюта, заменяющая высшие бумажные купюры, явится той временной, но достаточно крепкой плотиной, которая основательно задержит стремительное падение бумажного рубля и несомненно создаст значительную финансовую передышку, необходимую для быстрейшего исполнения ряда коренных реформ нашего денежного обращения (открытие сети отделений банков, сберегательных и страховых касс, денежный налог и т. п.).

Видеть в предлагаемой мере панацею не приходится, это лишь один из первых и необходимых приемов работы. Нижеследующий подсчет ясно показывает всю важность и значительность его.

При цене одного пуда никкеля в монете 320 рублей золотом, или 8 милл. бумажных, производительность одного небольшого Уральского никкелевого завода — 50.000 пудов металлического никкеля в год, заменит государству (50.000 x 8.000.000 рублей=400.000.000.000 руб.) четыреста миллиардов рублей (бумажных) в год. Снятие с нашего денежного рынка такой крупной суммы бумажек не может конечно пройти бесследным и не оказать повышательного воздействия на курс остающихся в стране бумажных денег, если конечно за это время будут осуществлены общие условия здорового денежного обращения в стране.

Сама выплавка никкеля на Урале не представляет чего либо чрезвычайного и может быть с успехом организована в короткий срок, даже при нынешнем нашем тяжелом положении. Металлургические устройства: шахтные печи для плавки штейна, отражательные печи для дальнейшей переработки штейна и проч. весьма несложной конструкции и могут быть вполне сооружены местными техниками и рабочими. Механическое оборудование завода — вентиляторы Руто, дробилки Блека и бегуны имеются в достаточном количестве на месте, также как и необходимые паровые двигатели небольшой мощности (200 л. с.). Таким образом устройство завода для выплавки никкеля не представляет никаких трудностей, но потребует времени все-таки не менее года. Ради скорейшего осуществления мер по оздоровлению нашего денежного обращения будет несомненно более полезным:

1) или приобрести необходимый металлический никкель для первого выпуска монеты за границей;

2) или передать разработку никкелевых месторождений на Урале в концессию какой либо иностранной компании с обязательством доставить первый выпуск никкелевый монеты из-за границы.

В дальнейшем весь выплавляемый никкель концессионер обязан сдавать казне с оплатой 50% золотом (со стороны казны) по цене Лондонской биржи; 25% никкелевой монеты поступают концессионеру в погашение первого выпуска монеты доставленной из-за границы; остальные 25% концессионер сдает за плату в советской валюте бумажной или никкелевой по цене Лондонской биржи. Выработанный сверх 50.000 пудов никкель (в год) поступает в пользу концессионера, 25% из него оставляются в стране для внутреннего рынка, а 75% концессионер имеет право распорядиться по своему усмотрению, не исключая возможности вычеканить для него на монетном дворе и монету на известных условиях. Концессионеру предоставляется монополия по добыче никкеля в России, сроком на 10 лет, при чем этот срок автоматически увеличивается до 15-ти лет, если концессионер в первые 3-и года превзойдет в поставленную ему норму в выплавки металла никкеля 50.000 пудов в год. Эти условия являются, конечно, только примерными.

М. Буйневич

22/VIII 921 г.
Плющиха, Трубный пер., д. 9 кв. 5

Прочт[ите] для справок
в архив
Никел[евая] монета
Буйкевич
н?
и отзыв Е. А. Преображ[ен]ского
11/IX. 1921

ПРИМЕЧАНИЕ: Пометки в тексте, выделенные курсивом, а также пометка в конце написаны рукой В. И. Ленина химическим карандашом.
Текст напечатан на машинке за подписью Буйневича.
Письмо Е. Преображенского — автограф.

Владимир Ильич!

О докладной записке инженера Буйневича могу сказать следующее. Что касается последней части, т. е. концессии на разработку никеля, которая, повидимому занимает инженера больше, чем реформа денежного обращения, то это не по моей части. О [возмо]целесообразности же выпуска никелевой монеты мне приходится говорить, если мы не проведем что-либо вроде деноминации. Бессмысленно к существующим деньгам добавить еще никелевые, не давая ответ, прекращаем эмиссию или нет, а если прекращаем, чем покрываем дефицит в бюджете. Если-б не этот дефицит, нам бы горя мало было и установить твердую валюту тогда можно было бы десятком способов и все бы привели к цели. [Чз] Разменная же никелевая монета могла бы быть целесообразной, если-б решена была судьба основной массы бумажных средств обращения. [Хот] В этом отношении никель лучше меди потому, что нам нельзя пятачек выпускать с меньшим весом, чем при царизме (скажут: большевики надувают), а из никеля можно выпустить и полтинники весом с полтинник серебряный. Одним словом это предложение в части разменной монеты стоит при обсудить, но после деноминации. Провести же деноминацию на никель нельзя. Подробней скажу при защите нашего (несколько измененного) проэкта деноминации в Политбюро.

С тов. привет.

Е. Преображенский

Публикация
А. МАСАЛЬСКОЙ, И. СЕЛЕЗНЕВОЙ

Секретно
Экз. № 1

ЦК КПСС

На чемпионате Европы по фигурному катанию на коньках 1972 года в Гетеборге (Швеция) судья из Польской Народной Республики М. Зухович предложила Н. Нестегиной (СССР) вывести польскую пару Г. Османска — А. Бродецкий на 6-е место, а польский судья, в свою очередь, даст 4-е место советской паре И. Черняевой — В. Благову. Следует заметить, что, в принципе, такого рода договоренности широко практикуются между судьями. Однако после исполнения произвольной программы Зухович (ПНР) поставила нашу пару, которая выступала раньше польской, на 7 место. Это самая низкая оценка, которая была дана советской паре. Естественно, в этом случае советский судья Н. Нестегина не могла менее техничную польскую пару поставить на 6 место.

За выступление польской пары советский судья поставила 5,3 за техничность и 5,3 за артистизм, что подтверждено официальными протоколами соревнований, а не 5,0 как ошибочно было указано на световом табло. Такие же оценки им поставили судьи из Англии и Франции, а трое судей из Австрии, Чехословакии и ФРГ оценили их выступление более низкими оценками.

К сожалению следует заметить, что на прошедшем чемпионате имелись и другие случаи, когда судьи из ПНР и ГДР выносили явно заниженные оценки советским фигуристам по сравнению даже с оценками, даваемыми судьями из капиталистических стран.

Это в основном определило совершенно незаслуженное и необъективное выведение танцевальной пары из ФРГ (Буки) на первое место, в то время как двукратные чемпионы мира и более сильные по общему признанию советские спортсмены Л. Пахомова и А. Горшков оказались на втором месте.

Судьи С. Листинг и Х. фон Викки (ГДР), Э. Георги и П. Вашерхел (ВНР), М. Зухович (ПНР) демонстрировали необъективное судейство, предвзятое отношение к нашим фигуристам, что не позволило занять 4 место Ковалеву (одиночное катание), а Войтюк и Жигалину 4 место в спортивных танцах.

Направляем в порядке информации.

Председатель комитета по физической культуре и спорту при Совете Министров СССР *(С.Павлов)*

«21» января 1972 г.
№ 145 с

ЦК КПСС
Справка на № 01922

В Отделе пропаганды ЦК КПСС с материалом Комитета по физической культуре и спорту при Совете Министров СССР ознакомились.

Зам. зав. Отделом пропаганды ЦК КПСС *(Г. Смирнов)*

«31» января 1972 года.

ЦХСД. Ф. 5. Оп. 64. Д. 90. Л. 17-18.

«28» августа 1969 г.
№ 2169-А
гор. Москва

ЦК КПСС

Поджог израильтянами мусульманской мечети Аль-Акса в Иерусалиме вызвал острую реакцию индийской общественности. 26 августа с. г. этот вопрос обсуждался в парламенте Индии и министр иностранных дел ДИНЕШ СИНГХ выступил с заявлением, в котором отметил, что «правительство и народ Индии глубоко потрясены этим событием».

Резидентура КГБ в Индии располагает возможностями организовать в этой связи демонстрацию протеста перед зданием посольства США в Индии, в которой примет участие до 20 тысяч мусульман. Расходы на проведение демонстрации составят 5 тысяч индийских рупий и будут покрыты за счет средств, выделенных ЦК КПСС на проведение спецмероприятий в Индии в 1969-1971 годах.

Просим рассмотреть.

Председатель комитета госбезопасности

Андропов

ЦК КПСС

Руководство компартий Уругвая, Аргентины, Греции и Африканской партии независимости Сенегала обратилось с просьбой оплатить проезд их представителей (всего 4 чел.), направляемых на X съезд Компартии Индии.

Съезд Компартии Индии начинает свою работу 27 января 1975 г.

Считали бы возможным удовлетворить просьбу руководства указанных выше партий. Расходы по оплате проезда представителей этих партий можно было бы отнести за счет сметы по приему зарубежных партработников.

Просим согласия.

Зам. зав. Международным отделом ЦК КПСС *(Р. Ульяновский)*

«20» января 1975 года
№ 25-С-152

Перестройка и анонимки

Комитет государственной безопасности
21.03.88 №458-4

В 1987 году проводимые в стране мероприятия по перестройке экономики, расширению демократизации и гласности привели к снижению по сравнению с предыдущим годом на 29,5% количества распространенных анонимных материалов антисоветского, националистического и политически вредного содержания. Од-

нако число лиц, участвовавших в их изготовлении и распространении (1663), увеличилось на 9,4%, что вызвано некоторым ростом групповых негативных проявлений средн молодежи в Казахской и Латвийской ССР.

Уменьшилось на 77% количество проявлений и распространенных материалов, содержащих негативную оценку интернациональной помощи СССР Афганистану и на 24% — профашистские лозунги и символику.

В течение года фиксировались факты распространения анонимных материалов, содержащих террористические высказывания в отношении руководителей КПСС и Советского государства (44 проявления), угрозы физической расправы над представителями местного партийного, советского актива, должностными лицами (108), националистические, в основном антирусские, измышления (309), несогласие с проводимыми в стране мероприятиями по перестройке в советском обществе (46).

Значительное количество анонимных проявлений имело место на Украине, в Казахстане, Латвии, Литве, в Москве и Ленинграде.

В 1987 году установлено 1312 авторов листовок, писем и надписей, в том числе 33 человека, допустивших высказывания террористического характера в отношении руководителей партии и государства и 67 — угрозы физической расправы над представителями местного партийного и советского актива, должностными лицами.

Из общего числа разысканных авторов 37,2% составляют студенты и учащиеся школ и профтехучилищ, 18,6% — рабочие, 16,8% — служащие, 9,5% — пенсионеры, 17,9% — прочие категории граждан, в том числе отбывающие наказание в исправительно-трудовых учреждениях.

Среди установленных авторов 59 членов и кандидатов в члены КПСС и 361 член ВЛКСМ.

Причинами изготовления и распространения анонимных материалов являются: националистические настроения (248 человек); недовольство мерами, направленными на укрепление дисциплины и борьбу с пьянством и алкоголизмом (187); недостатки в снабжении населения продуктами питания, а также высокие цены на отдельные виды промышленных товаров (43); жилищные и материально-бытовые затруднения (41); хулиганские побуждения (238); корыстные цели (86); психические заболевания (170); неправомерные действия некоторых местных руководителей, выразившиеся в грубом обращении с подчиненными, формальном отношении к заявлениям граждан, в нарушении моральных норм поведения и т. п. (23).

Причины изготовления анонимных материалов остальными 276 авторами в настоящее время выясняются.

После соответствующей проверки к большей части разысканных авторов (55,6%) приняты меры профилактического характера, 66 человек привлечено к уголовной ответственности по общеуголовным статьям УК РСФСР и других союзных республик.

Комитетом госбезопасности проводятся мероприятия, направленные на предупреждение и своевременное пресечение негативных проявлений, связанных с распространением анонимных материалов враждебного содержания, а также на повышение эффективности работы по розыску их авторов и распространителей.

Сообщается в порядке информации.

Председатель Комитета *В. Чебриков*

О Б. Кармале замолвите слово

19 июня 1991 года после четырехлетнего пребывания в Советском Союзе из Москвы в Афганистан для постоянного проживания в качестве частного лица выехал Бабрак Кармаль с супругой. Он находился в СССР в качестве нашего гостя. Возвращение Б. Кармаля на родину стало возможным после того, как Наджибулла дал на это свое согласие.

Б. Кармаль просил передать глубокую благодарность руководству ЦК КПСС за оказанную помощь и внимание к нему лично и членам его семьи. Он заверил также, что был и остается искренним другом Советского Союза.

Б. Кармаль обратился с просьбой до обустройства в г. Кабуле сохранить за ним и членами его семьи (семья сына, семьи дочерей и холостой сын), остающимися пока в г. Москве, квартиры, медицинское обслуживание и выплату пособия, предусмотренные ранее принятыми постановлениями ЦК КПСС.

Сообщается в порядке информации.

Зам. зав. Международным отделом
ЦК КПСС *Ю.(Зуев)*
«21» июня 1991 года

Фото Валерия Арутюнова

«КАЗАКИ» СО СВАСТИКОЙ

К формированию так называемых «казачьих» частей германское командование приступило в конце 1941 года в рамках мероприятий по разложению войск и тыла Красной Армии. Термин «казачий» использовался для обозначения вспомогательных войск, основной целью которых было несение караульной и охранной службы, а также проведение карательных акций. Именно такими в истории России виделись немецкому руководству функции всех тринадцати Казачьих Войск.

Зная о недовольстве некоторой части казачества советской властью, немцы надеялись, что именно уроженцы казачьих земель станут основой новых формирований. Однако предусмотрительный генерал Паулюс, в то время первый генерал-квартирмейстер главного штаба сухопутных войск Германии, разрешил набирать в «казаки» всех лиц славянского происхождения, из числа «надежных и проверенных» военнопленных и местных жителей. Причем на первых порах немецкое командование обходилось без помощи эмигрировавших в 1920 году из России казачьих генералов П. Н. Краснова и А. Г. Шкуро.

О создании первых «казачьих» рот и батальонов рассказал на допросах в УНКВД по Новосибирской области пленный немецкий офицер граф Ганс Риттберг (документ № 1). В страшную зиму 1941-42 года в лагерях для военнопленных погибло свыше двух миллионов советских солдат и офицеров и завербовать из числа уцелевших несколько тысяч «добровольцев» немцы смогли без особого труда.

В разгар кровопролитных боев под Сталинградом зимой 1942 года германское командование вспомнило и про генерала Краснова. Сотрудник СД штурмбанфюрер Хенгельхаупт доставил к нему на квартиру некоего Сюсюкина, представившегося посланцем от начальника «Штаба обороны Дона» походного атамана полковника С. В. Павлова. 11 ноября 1942 года генерал Краснов направил Павлову письмо, в котором дал ряд рекомендаций по организации повстанческой деятельности и формированию казачьих частей, хотя бы и небольших по численности. Главное для Краснова — это поддерживать тесные контакты с германским военным командованием и руководством СС.

Одним из активных участников событий, происходивших в те дни на Дону, был Т. И. Доманов. Об этом человеке до сих пор пишут по-разному, именуя его то белоказачьим генералом, то перешедшим на сторону немцев майором Красной Армии. Переданный в мае 1945 года англичанами советскому командованию, Доманов дал интересные показания о своем прошлом и о боевом применении казачьих частей в 1942—43 годах на Дону и на территории Украины (документ № 2). Секретный осведомитель НКВД, предавший родного брата, он сделал неплохую карьеру у гитлеровцев, присвоивших ему звание генерал-майора. Показания Доманова дополняет вещественное доказательство — письмо назначенного немцами районного начальника Пролетарского района, некоего Агапова, старшине Буденновской волости (документ № 3). Из текста письма видно, что в «добровольцы» по разверстке загоняли всех, кого можно, а снаряжение осуществлялось за счет реквизиций у населения.

Безусловно, основную роль в создании казачьих формирований играло немецкое командование. Об этом свидетельствует кадровый военнослужащий немецкой армии генерал-лейтенант Гельмут фон-Паннвиц, начавший службу в германской кавалерии в 1914 году, перешедший советскую границу в ночь с 21 на 22 июня 1941 года в качестве командира разведдивизиона 45-й пехотной дивизии. В ноябре 1942 года подполковник фон-Паннвиц был переведен в штаб фельдмаршала фон Клейста, возглавлявшего кавказскую группу армий. Клейст поручил ему создание казачьих частей из военнопленных и местных жителей.

До 1943 года «казачьи» роты и батальоны использовались главным образом в составе немецких дивизий по охране тыла действующей армии. Некоторые из них были сведены в «казачьи» полки, но в подавляющем большинстве случаев численность таких полков не достигала численности полнокровного батальона. Генерал Краснов, привлекаемый в то время немцами только к выполнению разовых поручений — составлению исторического очерка казачьих войск, листовок-воззваний и т. п., вынашивал планы создания крупных казачьих соединений, оснащенных современными видами техники — танками, артиллерией, авиацией. В беседах с представителями немецкого командования он уверял, что общая численность казачьих формирований в составе вермахта может быть доведена до 100 тысяч человек — иными словами, до десяти дивизий. Конечно, это была бы внушительная сила, тем более что в 1943 году потери вермахта достигли катастрофической отметки.

1-я казачья кавалерийская дивизия была сформирована в Млаве (Польша) в сентябре 1943 года. В ее составе было около 18 тысяч человек, в том числе свыше пяти тысяч человек немецкие солдаты и офицеры, то есть каждый третий «казак» был немцем. На допросе фон-Паннвиц показал, что дивизия под его командованием была направлена в Югославию, в связи со сложившейся там военно-политической обстановкой. Но в процессе судебного заседания, 16—17 января 1947 года, фон-Паннвиц заявил, что решение направить дивизию в Югославию было принято немецким командованием из-за неуверенности в том, что бывшие советские военнопленные будут воевать против Красной Армии (документ № 4).

31 марта 1944 года при министерстве по делам восточных территорий было создано Главное управление казачьих войск во главе с генералом П. Н. Красновым. Начальником штаба был назначен его родственник, С. Н. Краснов, которому немцы присвоили звание генерал-майора. Работа носила главным образом пропагандистский характер, но время от времени приходилось решать задачи, связанные с комплектацией «казачьих» частей командным составом — главным образом на должности «офицеров-воспитателей», выполнявших некоторые фукции политработников.

В подписанных генералом П. Н. Красновым приказах казачьим войскам говорилось о преданности казаков «фюреру германского народа Адольфу Гитлеру», о боевых успехах казачьих частей. Показателен текст телеграммы, отправленной Красновым Гитлеру после получения известий о покушении, совершенном 20 июля 1944 года (документ № 5).

В начале сентября 1944 года в Главный штаб войск

СС был вызван генерал-лейтенант А. Г. Шкуро, до того времени выполнявший лишь отдельные поручения генерала Краснова. После совещания, на котором присутствовали генерал фон-Паннвиц и другие немецкие командиры «казачьих» частей, было объявлено о том, что 1-ю казачью кавалерийскую дивизию решено развернуть в корпус, для чего при Главном штабе войск СС создается специальный орган — «Резерв казачьих войск». Начальником этого органа, задачей которого была массовая вербовка в казачьи части, приказом рейхсфюрера СС Генриха Гиммлера был назначен генерал Шкуро. Краснова на совещание не пригласили, но его Управление стало активно помогать Шкуро (документ № 6).

Давая показания о своей деятельности на посту начальника «Казачьего резерва», генерал Шкуро сообщил, что с сентября 1944 года по апрель 1945 года им было направлено в 5-й запасной полк корпуса фон-Паннвица до двух тысяч человек, а в «Казачий стан» Доманова — до семи тысяч человек, главным образом стариков, женщин и детей.

Генерал фон-Паннвиц, в свою очередь, объяснил, что в декабре 1944 года он получил приказ Главного управления войск СС — развернуть дивизию в корпус. 1-я и 2-я бригады бывшей 1-й казачьей дивизии были переименованы в дивизии без существенных изменений в численности личного состава. Полк Кононова был развернут в бригаду, за счет влившегося казачьего полка фон-Рентельна. В состав корпуса дополнительно вошли также два казачьих полицейских батальона из Кракова, батальон заводской охраны из Ганновера, казачий полицейский батальон из Варшавы, вместе с одним из домановских полков принимавший участие в подавлении Варшавского восстания. О численности подкрепления можно судить по этому батальону — сто шестьдесят один человек, вместо девятисот по штату. Под стать ему были и остальные «батальоны» и «полки». Фон-Паннвиц показал, что в феврале 1945 года, когда формирование 15-го казачьего кавалерийского корпуса было закончено, оно практически не отличалось по численности от бывшей 1-и казачьей дивизии — 18 тысяч человек, из них свыше пяти тысяч немецких военнослужащих.

Из «Строевого рапорта по казачьим частям походного атамана генерал-майора Доманова по состоянию на 27 апреля 1945 года» видно, что численность «Казачьего стана» составляла 16 485 человек, в том числе 1575 офицеров и 592 чиновника. Кроме того, в составе «Казачьего стана» было 6304 нестроевых, 4222 женщин, 2094 детей в возрасте до 14 лет и 358 детей в возрасте от 14 до 17 лет. Всего — 31463 человека.

Таким образом, к концу войны в «казачьих» частях вермахта и СС насчитывалось не более 34 тысяч человек, включая около 5 тысяч немецких военнослужащих. Из оставшихся 28 тысяч человек, по оценке Краснова, Шкуро, Доманова и фон-Паннвица, примерно 60% составляли советские военнопленные, которые далеко не все были казаками по происхождению. К сравнению, тринадцать казачьих войск России (по состоянию на октябрь 1917 года — до 4,5 миллионов населения) давали в строй во время войны до 300 тысяч человек. Так что численность «казаков со свастикой» была ничтожно мала.

Акция по созданию 15-го казачьего корпуса имела для немцев и неожиданные негативные последствия — встал вопрос о замене немецкого командования казачьим или хотя бы русским (имелись в виду пленные советские офицеры).

Число приверженцев этой идеи в «восточных» — затем «добровольческих» — частях немецкой армии росло с каждым днем, с чем не могло не считаться и немецкое командование.

Многие видели для себя выход в объединении «РОА» и казачьих частей. Конечно, о разгроме Красной Армии говорить не приходилось — силы оставались неравные, но возникали шансы найти нового хозяина. Поэтому деятели КОНРа стимулировали объединение, распространяя слухи о присоединении к «РОА» двух советских дивизий, о вспыхнувшем на Украине восстании, возглавляемом «известным генералом Тимошенко», о том, что в боях с «РОА» части Красной Армии отброшены на 75 километров.

Власову противостоял генерал П. Н. Краснов, написавший резкое «открытое письмо», в котором он обвинял Власова в обмане казаков.

Сохранился любопытный документ—«Тезисы для беседы с казаками полка фон-Рентельна», подписанный Красновым 21 ноября 1944 года. В «Тезисах» Краснов пытался доказать несостоятельность идеи объединения с «РОА», так как казаки «принесли присягу на верность Фюреру и Германии». Генерал критиковал «Манифест» КОНРа (Комитет Освобождения Народов России — см. «Родина» № 8—9, 1992) за то, что там мало говорится о православной вере и «нет ни слова о жидах». «Неужели жидам оставят и дальше право распоряжаться Россией?» — вопрошал Краснов.

Тем не менее 25 марта 1945 года, пренебрегая советами Краснова, генерал-майор Науменко, числивший-ся Кубанским войсковым атаманом, отдал приказ о переходе кубанского казачьего войска в подчинение КОНРа. Перешел туда — по крайней мере формально — и корпус генерала фон-Паннвица. 30 апреля 1945 года, за неделю до капитуляции Германии, фон-Паннвиц направил Власову письмо, полное надежд (документ № 7).

Война закончилась, и находившиеся в английской зоне оккупации казачьи части были переданы советским властям. О том, как это происходило, мы можем узнать из показаний очевидца — генерала П. Н. Краснова (документ № 8). Потом были лагеря военнопленных в Кемерове и Новосибирске, допросы, судебные приговоры...

ДОКУМЕНТ № 1

Из показаний графа Риттберга Ганса Аурели, 1913 года рождения, майора немецкой армии, до ареста содержавшегося в лагере для военнопленных № 525, допрошенного в УНКВД по Новосибирской обл. 6 февраля, 8 марта и 13 июля 1946 года.

ВОПРОС: При каких обстоятельствах вы приступили к формированию казачьего эскадрона из русских военнопленных?

ОТВЕТ: 28 октября 1941 года по приказу генерала Шенкендорфа — командующего тыловыми частями группы армий «Центр» — я явился к нему в штаб, где меня познакомили с бывшим майором Красной Армии Кононовым. Тот рассказал мне, что в 1941 году он командовал полком, оборонявшим Смоленск, и сдал полк немцам. Шенкендорф объявил Кононову, что тот назначается командиром казачьего эскадрона, который следует сформировать в городе Могилеве из советских военнопленных. Шенкендорф указал также, что эскадрон предназначен для проведения оперативных действий против партизан и выполнения карательных функций против населения, поддерживающего партизан.

ВОПРОС: К чему сводилась ваша роль?

ОТВЕТ: Я должен был выполнять функции представителя немецкого командования при Кононове, передавать ему оперативные указания, наблюдать за их выполнением, докладывать Шенкендорфу о состоянии эскадрона и о результатах операций.

ВОПРОС: Кто же был фактическим командиром эскадрона?

ОТВЕТ: Кононовым руководил я, а Кононов командовал эскадроном.

ВОПРОС: Как практически формировался эскадрон?

ОТВЕТ: Шенкендорф дал нам право набирать личный состав эскадрона из военнопленных, содержавшихся в лагерях в Могилеве, Гомеле, Борисове, Невеле, Лепеле, Витебске, Смоленске и Орше. После объезда этих лагерей эскадрон был сформирован к 9 ноября 1941 года в составе 200 человек. С военнопленными обычно разговаривал Кононов, вначале сообщая об успехах германских войск, причем успехи значительно преувеличивались, затем призывал желающих вступить в эскадрон, обещая питание и обмундирование по нормам немецкой армии. По окончании войны Кононов, от имени германского правительства, обещал земельные наделы и денежную субсидию.

ВОПРОС: Что вам известно об условиях содержания советских военнопленных?

ОТВЕТ: Из заявлений военнопленных мне было известно, что пищи они получали крайне мало и притом низкого качества, была масса жалоб на отсутствие одежды и обуви.

ВОПРОС: Ограничились ли вы одним эскадроном?

ОТВЕТ: Нет, к августу 1942 года нами было сформировано шесть эскадронов, сведенных в 600-й отдельный казачий карательный дивизион, командование которым осуществлялось мною и Кононовым. Карательные экспедиции осуществлялись с февраля 1942 года до июня 1943-го, в радиусе 40—50 километров от Могилева. Мы сжигали населенные пункты, расстреливали, как партизан, обнаруженное в лесах население, арестовывали и частично уничтожали лиц, заподозренных в связях с партизанами. После последней карательной экспедиции в июне 1943 года, в районе Круглое-Шепелевичи, дивизион был отведен в Млаву на формирование казачьей дивизии.

ДОКУМЕНТ № 2

Из показаний Доманова Тимофея Ивановича, 1887 года рождения, уроженца станицы Мигулинской, из казаков, допрошенного в Главном управлении контрразведки «СМЕРШ» 20 июля, 14 августа и 4 октября 1945 года, и 20 сентября 1946 года.

ВОПРОС: Вы служили в белой армии?

ОТВЕТ: Да, с 1918 по 1920 год, в армии Деникина, в чине сотника казачьих войск. Потом жил на Кавказе, служил на административно-хозяйственных должностях в различных учреждениях. Перед войной жил в Пятигорске, работал начальником отдела снабжения на электростанции. После оккупации остался в городе.

ВОПРОС: С какой целью?

ОТВЕТ: Я был секретным сотрудником органов НКВД и перед уходом Красной Армии из города получил задание от заместителя начальника горотдела НКВД — остаться в тылу немецких войск, выявлять предателей и уничтожать наиболее видных оккупантов.

ВОПРОС: Вы выполнили полученное задание?

ОТВЕТ: Нет. Я несколько раз приходил на условленное место, но никого там не встречал. На квартиру ко мне связник также не приходил.

ВОПРОС: У вас имеются братья?

ОТВЕТ: Да, есть родной брат Доманов Александр Иванович, арестованный осенью 1937 года органами НКВД за преступную связь с антисоветскими элементами.
ВОПРОС: Откуда вам известны связи вашего брата?
ОТВЕТ: Он рассказывал мне, что эти лица выпивали вместе с ним и во время выпивок вели антисоветские беседы. Являясь секретным сотрудником, я поставил об этом в известность горотдел НКВД, после чего и они, и мой брат были арестованы. Мне было известно, что брата судили, и он где-то отбывал наказание.
ВОПРОС: Расскажите подробно о вашей деятельности у немцев.
ОТВЕТ: В ноябре 1942 года, после вступления немцев в Пятигорск, я выехал в город Шахты, где встретился с Кулешом, начальником местной полиции. Он дал мне рекомендательное письмо в Новочеркасск, где немцы формировали казачью часть. Начальник штаба этой части Попов назначил меня уполномоченным по вербовке в эту часть по городу Шахты. Кулеш познакомил меня с Лукьянченко и другими казаками, служившими в немецкой полиции, которых я и завербовал в формируемые немцами казачьи части. С их помощью я развернул агитацию, используя воззвание генерала Краснова и заверенный немцами приказ походного атамана Павлова, в котором казакам в возрасте от 20 до 45 лет предписывалось вступать в казачьи формирования.
ВОПРОС: Кто такой Павлов?
ОТВЕТ: Павлов Сергей Васильевич, белый офицер, до оккупации — инженер на одном из заводов Новочеркасска. Во время оккупации немцы предложили ему начать формирование казачьих частей и назначили походным атаманом формируемой части. Сформированный при моем участии полк Павлова участвовал в боях против Красной Армии под Новочеркасском и Таганрогом, где был разбит. Местом сбора всех завербованных казаков и их семей, отступивших вместе с немцами, был назначен город Кировоград, где к июлю 1943 года собралось до 3000 казаков. Из них было сформировано два полка. В августе батальоны этих полков были приданы немецким частям, с которыми они сражались против партизан и Красной Армии. Павлов был подчинен майору Мюллеру — представителю Восточного министерства — и проводил по его заданию вербовку и сбор казаков на пути отступления немецких войск. В следующем пункте сбора — Проскурове — собралось до 7 тысяч казаков с семьями. Туда вошли и кубанские казаки, завербованные в Одессе «Казачьим комитетом», созданным немецко-румынским командованием...
ВОПРОС: А где находились вы в это время?
ОТВЕТ: Я находился в Проскурове, в качестве заместителя Павлова. В январе 1944 года с частью штаба и войск я выехал в село Балино, Каменец-Подольской обл., где намечалось временное поселение казаков и их семей. Остальные казаки были направлены немцами в Новогрудок (Белоруссия). В Балино мы попали в окружение и с боями выходили из него с немецкими частями, после чего также направлены в Новогрудок. В распоряжении Павлова оказалось до 5000 человек, из которых было сформировано пять полков. В конце июня 1944 года Павлов был убит в бою с партизанами, походным атаманом казачьего стана назначили меня, и я руководил борьбой с партизанами Белоруссии до июля 1944 года. 6 июля стан — и семьи, и полки — был направлен немцами в Северную Италию, где было определено место поселения семей казаков и дислокация казачьих частей. Один из полков, под командованием есаула Бондаренко, был использован для подавления Варшавского восстания.

ДОКУМЕНТ № 3

Письмо начальника Пролетарского Районного управления Ростовской области Агапова старшине Буденновской волости того же района

Районное управление
Пролетарского р-на
Ростовской обл.
15. 12. 42
№ 9/364

Старшине Буденновской волости

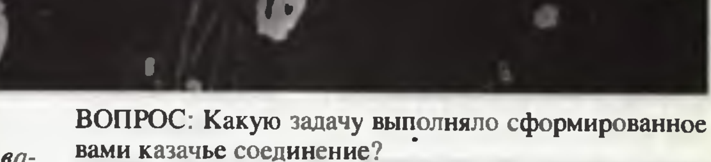
Для несения внутренней службы по охране своей Родины и для помощи Германским Вооруженным силам под руководством Главного немецкого командования в борьбе с коммунизмом и сталинской жидовской сворой п р и к а з ы в а ю:

1. Завербовать не менее 7 человек добровольцев в Донской казачий полк.
2. Добровольцы в Донской казачий полк вербуются не только из казачьего, но и из коренного населения постоянных жителей степей, в том числе и военнопленных, вполне благонадежных политически.
3. Добровольцы должны быть снабжены паспортами и Вашими рекомендациями о политической благонадежности.
4. Добровольцы должны быть Вами обеспечены: 1. Строевой лошадью. 2. Седлом с амуницей. 3. Полушубком. 4. Сапогами. 5. Папахой. 6. Курткой. 7. Гимнастеркой. 8. Шароварами. 9. Двумя парами белья. 10. Шашкой. 11. Карманными деньгами — по 1000 рублей каждому.
5. Все перечисленное переходит в личную собственность добровольца за счет Вашей общины и изъятия у населения Вашего поселка обмундирования бывш. советского образца и казачьего снаряжения...
10. Завербованные и снаряженные добровольцы должны быть доставлены Вами лично в Районное Управление 23 декабря с. г. с недельным запасом продовольствия и фуража.
11. Доставленные Вами добровольцы будут направлены в город Новочеркасск для строевого обучения.

За точное выполнение данного распоряжения отвечаете Вы.

Старшине волости... также явиться лично 23 декабря с. г. во главе старост и добровольцев волости.

Районный начальник *(Агапов)*
Начальник Агробюро *(Копылов)*

ДОКУМЕНТ № 4

Из показаний бывшего командира 15-го казачьего кавалерийского корпуса генерал-лейтенанта немецкой армии фон-Паннвица, 1898 года рождения, допрошенного в Главном управлении контрразведки «СМЕРШ». Протокол допросов от 30 октября 1945 года, 16 сентября и 28 ноября 1946 года.

ВОПРОС: Когда германское командование начало формировать казачьи соединения из военнопленных?
ОТВЕТ: Первый казачий эскадрон был сформирован командованием группы армий «Центр» в конце 1941 года из военнопленных, проживавших ранее в местах казачьих поселений. Командовал эскадроном бывший командир полка Красной Армии майор Кононов Иван Никитич. Эскадрон участвовал в борьбе против партизан, проводил карательные операции в тылу группы армий «Центр». В апреле 1943 года я получил приказ начальника штаба сухопутных войск генерала Цейслера о формировании дивизии. В нее вошли: батальон Кононова, сформированный в Буденновске полк под командой подполковника Юнгшульца, полк «Атаман Платов», сформированный в Полтаве казачий полк под командой подполковника Вольфа и полк, действовавший в районе Шепетовки. Формирование дивизии было завершено в конце сентября 1943 года, она была направлена в Югославию.
ВОПРОС: Вы говорили, что 1-я казачья двизия была сформирована для борьбы против Красной Армии, теперь вы говорите, что она была отправлена в Югославию. В чем причина изменений?
ОТВЕТ: Летом 1943 года армия Тито активизировала военные действия и поставила под угрозу германские коммуникации и гарнизоны. В связи с этим срок формирования дивизии был сокращен на три месяца, и ее отправили в качестве подкрепления в Югославию. Дивизия состояла из двух бригад, по три кавалерийских полка и под одному артдивизиону в каждой. Личный состав насчитывал до 18 тысяч человек, в т. ч. около 5 тысяч немцев. Из 550 офицеров свыше 330 были немецкими офицерами.
ВОПРОС: Какую задачу выполняло сформированное вами казачье соединение?
ОТВЕТ: Дивизия вначале входила в состав группы армии «Ф» (генерал-фельдмаршал Вейкс), а затем — группы армий «Е» (генерал-полковник Лер). С февраля 1945 года дивизия была перегруппирована в 15-й казачий кавалерийский корпус, который входил в подчинение войск СС. Задача — охрана стратегически важных объектов и активные бои с партизанами.
ВОПРОС: Какими указаниями вы руководствовались в борьбе с партизанами?
ОТВЕТ: Особым циркуляром, составленным СС-обергруппенфюрером Бах-Зелевским и утвержденным генеральным штабом. Он был составлен на основании опыта борьбы с партизанами на Восточном фронте.

В циркуляре указывалось, что партизанская война противоречит международным правилам, а поэтому предлагалось применять любые средства, признанные целесообразными начальником воинской части на месте. Поскольку партизаны пользуются поддержкой местного населения, предлагалось каждую женщину, каждого старика и даже ребенка рассматривать как помощника партизан.

Отмечалось, что партизаны используют знание местности и поэтому часто ускользают от боя, убедившись в превосходстве сил противника. Поэтому предлагалось брать группы партизан в надежное окружение и вести бои на уничтожение. Всякое передвижение местного населения в зоне действия карательного отряда запрещалось.

При захвате населенных пунктов предлагалось проводить во всех домах и постройках тщательные обыски.

Местное население, если оно не будет признано активным помошником партизан, должно быть выселено и эвакуировано, а деревня, как очаг партизанской борьбы — может быть сожжена.

Предлагалось выявлять и уничтожать партизанские базы вооружения и продовольствия.

Старшему начальнику карательной экспедиции предоставлялось право — на месте решать воп-

Гельмут Паннвиц

Семен Краснов

Петр Краснов

Султан-Клыч-Гирей

Андрей Шкуро

Тимофей Доманов

рос о судьбе захваченных в плен партизан.
ВОПРОС: Как вы практически выполняли эти указания?
ОТВЕТ: Казачьи части, благодаря их большой подвижности, были весьма серьезным противником для партизан в Югославии. С конца 1943 года и до капитуляции Германии подчиненными мне казачьими войсками было проведено много боев, в результате которых имелись большие потери в живой силе с обеих сторон.

В феврале — марте 1944 года в районе северо-восточнее города Сисак 2-м полком и разведдивизионом был окружен и уничтожен один из партизанских отрядов. На поле боя было обнаружено свыше 200 убитых, до 200 человек было захвачено в плен. Тяжелые бои велись в середине сентября 1944 года за город Баня-Лука. В боях, кроме 3-го, 4-го и 6-го полков, участвовали немецкий полицейский полк и бригада усташей. С обеих сторон были большие потери.
ВОПРОС: Какие карательные мероприятия проводились вами против партизан?
ОТВЕТ: Подчиненные мне части грабили жителей этих районов, жгли их жилища, насиловали женщин и при малейшем сопротивлении убивали население.
ВОПРОС: Это проводилось по вашим приказам?
ОТВЕТ: Нет, таких приказов я не давал. Казаки мстили за помощь партизанам сами. Я был не в состоянии пресечь это, ибо приказы командования и мои распоряжения о самоснабжении способствовали указанному поведению частей. Согласно приказам командования, мое соединение должно было добывать себе питание у местного населения. Лошадей и фураж мы также должны были доставать себе сами. В соответствии с этим приказом я и давал распоряжения — отбирать у местного населения лошадей, скот, продовольствие, фураж. Так как все эти реквизиции проводились самими казаками и офицерами, мы понимали, что это приведет к массовому грабежу и насилию, но с этим не считались.
ВОПРОС: Следовательно, убийства и насилия над мирными жителями проводились вами не только за помощь партизанам, но и за сопротивление грабежу и насилию, которые учиняли?
ОТВЕТ: Да, это было так.
ВОПРОС: Расскажите о планах совместной борьбы против Советского Союза совместно с т. н. РОА.
ОТВЕТ: В марте 1945 года казачий съезд в Вировитице (Югославия) избрал меня походным атаманом казачьего войска. В это же время между генералами Красновым и Власовым проходили переговоры об объединении «РОА» и казачьих формирований. Поскольку переговоры затянулись, командир бригады Кононов, с моей санкции, собрал казачий съезд, который высказался за объединение с «РОА» и избрал меня походным атаманом.

Я связался по телеграфу со штабом Гиммлера и просил указаний — как отнестись к этому избранию и следует ли вступать в сношения с Власовым. Обергруппенфюрер СС Бергер ответил, что я должен принять должность походного атамана и войти в подчинение командования «РОА».

Бергер мне сказал, что сложившаяся обстановка требует передачи Власову всех «добровольческих» формирований, и дал указание, как мне строить взаимоотношения с Власовым. Таким образом, с марта 1945 года мой корпус числился в составе «РОА», а я состоял в подчинении командования «РОА».

ДОКУМЕНТ № 5

Телеграмма генерала П. Н. Краснова Адольфу Гитлеру (из приказа по Казачьим войскам от 20 июля 1944 года № 5)

«...наш Вождь!
Казачьи войска, перешедшие на сторону Германии и вместе с ней сражающиеся против мирового еврейства и большевизма, с глубоким негодованием и возмущением узнали о гнусном и подлом покушении на Вашу жизнь. В чудесном спасении Вашем они видят великую милость всемогущего Бога к Германии и казакам, Вам присягнувшим, и залог полной победы Вашей над злобным, жестоким и не стесняющимся в средствах борьбы врагом. Казаки усугубят рвение своего служения для спасения Германии и Европы от большевистской заразы.

Живите многие годы наш Вождь Адольф Гитлер».

ДОКУМЕНТ № 6

Из письма начальника Управления казачьих войск генерала от кавалерии П. Н. Краснова атаману «Общеказачьего объединения в Германской империи, Словакии и Венгрии» генерал-лейтенанту Е. И. Балабину (на бланке «Начальник Управления Казачьих Войск» на русск. и нем. языках, от 13 октября 1944 года, № 485):

«Ваше превосходительство,
Глубокоуважаемый Евгений Иванович,
...На Ваши письма от 25 сентября и 9 октября отвечаю по пунктам коротко:
1. Генерал-лейтенант Шкуро назначен от Ваффен-СС для вербовки казаков, для создания казачьего корпуса, и не подчинен Главному управлению казачьих войск, но работает самостоятельно, получая указания от Ваффен-СС. Главное управление ему только помогает, не вмешиваясь в его действия...
3. Сколько мне известно, прямого приказа для освобождения казаков с заводов, для поступления в строй, у генерала Шкуро нет, но у него есть распоряжение Ваффен-СС, чтобы таких рабочих увольняли с заводов. К сожалению, заводы часто игнорируют это распоряжение, ссылаясь на приказы Арбайтс-фронта. Дело это идет довольно туго, Главному управлению удается освобождать казаков, но всегда с некоторыми трениями и большой перепиской.
4. Комплектование новых дивизий офицерами-казаками будет зависеть от самих казаков. Если в первую дивизию попало много офицеров — немцев и русских, то это потому, что присланные офицеры-казаки по своей подготовке не оказались на высоте положения ни по военным знаниям, ни по работоспособности. Много было прислано старых, не годных для строевой

службы. Если поступающие в новые части казачьи офицеры окажутся годными для службы — они и останутся, окажутся негодными — их заменят немцами.
5. Знание немецкого языка необязательно, но без некоторого знания немецкого языка положение офицера будет очень трудным, и мало надежды, чтобы такой офицер мог остаться в части. Команды будут по возможности и русские. Уставы немецкие, уже переведенные на русский язык.
6. Вы пишете о записи добровольцев; по существу речь идет уже не о добровольном поступлении, но о мобилизации. Лучше теперь же поступить добровольно, чем потом быть призванным насильно, что казаку и неприлично, так как при таком призыве он попадет в русскую часть наряду с военнопленными красноармейцами, где ему будет жутко и чуждо...

Вот кажется и все...

Остаюсь искренне уважающий Вас — *П. Краснов».*

ДОКУМЕНТ № 7

Письмо командира 15-го казачьего кавалерийского корпуса генерал-лейтенанта Г. фон-Паннвица генералу А. А. Власову

Казачий кавалерийский корпус
Всеказачий походный атаман и командир корпуса
30 апреля 1945 года

Ставка Главнокомандующего Вооруженными силами Комитета освобождения народов России
Генерал-лейтенанту
А. А. Власову

Уважаемый, дорогой генерал!
Сердечно благодарю Вас за Ваше поздравление по поводу избрания меня Походным Атаманом Казачьих Войск. Я искренне рад тому, что казачьи части вошли под Ваше командование. К этому всегда стремились все казаки и все командиры нашего корпуса, и только обстоятельства военного времени не давали нам возможности осуществить это раньше.

Но теперь исполнилась наша общая мечта.

От имени командиров и казаков нашего корпуса заверяю Вас, дорогой генерал, что в лице нашего корпуса Вы под свое командование получаете сколоченный боевой коллектив, который беззаветно борется и будет бороться во имя великой освободительной идеи. Я лично уже давно знаю казаков и вместе с ними прошел большой боевой путь, и всегда с великой радостью и гордостью заявляю, что казаки — это непоколебимые патриоты своей Родины — России, которые, не жалея своих сил, а зачастую и жизни, борются на полях сражений как настоящие воины-рыцари.

Весть о том, что казачество на Всеказачьем съезде избрало меня своим Атаманом, и утверждение этого решения Германским Правительством и Комитетом освобождения народов России я встретил с великим волнением, ибо я знаю, что этим самым на меня возложена большая ответственность за судьбу казачества, которое, как и весь русский народ, дорого моему сердцу.

Надеюсь, что то высокое доверие, которое оказали мне казаки, я оправдаю.

Сейчас я поставил себе задачу — собрать все казачьи части в одну мощную боевую единицу, которая будет верным авангардом Армии Освобождения Народов России под Вашим командованием.

С этой целью я командирую к Вам начальника моего Штаба, генерал-майора Кононова, которому прошу Вас оказать всяческое содействие в формировании Штаба и в концентрации казачьих сил. Я лично сделаю все для того, чтобы находящийся под моим командованием корпус сохранил боеспособность и своим полным составом соединился с другими казачьими частями и другими войсковыми соединениями, находящимися под Вашим командованием. Я глубоко уверен, дорогой генерал, что знамя освободительной борьбы, поднятое Вами, мы все вместе с честью удержим до нашей победы. Залогом этого является бурный рост антибольшевистского движения не только в России, но и в других странах Европы.

Желаю Вам здоровья и успеха в борьбе против общего врага — большевизма.

Ваш *Паннвиц*

ДОКУМЕНТ № 8

Из протокола допроса бывшего начальника Главного казачьего управления Министерства по делам восточных территорий Германии генерала от кавалерии П. Н. Краснова, 1869 года рождения, допрошенного в Главном управлении контрразведки «СМЕРШ» 20 июня 1945 года.

ВОПРОС: Чем был вызван отход «Казачьего стана» из Северной Италии?
ОТВЕТ: В конце апреля 1945 года английские войска подошли к городу Озоппо и к «донским станицам» в Алессо. Начался хаотический отход казачьих войск и их семей с итальянской земли. Части генерала Силкина, поскольку их англичане не тревожили, прикрывали этот отход.

2 мая, перед уходом казаков, генерал Глобочник приехал в Тольмеццо и в резкой форме потребовал от Доманова самых решительных действий против наступающих английских войск маршала Александера.

Генерал Доманов, ссылаясь на то, что казаки недостаточно вооружены для борьбы против танков, не имеют противотанковых средств, отказывался исполнить это приказание. Генерал Глобочник в самой резкой форме требовал наступления казаков, обещая дать танки и помочь артиллерией. Однако это исполнено не было, и 3 мая началось полное отступление казаков из Северной Италии. После этого я генерала Глобочника не видел.
ВОПРОС: Куда направился стан походного атамана Доманова из Северной Италии?
ОТВЕТ: Стан двигался на север, на территорию Австрии. 5 мая я прибыл из Италии в местечко Катчак, где остановился в гостинице. Дел было очень много, потому что были большие холода, в горах лежал снег и казачьи семьи трое суток не имели ничего для еды. Надо было организовать довольствие их, надо было передвигать инвалидов и женщин дальше хотя бы на грузовиках.

В местечке Катчак были немецкие власти. Я обратился к ним с просьбой — выдать пайковое довольствие хотя бы на один день. Мне на это было заявлено, что у них нет пайков даже и для своего населения.

Ночь женщины и дети провели голодные, на снегу и в поле, в ожидании довольствия, которое все же с большим трудом удалось получить 6 мая. В этот же день прибыл генерал Доманов со штабом. Он был очень расстроен полученной от генерала Шкуро запиской, в которой тот уведомлял Доманова, что генерал Глобочник отстраняет его за неисполнение приказа от должности походного атамана, предает его полевому суду и вверяет «Казачий стан» генералу Шкуро.

В тот же день прибыл генерал Шкуро. Так как в это время генерал Глобочник уже уехал с фронта, записка эта значения не имела, поскольку Глобочник прекратил борьбу.

Я приказал Доманову, чтобы его штаб взял в свои руки управление отходящими частями казаков.

7 мая начали проходить через Катчак войсковые части походного атамана. Проходили они в относительном порядке. Немецкое командование указало для размещения казаков с повозками место между местечками Катчак и Обер-Драубах, туда и были направлены части.

Воспользовавшись относительной свободой, я составил письмо фельдмаршалу 1-й английской армии Александеру, что со дня своей отставки, последовавшей в 20-х числах апреля, я предоставляю себя в его распоряжение, если это ему понадобится. Письмо это было переслано через одного немецкого генерала, фамилию его не помню, который хорошо говорил по-английски и отправлялся в штаб фельдмаршала Александера.

Тогда же в штаб Александера Домановым был отправлен генерал Васильев с переводчицей английского языка, однако они Александером приняты не были, их пропустили только до Удинэ, где их принял командир какой-то английской дивизии и обещал все передать фельдмаршалу Александеру.

Вскоре после этого, примерно 7 или 8 мая, штаб был передвинут в город Лиенц, где все мы поступили в распоряжение и на довольствие английского командования. Первоначально отношение англичан было более чем благоприятное. Однако уже через два-три дня англичане потребовали, чтобы все оружие у казаков было собрано, положено в склады под охраной самих казаков. Для соблюдения порядка, по приказанию англичан, было создано подразделение жандармов из казаков, которые получили оружие. У офицеров оружие не отбирали.

Так продолжалось до 16 мая 1945 года, когда было приказано всем офицерам сдать оружие. 28 мая было приказано всем начальствующим лицам и офицерам прибыть в город Обер-Драубах, где с ними должен был говорить командир английской бригады, и дать какие–то указания, что будет сделано в дальнейшем с казаками.

Как генерал Доманов, так и я с чинами управления поехали в город Драубах на своих автомобилях. По прибытии в Драубах нас направили в лес, где была старая лесопильня. В эту лесопильню пригласили генерала Доманова, его начальника штаба и меня с моим начальником штаба С. Н. Красновым. Туда же пришел английский бригадный генерал. Сначала он прошел в небольшую полуразвалившуюся комнату вместе с генералом Домановым. Разговор между ними продолжался не более 5 минут. После этого они вышли, генерал Доманов был очень расстроен и мимоходом сказал мне: «...нас передают советским властям».

Наши автомобили были уже угнаны, вместо них поданы автобусы, и офицеры, съехавшиеся со всех полков, сидели на грузовых машинах. Большой отряд вооруженной английской пехоты окружил нас, на все машины были посажены часовые, и нас повезли в Шпитталь. Когда мы туда прибыли, нас провели за проволоку и поместили в бараках. Ночью нам объявили, что в 6 утра будет погрузка и отправка нас в Юденбург для передачи советскому командованию. Это настолько было для нас неожиданным и ошеломляюще подействовало на офицерский состав «Казачьего стана», что долго никто не хотел верить в возможность осуществления этого плана.

Однако 29 мая в 6 часов утра прибыли английские солдаты и, угрожая штыками, приказали идти грузиться на автомашины. Генералу Доманову было приказано сказать офицерам, что они должны садиться в машины для следования к месту передачи советским войскам. Среди офицеров произошло смущение. Был вызван английский комендант лагеря, и ему через переводчика было заявлено, что до сей поры казаки исполняли беспрекословно все приказания англичан, но этого приказания они не могут исполнить, потому что они не считают себя пленными. Комендант в категорической форме предложил исполнить его приказ. Однако подчиненные мне офицеры не повиновались приказу коменданта. Они сцепились руками друг с другом и составили плотную массу. Тогда, по приказу коменданта, английские солдаты бросились на офицеров «Казачьего стана», угрожая штыками и жестоко избивая их по лицу и по голове прикладами. В то же время они хватали по несколько человек офицеров и силой выталкивали на двор, где стояли грузовики.

Видя дальнейшее сопротивление бесполезным, офицеры приступили к погрузке. После того, как погрузка была закончена, мы выехали и в тот же день прибыли в город Юденбург. Здесь английский караул был заменен советским, и таким образом мы оказались переданными командованию Красной Армии.

При подготовке материала к печати использованы документы из архивно-следственных дел, хранящихся в архиве Министерства безопасности Российской Федерации. Автор благодарит архивистов МБ РФ — А. А. Краюшкина, В. К. Виноградова, А. А. Зюбченко, В. П. Гусаченко,Ю. М. Разбоева, А. Я. Николаева — за помощь в работе.

Предисловие и публикация
Л. РЕШИНА

Российские федеральные

В результате начавшейся осенью 1991 года реформы архивной системы России многие архивы получили новые наименования, отражающие глубокие изменения в содержании их деятельности. Теперь реформа в основном завершена. «Источник» уже рассказал читателям о некоторых архивах, в частности о Центре хранения современной документации, образованном на базе текущих архивов ЦК КПСС (№ 4, 1992), о бывшем Центральном государственном архиве СССР («особом») (№ 3, 1992), о Российском центре хранения и изучения документов новейшей истории — бывшем Центральном партийном архиве (№ 8-9, 1992)...

По просьбе наших читателей публикуем перечень федеральных российских архивов и центров документации. Сначала указано их прежнее наименование, а курсивом выделено как полное, так и сокращенное современное название. Сообщаем также телефоны для справок.

В МОСКВЕ

Центральный государственный архив Октябрьской революции, высших органов государственной власти и органов государственного управления СССР (ЦГАОР СССР)

Центральный государственный архив РСФСР (ЦГА РСФСР)
Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ) тел. 245-81-41

Центральный государственный архив древних актов СССР (ЦГАДА СССР)
Российский государственный архив древних актов (РГАДА) тел. 241-83-23

Центральный государственный военно-исторический архив СССР (ЦГВИА СССР)
Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА) тел. 261-20-70

Центральный государственный архив народного хозяйства СССР (ЦГАНХ СССР)
Российский государственный архив экономики (РГАЭ) тел. 245-26-64

Центральный государственный архив литературы и искусства СССР (ЦГАЛИ СССР)
Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ) тел. 159-73-92

Центральный государственный архив Советской Армии СССР (ЦГАСА СССР)
Российский государственный военный архив (РГВА) тел. 159-80-91

Центральный партийный архив (ЦПА)
Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории (РЦХИДНИ) тел. 229-97-26

бывшие архивы ЦК КПСС
Центр хранения современной документации (ЦХСД) тел. 206-23-21

бывший архив ЦК ВЛКСМ
Центр хранения документов молодежных организаций (ЦХДМО) тел. 921-49-15

Центральный государственный архив СССР («особый») (ЦГА СССР)
Центр хранения историко-документальных коллекций (ЦХИДК) тел.159-73-83

В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ

Центральный государственный исторический архив СССР (ЦГИА СССР)
Российский государственный исторический архив (РГИА) тел. 210-99-68

Центральный государственный архив Военно-морского флота СССР (ЦГА ВМФ СССР)
Российский государственный архив Военно-морского флота (РГА ВМФ) тел. 315-90-54

В ТОМСКЕ

Центральный государственный архив РСФСР Дальнего Востока (ЦГА РСФСР ДВ)
Российский государственный исторический архив Дальнего Востока (РГИА ДВ) тел. 2-29-15

В САМАРЕ

Центральный государственный архив научно-технической документации СССР (ЦГАНТД СССР)
Российский государственный научно-технический архив (РГНТА) тел. 36-17-85

В КРАСНОГОРСКЕ (Московская область)

Центральный государственный архив кинофотодокументов СССР (ЦГАКФД СССР)
Российский государственный архив кинофотодокументов (РГАКФД) тел. 562-14-64

ТАТЬЯНА ДЖАКСОН,
кандидат исторических наук

Варяги – создатели Древней Руси?

В лето 6347. Имаху дань варязи изъ заморья на чюди и на словенехъ, на мери и на всехъ кривичехъ.

В лето 6370. Изгнаша варяги за море, и не даша им дани, и почаша сами въ собе володети, и не бе в нихъ правды, и въста родъ на родъ, и быша в них усобице, и воевати почаша сами на ся. И реша сами в себе: «Поищемъ собе князя, иже бы володелъ нами и судилъ по праву». И идоша за море к варягомъ, к руси. Сице бо ся зваху тьи варязи русь, яко се друзии зовутся свие, друзии же урмане, анъгляне, друзии гъте, тако и си. Реша русь, чюдь, словени, и кривичи и вси: «Земля наша велика и обилна, а наряда в ней нетъ. Да поидете княжить и володети нами». И изъбрашася 3 братья с роды своими, пояша по собе всю русь, и придоша; старейший, Рюрикъ, седе Новегороде, а другий, Синеусъ, на Беле-озере, а третий Изборьсте, Труворъ. И от техъ варягъ прозвася Руская земля, новугородьци, ти суть людье ноугородьци от рода варяжьска, преже бо беша словени.

Повесть временных лет.

«Варяго-русский вопрос», «варяжский вопрос», «норманнская проблема», «норманнская теория»... Что скрывается за этими понятиями? О чем на протяжении двух с половиной столетий спорят ученые? Боюсь, что однозначного ответа на эти вопросы нет и не может быть, поскольку все поименованные выше понятия относятся не только к области чистой науки, но густо замешены на политике, эмоциях, ложно понимаемом патриотизме. Возникший в XVIII веке в Петербургской Академии наук, куда были приглашены для работы академики–немцы Г. З. Байер, Г. Ф. Миллер и А. Л. Шлецер, варяжский вопрос на всех этапах своего существования оказался связанным со жгучими политическими и национальными проблемами.

Очень показателен красочный рассказ М. А. Алпатова о возникновении норманнской теории: *«Тени двух соотечественников — Рюрика и Карла XII — витали над теми, на чьих глазах рождался этот вопрос. Полтавская виктория сокрушила амбиции завоевателей времен Карла XII, норманнская теория, возводившая русскую государственность к Рюрику, наносила удар по национальным амбициям русских с исторического фланга. Это был идейный реванш за Полтаву. Покрытый пылью веков древний сказ о варягах обрел новую жизнь, стал острейшим современным сюжетом. [...] Варяжский вопрос, следовательно, родился не в Киеве в летописные времена, а в Петербурге в XVIII в. Он возник как антирусское явление и возник не в сфере науки, а в области политики. Человеком, который произвел первый «выстрел» в этой баталии, был Байер»* (3).

На мой взгляд, история возникновения варяжского вопроса излишне политизирована историком XX века. Я склонна видеть в трудах академиков-немцев подлинно академическое отношение к древнейшей русской истории, основанное на изучении источников. А ведь, как это четко сформулировал сам Алпатов, *«главный письменный источник, на котором держится вся средневековая история Руси, — «Повесть временных лет» — решает вопрос положительно, варяжский князь Рюрик аттестован как создатель русского государства, и на протяжении столетий — вплоть до Татищева — это считалось непреложной истиной»* (2).

И все же что такое варяжский вопрос? Фактически речь идет о степени скандинавского участия в сложении Древнерусского государства. Именно так (я бы сказала, нейтрально) определяет норманнскую теорию А. М. Сахаров в «Советской исторической энциклопедии», утверждая, что это — «направление в историографии, сторонники которого считают норманнов (варягов) основателями государства в Древней Руси» (29). И он далеко не одинок в такой постановке вопроса, хотя находятся исследователи, усматривающие «ряд опасностей» в ограничении норманнского вопроса проблемой происхождения Древнерусского государства. Так, для Д. А. Авдусина (1) суть всего отражает лишь определение Б. Д. Грекова, вошедшее в издание «Киевской Руси» 1953 года: *«Под норманизмом мы понимаем «теорию», «доказывающую» неполноценность русского народа, его неспособность создать свою культуру и государственность, утверждающую за варягами-норманнами роль основателей русского государства и творцов русской культуры»* (8). В этой формулировке, возникшей на заключительной стадии борьбы с норманнизмом, еще слышны отголоски утверждений, что неонорманнисты являются идеологами «холодной войны» и ставят «своей целью очернить прошлое русского народа» (13). Удивляет, что и по сей день научный спор подменяется рассуждениями о противостоянии двух политических систем, и в результате мы встречаем утверждения, что после революции норманнская теория происхождения Русского государства использовалась нашими недругами, стремившимися всячески принизить историю советского народа, вызвать у западных читателей образ отсталой, дикой и жестокой страны (28).

Немало было сделано попыток представить цельную картину этой научной борьбы, но несомненно лучшим остается до сих пор обзор В. А. Мошина, опубликованный в 1931 году в пражском журнале «Slavia». Не надеясь изложить материал лучше (да и понимая, что статья Мошина мало известна широкому читателю), позволю себе привести полностью тот раздел, где автор резюмирует обзор истории варяжского вопроса, выделяя все рассмотренные им теории *«в две главные группы: норманскую и антинорманскую.*

Представители первого направления сходятся в вопросе о скандинавском происхождении руси, но расходятся:

1. В вопросе о древнейшей родине руси:

а) большинство норманистов признают летописную традицию истинной и ищут родину призванной руси в приморской шведской области Упланде;

б) другие полагают, что русь — норманское племя, которое задолго до 860-го года переселилось на южный берег Ладожского озера и отсюда было позвано славянами;

в) третьи примыкают ко вторым, но местом первоначального поселения норманов в Восточной Европе считают берега Немана или Западной Двины;

г) четвертые помещали первых норманских пришельцев на среднюю Волгу;

д) пятые предполагали, что Рюрик и его братья были потомками скандинавов, которые задержались на континенте после переселения их родичей на Скандинавский полуостров;

е) шестые утверждают, что норманы являлись в Восточной Европе в несколько приемов, как отдельные колонизационные валы, в разное время и из разных краев;

ж) седьмые рассматривают появление норманов в России как длительный и широкий процесс норманской колонизации, распространявшийся из Скандинавии по всей Восточной Европе ее речными путями.

2. В вопросе о способе основания русского государства:

а) одни верят в призвание,

б) другие считают руссов завоевателями славянских племен.

3. В вопросе о хронологии:

а) одни верят летописи,

б) другие предполагают более раннее время появления руси в Восточной Европе.

4. И, наконец, расходятся в лингвистическом толковании имен «русь» и «варяги».

Много больше несогласий существует между антинорманистами:

1. *Одни, отвергая вообще всякую историческую ценность летописной традиции,* считают русь автохтонным славянским народом южной России.
2. *Другие точно так же считают русь славянами, но, уважая авторитет летописца, допускают возможность призвания и под призванными варягами разумеют* балтийских славян.
3. *Третьи видят в руси* — финнов с Волги.
4. *Четвертые* — финнов из Финляндии.
5. *Пятые выводят русское имя от* литовцев.
6. *Шестые* — от мадьяр.
7. *Седьмые* — от хазар.
8. *Восьмые* — от готов.
9. *Девятые* — от грузин.
10. *Десятые* — от иранцев.
11. Одинадцатые — от яфетидов.
12. *Двенадцатые* — от какого-то неизвестного племени.
13. *Тринадцатые* — от кельтов.
14. *Четырнадцатые* — от евреев.

И вполне возможно, что вскоре нам придется читать о происхождении руси с острова Родоса, из Родезии, или может быть и с Соломоновых островов» (21).

Думаю, что вся эта научная и околонаучная борьба явилась в известной мере тормозом в изучении подлинного характера русско-скандинавских связей периода формирования Древнерусского государства. Еще в 1939 году Е. А. Рыдзевская высказалась о необходимости преодоления противопоставления норманнизма и антинорманнизма. Возможна правильная и объективная оценка сильных и слабых сторон обоих направлений, отошедших, по ее мнению, в прошлое русской историографии, использование того, что было в них положительного, и полная независимость от них в дальнейшей работе (27).

Историками школы Б. Д. Грекова, сделавшими упор на изучении внутренних факторов, была разработана концепция возникновения классового общества и государства в восточнославянских землях. Формирование Древнерусского государства рассматривалось исследователями как результат многовекового процесса социально-экономического развития восточнославянского общества, протекавшего на огромном пространстве от Ладоги до низовьев Днепра и от Карпат до бассейна Оки и нижней Волги. Совершенно очевидным при этом становился тот факт, что радикальные социально-экономические изменения на столь огромной территории не могли быть результатом деятельности отрядов чужеземных пришельцев-завоевателей, даже если бы эти отряды состояли не из сотен, а из тысяч воинов (31).

Убедительность этих выводов вскоре признали и многие западные историки(30). Характерным в этом отношении было выступление А. Стендер-Петерсена на X Международном конгрессе исторических наук (Рим, 1955). Он отмечал, что советская наука по праву оспаривает устаревшее воззрение, согласно которому государства возникают в результате инициативы отдельных лиц, которые без каких-либо доказуемых предпосылок социологического характера оказываются во главе войска и внезапно захватывают власть (33).

В кратком обзоре дискуссии на Международном симпозиуме по варяжской проблеме (Орхус, Дания, 1968) К. Рабек Шмидт отметил, что, к сожалению, научные противники — неонорманнисты и неоантинорманнисты — принадлежали к разным политическим системам, что придавало их спорам ненужную политическую окраску. Правда, начавшееся в 50-х годах сотрудничество советских и скандинавских археологов постепенно привело к известному взаимопониманию. Так, шведский археолог Х. Арбман, норманнист по сути своих взглядов (как его оценивает Рабек Шмидт), подверг сомнению многие из норманнистских догм и пришел в итоге к заключению, что археологические материалы не позволяют говорить об «основании государства» на Руси варягами (32).

Влияние советских теоретических и конкретно-исторических исследований в значительной мере сказалось и на выступлении бельгийского ученого Ж. Бланкова на IX Международном съезде славистов (Киев, 1983), назвавшего норманнскую проблему «мнимой»: скандинавы не могли основать Древнерусское государство, поскольку этот процесс никак не зависел от воли предприимчивых воинов и купцов (5).

Формирование нового подхода к варяжской проблеме в отечественной науке связано с именем В. Т. Пашуто, ученого, чей анализ письменных источников позволил выработать тот взгляд на роль варягов, которого придерживаются на сегодняшний день большинство исследователей:

«Взгляд на Древнюю Русь как этнически неоднородное государство, выросшее из конфедерации земель-княжений, возглавляемых славянской знатью, дает возможность более точно оценить отношения Древнерусского государства со странами Северной Европы. [...] Источники свидетельствуют о деятельности норманнских выходцев на Руси сперва (до X в.) как о неудачливых враждебных «находниках». Затем в качестве наемников-князей, воинов, купцов, дипломатов они сыграли некоторую роль в строительстве славянской

знатью огромного и многоязычного Древнерусского государства» (22).

Ученый признает объединение Руси под властью князей варяжской династии, но указывает, что уже до этого момента Русь представляла собой конфедерацию 14 княжений, выросших на землях бывших племен. Наличие такого рода политических образований отмечено не только в Древней Руси. Известно оно и у поморских славян, пруссов, литовцев, латышей и эстонцев. Эти княжения и их союзы могли погибнуть в результате внешнего завоевания (как в Пруссии, Эстонии, Латвии); могли отразить такое завоевание и объединиться в самостоятельное государство во главе с князьями собственной династии (как в Литве) или с приглашенным князем (как на Руси).

В летописном делении Руси на «верховную» (с центром в Новгороде) и «низовую» (с центром в Киеве) просматриваются следы союзов земель Южной и Северной Руси. Варяги не принесли на Русь своей княжеской власти, не разделили общество на правящих и управляемых. Использование в этом процессе иноземных институтов (князей, дружин, купцов и т. п.) имело второстепенное и подчиненное значение. Варяжские князья правили от имени давших им власть древнерусских мужей, а варяжские дружины были лишь одним из слагаемых рати, в которой преобладали славянские вои. В письменных источниках, по мнению Пашуто, нет данных ни о завоевании Руси норманнами, ни о ее колонизации (23; 24; 25).

В наше время перспективы пополнения письменных источников практически равны нулю, тогда как археология каждые три десятилетия буквально удваивает количество своих источников (12). Может быть, поэтому так называемый «варяжский вопрос» все в большей степени становится предметом ведения археологии (4). Ведь именно по археологическим данным естественно определять: время появления скандинавских древностей в Восточной Европе и, соответственно, первых контактов славян с норманнами; сферы социально-экономической деятельности, в которых проявлялись славяно-скандинавские отношения; вклад норманнов в материальную культуру населения Восточной Европы в IX—XI веках. Все эти проблемы поднимались в ходе памятной многим дискуссии, состоявшейся в декабре 1965 года на историческом факультете Ленинградского университета (7). Но конструктивные предложения участников дискуссии увидели свет только в 1970 году (статья Л. С. Клейна, Г. С. Лебедева и В. А. Назаренко) (12).

Впервые в отечественной науке авторы детально осветили характер «норманнских древностей» на древнерусской территории. Они выработали строго научную и логически последовательную методику определения этнической принадлежности археологических древностей и объективную систему подсчета «достоверно варяжских комплексов».

Что же дал анализ археологических материалов? Он показал, что к IX веку установились первые связи некоторых восточноевропейских племен со скандинавами. На тех же участках Волжского и Днепровского торговых путей (в Приладожье, Верхнем Поднепровье, в Ярославском Поволжье), где в IX веке встречаются лишь отдельные скандинавские погребения, в X веке варяги составляли в отдельных местностях не менее 13% населения. Норманны входили даже в состав правящей верхушки Древней Руси, но все же социальный состав скандинавских пришельцев был весьма неоднородным. А потому можно отбросить представление о «вокняжении» на Руси варяжской династии: это были представители пришлой знати, не имевшие никакой опоры в восточноевропейской среде.

По мнению Клейна и его учеников, славяно-варяжские отношения в IX—X веках были значительно более сложными и охватывали различные стороны жизни восточноевропейских племен: это и торговля с Востоком и Западом, и совместные военные походы, и развитие ремесла, и внутренняя торговля (12).

Со времени выхода этой статьи прошло более двадцати лет. Но не прекращается дальнейшее выявление и систематизация «норманнских древностей» на древнерусской территории. Отдельные находки и комплексы скандинавского происхождения обнаруживаются в сложных по составу могильниках Ярославского Поволжья, Юго-Восточного Приладожья, Верхнего Поднепровья. Ведутся систематические раскопки в Ладоге, на Рюриковом городище под Новгородом, в Новгороде и Изборске, Белоозере, Ростове, Полоцке — в основных летописных центрах, связанных с «варяжской проблемой». Да, варяжское присутствие на древнерусской территории делается все более очевидным. Но при этом все ярче проявляется несостоятельность концепции «колонизации» Верхней Руси скандинавами и тем более ее «норманнского завоевания».

Удивительно, но первые сводки «норманнских древностей Руси» сделаны не отечественными учеными, а «сторонним наблюдателем» — норвежской исследовательницей Анне Стальсберг. В последние годы классификация различных типов скандинавских предметов, найденных на территории Древней Руси, проведена также шведским археологом Ингмаром Янссоном.

Как же распределяются географически скандинавские находки? Особое значение для русско-скандинавских отношений имели водные пути, пересекавшие Восточную Европу. Как выясняется, наиболее ранние международные торговые связи установились по Волжскому пути, связавшему и славян и скандинавов со странами Средней Азии и Переднего Востока. Наиболее важными для восточной торговли были два направления: Ладога — Волга и Западная Двина — Днепр — Волга. На них расположены Ладога и Гнёздово — центры, в которых варяжское присутствие прослеживается всего отчетливее. Возникший в IX веке Волховско-Днепровский путь на ранних этапах служил целям Древнерусского государства. Однако ко второй половине X века он приобрел важное международное значение. Этот путь активно использовали и скандинавы — не случайно летописец назвал его путем «из варяг в греки» (6; 7; 11).

Выявленная к настоящему времени хронология «норманнских древностей» позволяет уточнить периодизацию русско-скандинавских отношений IX—XI веков. Примечательно, что разные исследователи пришли примерно к одинаковым выводам. Предложенная Е. А. Мельниковой и В. Я. Петрухиным схема вполне согласуется с более дробной шкалой Г. С. Лебедева (7; 15).

Итак, как же складывались русско-скандинавские отношения?

В рамках первого периода, до середины IX века, выделяются следующие этапы: в 750—830-е годы — первые контакты варягов со славянами; в 840—850-е годы — обострение их отношений и «изгнание варягов».

Второй период, со второй половины IX по первую половину X века: в 860—880-е годы — «призвание князей», стабилизация отношений с викингами в Верхней Руси, сложение системы международных путей; в 880—910-е годы — варяги участвуют в объединении Древнерусского государства; 910—959 годы – постепенная ассимиляция варягов, использование скандинавских наемников в древнерусских дружинах.

Третий период, середина — вторая половина X века: консолидация раннефеодальной государственности как в Древней Руси, так и в скандинавских странах; 960—970-е годы — перестройка системы торговых путей, упадок Волжской магистрали после походов Святослава, возрастание роли Днепровского пути, полностью контролируемого Древнерусским государством.

Четвертый период, конец X — первая половина XI века: в 980—1016 годы — служба на Руси скандинавских наемников, династические связи; 1016—1054 годы — связи приобретают характер межгосударственных отношений средневековья (7).

Как всякие схемы, приведенные мною хронологические таблицы достаточно условны, но все же за ними стоят факты, и реконструируемая историками с их помощью картина делается более конкретной. На протяжении столетий русско-скандинавские отношения раннего средневековья рассматривались лишь как воздействие скандинавов на социально-политическое и культурное развитие народов Восточной Европы. Но между странами, расположенными по берегам Балтийского моря, существовали тесные экономические, социально-политические и культурные связи. В них были вовлечены многие народы Северной и Восточной Европы — славяне и скандинавы, балты и финны (7).

По мере усовершенствования методики анализа письменных источников удается прочитывать их по-новому и выявлять содержащуюся в них действительную информацию.

Вот, например, что дает анализ летописной «легенды о призвании варягов». После работ А. А. Шахматова, показавшего, что легенда о призвании — искусственная поздняя вставка в летопись, полная домыслов, некоторые исследователи отказались видеть в легенде отражение каких бы то ни было реальных фактов. Но не все. Иные, как М. Н. Покровский, полагали и полагают, что «всего безопаснее» придерживаться текста летописи. В результате легенда превращается в исторически достоверное известие. Так, А. Н. Кирпичников, И. В. Дубов и Г. С. Лебедев в «призвании Рюрика» видят продуманную акцию, позволявшую урегулировать отношения в масштабах всей Балтики, а самого Рюрика отождествляют с мелким датским конунгом Рериком Ютландским, следуя фантастической гипотезе полуторавековой давности Ф. Крузе.

И все же пересмотр «легенды о призвании» состоялся. Удалось установить историческую основу отдельных ее элементов. Еще В. Т. Пашуто отметил вероятную достоверность той ее части, которая содержит древнерусскую правовую лексику — «ряд» и «право», отражающую условия, на которых был приглашен на княжение скандинавский конунг. Е. А. Мельникова и В. Я. Петрухин, анализируя сообщения «Повести временных лет» о договорах Руси, о регулировании отношений с варягами, а также сопоставляя практику договоров со скандинавскими конунгами в Англии и Франции, пришли к заключению, что "ряд" варяжской легенды был реальностью, а сведения о нем дошли до составителя «Повести временных лет» в устной традиции. «Ряд» заключался представителями нескольких славянских и финских племен (знатью, представлявшей собой верхушку новгородской межплеменной конфедерации) с предводителями военного отряда; «ряд» предусматривал передачу им верховной власти на территории этих племен; «владение» приглашенных ограничивалось условием «судить по праву», т. е. руководствоваться местными правовыми нормами. «Ряд» также должен был включать условия содержания и обеспечения варягов, князя и его дружины. Истоки «ряда» варяжской легенды прослеживаются в древнерусской вечевой практике (19).

В последние годы активно ведутся языковедческие исследования, свя-

занные с «норманнской проблемой». Так, изучен вопрос о вероятных древнешведских лексических заимствованиях из древнерусского языка. Они немногочисленны и связаны с дружинным бытом и торговыми отношениями (14). Подвергнута анализу скандинавская топонимия Древней Руси. Выяснено, что сохранившиеся в памятниках древнескандинавской письменности топонимы, относящиеся к древнерусским городам, ориентированы на фонетический облик их самоназваний (10). И то и другое лишний раз подтверждает признанный исследователями факт, что скандинавы рано и быстро слились на Руси с местным населением и как бы растворились в нем как этнический элемент.

Находит убедительное разрешение и вопрос о названии «русь». Больше двух столетий он включался в качестве одного из центральных в широкую проблему происхождения Древнерусского государства, а иногда и подменял ее. Серия работ Е. А. Мельниковой и В. Я. Петрухина в значительной мере проясняет этот сложный вопрос. Возникновение слова «русь» приурочено исследователями к зоне ранних — с середины VIII века — славяно-финно-скандинавских контактов. Прослежена его эволюция: от этносоциального термина, для обозначения скандинавов, — через наименование полиэтнических великокняжеских дружин периода формирования Древнерусского государства — к названию древнерусской раннесредневековой народности (16—18).

Итак, картина скандинавского присутствия в Восточной Европе имеет мозаичный (хотя и очень детальный) характер. Однозначным может быть пока лишь негативный ответ на вопрос, стоящий в заглавии этой статьи. Можно ли назвать варягов создателями Древней Руси? Определенно — нет! Но роль внешнего, варяжского завоевательного и торгового импульса в складывании Древнерусского государства (9) и степень участия (вне сомнения — значительного) скандинавов в процессах, происходивших на Руси, еще должны быть определены.

ЛИТЕРАТУРА

1. Авдусин Д. А. Об изучении археологических источников по варяжскому вопросу// Скандинавский сборник. Вып. XX. Таллин, 1975. С. 147—148.
2. Алпатов М. А. Русская историческая мысль и Западная Европа XII—XVII вв. М., 1973. С. 38.
3. Алпатов М. А. Русская историческая мысль и Западная Европа (XVIII—первая половина XIX в.). М., 1985. С. 14.
4. Арциховский А. В. Археологические данные по варяжскому вопросу // Культура Древней Руси. М., 1966. С. 41.
5. Бланков Ж. Мнимая проблема: норманиские и антинорманнские теории о происхождении Киевского государства // Slavica Gandensia, 1983. № 10. P. 7—23.
6. Булкин В. А., Дубов И. В., Лебедев Г. С. Археологические памятники Древней Руси IX—XI веков. Л., 1978.
7. Булкин В. А., Дубов И. В., Лебедев Г. С. Русь и варяги: новый этап изучения// Вестник Ленинградского университета. Сер. 2. История, языкознание, литературоведение. 1987. Вып. 3. С. 14.
8. Греков Б. Д. Киевская Русь. М., 1953. С. 561.
9. Джаксон Т. Н., Плимак Е. Г. Некоторые спорные проблемы генезиса русского феодализма (В связи с изучением и публикацией в СССР «Разоблачений дипломатической истории XVIII века» К. Маркса) // История СССР. 1988. № 6. С. 35-57.
10. Древнерусские города в древнескандинавской письменности. Тексты, перевод, комментарий. Сост. Г. В. Глазырина и Т. Н. Джаксон. М., 1987.
11. Кирпичников А. Н., Лебедев Г. С., Булкин В. А., Дубов И. В., Назаренко В. А. Русско-скандинавские саязи в эпоху образования Древнерусского государства (IX—XI вв.) // Scando-Slavica, t. 24 (1978). P. 63—89.
12. Клейн Л. С., Лебедев Г. С., Назаренко В. А. Норманнские древности на современном этапе археологического изучения // Исторические саязи Скандинавии и России. IX—XX вв. Л., 1970. С. 226—252.
13. Мавродин В. В. Борьба с норманизмом в русской исторической науке. Стенограмма публичной лекции, прочитанной в 1949 году в Ленинграде. Л., 1949. С. 4.
14. Мельникова Е. А. Древнерусские лексические заимствования в шведском языке // Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования. 1982 год. М., 1984. С. 62—75.
15. Мельникова Е. А., Петрухин В. Я. Послесловие// Ловмяньский Х. Русь и норманны. М., 1985. С. 230—245.
16. Мельникова Е. А., Петрухин В. Я. Славяно-финно-скандинавские языковые контакты в раннее средневековье // X Всесоюзная конференция по изучению... Скандинавских стран и Финляндии. Тезисы докладов. Ч. I. М., 1986. С. 128—136.
17. Мельникова Е. А., Петрухин В. Я. Комментарий к главе IX // Константин Багрянородный. Об управлении империей. Текст. перевод, комментарий. М., 1989. С. 293—307.
18. Мельникова Е. А., Петрухин В. Я. Название «русь» в этнокультурной истории Древнерусского государства (IX—X вв.) // Вопросы истории. 1989. № 8. С. 24—38.
19. Мельникова Е. А., Петрухин В. Я. «Легенда о призвании варягов» в сравнительно-историческом аспекте // XI Всесоюзная конференция по изучению... Скандинавских стран и Финляндии. Тезисы докладов. Ч. I. М., 1989. С. 108—110.
20. Мельникова Е. А., Петрухин В. Я. «Ряд» легенды о призвании варягов в контексте раннесредневековой дипломатии // Славяне и их соседи. Международные отношения в эпоху феодализма. Сборник тезисов. М., 1989. С. 9—11.
21. Мошин В. А. Варяго-русский вопрос // Slavia: Casopis pro slovanskou filologii. Roc. X. Prague, 1931. С. 531-533.
22. Пашуто В. Т. Русско-скандинавские отношения и их место в истории раннесредневековой Европы // IV Всесоюзная конференция по изучению... Скандинавских стран и Финляндии. Тезисы докладов. Ч. I. М., 1968. С. 176—177.
23. Пашуто В. Т. Внешняя политика Древней Руси. М., 1968. С. 21—30.
24. Пашуто В. Т. Русско-скандинавские отношения и их место в истории раннесредневековой Европы // Скандинавский сборник. Вып. XV. Таллин, 1970. С. 51-61.
25. Пашуто В. Т. Норманский вопрос в свете летописной традиции о племенах и княжениях // V Всесоюзная конференция по изучению... Скандинавских стран и Финляндии. Тезисы докладов. Ч. I. М., 1971. С. 45—47.
26. Повесть временных лет. М., 1950. Т. 1-2.
27. Рыдзевская Е. А. О роли варягов в Древней Руси // Рыдзевская Е. А. Древняя Русь и Скандинавия в IX—XIV вв. (Материалы исследования). М., 1978. С. 132.
28. Сахаров А. Н., Свердлов М. Б. Послесловие. Начальный период отечественой истории в освещении Н. М. Карамзина // Карамзин Н. М. История государства Российского. Т. I. М., 1989. С. 388.
29. Советская Историческая Энциклопедия. Т. 10. М., 1967.
30. Шаскольский И. П. Норманская теория в современной буржуазной науке. М.—Л., 1965.
31. Шаскольский И. П. Антинорманизм и его судьбы // Генезис и развитие феодализма в России. Проблемы историографии. Межвузовский сборник. Л., 1978. С. 48.
32. Rahbek Schmidt K. The Varangian problem. A brief history of the controversy // Varangian Problems. Scando-Slavica. Supplementum I. Copenhagen, 1970. P. 19.
33. Stender-Petersen A. Das Problem der altesten byzantinisch-russisch-nordischen Beziehungen / / Relazioni del X Congresso Internazionale di Scienze Storiche (Roma 4—11 settembre 1955). Vol. III. Fiorenze, 1955. P. 168.

ВИКТОР ПЕРЕЛЬМАН

ЛИЦА И ПОДРОБНОСТИ

Феликс Розинер

Виктор Некрасов

Аркадий Белинков

Фридрих Горенштейн

Иосиф Бродский

Борис Ямпольский

Ицхокас Мерас

Михаил Агурский

Ефим Эткинд

ФОТОКОЛЛЕКЦИЯ ИЗ АРХИВА ЖУРНАЛА «ВРЕМЯ И МЫ»

— Специально мы ничего, конечно, не собирали, — рассказывает главный редактор журнала Виктор ПЕРЕЛЬМАН.— Коллекция фотографий писателей русского Зарубежья «сама собой» постепенно скопилась в архивах журнала. Одним из первых пришедших к нам авторов — и первым, чью фотографию я хотел бы здесь представить, — стал **Виктор Платонович Некрасов.**

Впервые я увидел его в Париже на вечере Александра Галича. Аудитория у Галича набралась тогда— человек семьдесят. Не тысячи, которые он потом собирал в Израиле, а вот: считанные десятки. Сидит старая русская эмиграция: бабушки, отставные генералы, знаменитый епископ Иоанн Сан-Францисский, сестра его, Зинаида Шаховская (как издательницу газеты «Русская мысль» ее теперь хорошо знают в Москве)... И появляется в этом собрании человек, немолодой, моложавый, худощавый, с серебряной головой и — с полным набором советских боевых наград на груди! Автор повести «В окопах Сталинграда»!

А второй раз я увидел Некрасова уже в Израиле, в Тель-Авиве. Приезжает в страну Некрасов. Успех огромный: приглашения со всех сторон; ответить на все нет сил и времени. Однако к нам приезжает. Появляется у меня дома в сопровождении множества людей, и эта встреча превращается в спонтанный диспут русских израильтян (которых в Израиле называют просто «русскими»). Сопровождающий Некрасова израильский профессор успевает мне шепнуть, чтобы гостю не давали пить, но эта задача признается нами нереальной, и в результате Некрасов, веселый, добрый, счастливый, оказывается в центре огромного числа людей, не вместившихся, естественно, в моей квартире, так что заполняется и двор. О чем говорим? Да обо всем! О России, о диссидентстве, о мировой истории... это, знаете, посреди Тель-Авива такой настоящий московский треп, беспорядочный, возбужденный, когда все друг друга перебивают и никак не могут наговориться. Тогда Некрасов отдал в наш журнал свою повесть «Персональное дело коммуниста Юффы» — об отъездных мытарствах. Она у нас в журнале появилась в пятом номере и с тех пор, кажется, не переиздавалась. Тогда же Виктор Платонович согласился войти в редколлегию журнала «Время и мы», так что я стал встречаться с ним довольно часто.

Запомнилась встреча в Париже, куда я заехал из Израиля по пути в Западный Берлин, так что мы туда отправились вместе с Некрасовым — там была намечена конференция диссидентов. Но это мы ее так называли, а в советских газетах мероприятие именовалось антисоветским сборищем. Участвовали в сборище Наум Коржавин, Александр Галич, Владимир Максимов, Владимир Буковский и многие другие. Спонсором являлся Аксель Шпрингер: формально это было как бы расширенное заседание редколлегии «Континента» (меня пригласили как представителя «конкурирующего», но отнюдь не враждебного органа). По существу же, диссиденты опять-таки искали случая выговориться. Предварительно более узкая группа была собрана в парижской редакции максимовского журнала; вот там-то мы с Некрасовым и встретились.

И вот идем с ним по Елисейским Полям; он в старом плащике, запахивается от дождика и все повторяет: «Это ж надо, мы с тобой идем по Елисейским Полям и трепемся! И трепемся!! И трепемся!!!» Мы с ним всегда разговаривали «без темы»; тема нащупывалась по ходу. Конечно, обсуждали его рукописи: Некрасов печатал у нас свои путевые заметки, главным образом японские и австралийские, — цикл «Из дальних странствий возвратясь...». Впечатление от встреч с ним было удивительное: человек от природы остроумный, Некрасов говорил всегда как бы не всерьез; вовлечь в железобетонный обмен мнениями его было невозможно, он был всегда как бы навеселе, легко и быстро входил в разговор.

И еще поражало в нем — бескорыстие, бессребреничество. Я был в его парижской квартире: две маленькие комнатки... Тогда мы и сфотографировались; «щелкнула» нас его жена Галина Викторовна. Так в моем архиве, помимо «авторского портрета» Некрасова, весьма выразительного, — остался и этот любительский снимок, где мы сидим с ним за столом, и он держит в руках банку кофе, и обстановка напоминает все ту же московскую «интеллигентскую кухню». На обороте снимка — дарственная надпись: «На память о Париже! В. Некрасов. Х 78.»

Аркадий Белинков. Фигура легендарная. Когда я приехал на Запад, его уже не было в живых. Но драма резонировала: Белинкова поначалу никто не принял, не признал в эмиграции. «Вторая волна» его отвергла — за «русофобию» (особенно непримирим был Роман Гуль), а «третья волна» тогда еще только набирала силу. Белинков почувствовал себя в вакууме. Когда позднее мы стали публиковать главы из его романа о Юрии Олеше и я вступил в переписку с Натальей Белинковой, вдовой Аркадия Викторовича, она рассказала мне, какие он получал анонимки. Вот трагедия человека, который бежал от тоталитарного гнета, но попал в ситуацию такой вот тотальной нетерпимости и ничего не смог с этим поделать. Пытался наладить свой журнал — «Новый колокол» — выпустил только один номер (теперь это библиографическая редкость). В том единственном номере самый яркий материал — собственная статья Белинкова «Страна рабов, страна господ»: все вроде бы про декабристов, но читается, так сказать, с «переменой адреса»... Самого автора «перемена адреса» не спасла: в России человек прошел через лагеря и все выдержал, а на Западе — сердце разорвалось. Умер от инфаркта.

Вот **Борис Ямпольский,** которого я, отъехав на Запад, уже никогда не увидел, но с которым общался в пору моей службы в «Литературной газете» (я там заведовал отделом информации с 1968 по 1973 год). Ямпольский к нам приходил тогда поговорить, отвести

душу. Писатель он был известный, но держался скромно, контраст с иными литературными бонзами был разительный: помню, один живой классик, секретарь Союза писателей, человек весьма состоятельный, мог, например, взять у нас в отделе со стола и положить в карман бутылку клея или еще какую-нибудь канцпринадлежность (мы ему: «С. В., у вас же есть секретарь, неужели он не купит клея?!» - ничего не помогало: все было на юморе, однако клей исчезал). Ямпольский ничего такого себе не позволял и очень в наших глазах выигрывал. Зачем приходил? Да просто в надежде, что мы о нем как-то упомянем в газете.

Его в ту пору официально не очень признавали, прозу его не печатали, а тут была все-таки отдушина. Все-таки мы могли дать информацию: такой-то работает над тем-то... Потом, оказавшись уже на Западе, я узнал, что в самиздате ходит большая повесть Ямпольского. Названий было несколько: «Главная улица», «Арбат», «Коммунальный Арбат»... Я стал за нею охотиться. В конце концов добыл. И вот поразительный контраст: я знал человека, который числился то ли в очеркистах, то ли в детских писателях и в живом общении казался легким и даже веселым, и вдруг такая тяжелая повесть о том, какой кошмар в душе его героя: мания преследования, ужас тотальной слежки. Мы напечатали эту повесть с фотографией автора.

Ицхокас Мерас — это имя я впервые услышал в Москве, когда работал в «Литературной газете». У нас тогда была принята такая шуточная иерархия: все писатели в глазах главного редактора делились на три разряда. Высшая категория — это те писатели, к которым можно пойти за репортажем в гости; вторая — те, у которых можно взять интервью под рубрикой «Над чем работаете?» И третья — те, кого достаточно упомянуть в каких-нибудь перечнях. Мерас был в ту пору автором двух повестей о жизни евреев под фашистской оккупацией. Его знали как писателя честного, прогрессивного; наш редактор Александр Борисович Чаковский ставил Мераса так высоко, что разрешил нам, журналистам, пойти к нему в гости. И что же? Мерас таких гостей не принял! Так и не довелось мне в московские годы с ним познакомиться.

Несколько лет спустя, попав в Израиль, я услышал: вот, мол, тут один какой-то ваш живет: Мерас или Мерис... Тут я не выдержал и наконец-то отправился к нему в гости! И он — принял! Вижу: сидит злой, растерянный. Спрашивает: не знаете, куда Белоцерковский поехал, не в Америку ли? — Да, говорю, в Америку. — Правильно сделал!

А дело в том, что Мерас только что прибыл в Израиль и совершенно не знал, что делать, где печататься, на что жить, как жить? Мы разговорились. Потом сдружились и много общались. Помню, на встрече с министром абсорбции Израиля Мерас возмущенно спрашивал: «Где культура? Правительство обязано заботиться о культуре!» — на что ему отвечали: «Никто тебе ничего не обязан! Ты сам должен о себе заботиться! А то корыто им давай, машину им давай! Тут свободная страна. Если что дали, скажи спасибо». Вот такие диалоги вел Мерас и такие речи выслушивал, а потом неожиданно он стал председателем Общества эмигрантов из СССР. Причем его выбрали после долгих споров. Много претендентов было забраковано, все уже устали от борьбы, тогда кто-то говорит: давайте пригласим Мераса, он человек объективный и честный. Пригласили, и он в течение года все это дело преспокойно завалил, потому что никаких способностей к административной работе не имел. И стал просить, чтобы его отпустили. А там — демократия! Да какая! Нечто похожее можно видеть сейчас в Москве: гласность намолчавшихся людей! Вот такую же гласность осуществляли в Израиле в 70-е годы бывшие советские люди. Они Мераса никак не хотели отпускать: «Нет, ты так просто не отделаешься, мы тебе вначале финансовую ревизию устроим!» Еле он от них отбился, а когда, наконец, отбился, то и начал опять писать: вернулся к письменному столу.

Его первая вещь на израильском материале называлась «Сарра», мы ее напечатали. Интересно, что, вернувшись в литературу, Мерас на жизнь себе зарабатывал, преподавая в школе черчение.

Иосиф Бродский. Его портрет прислал нам живущий в Сан-Франциско фоторепортер Михаил Лемхин. Отношения с Бродским у нашего журнала старые: еще в пору, когда мы издавались в Тель-Авиве, он, тогда еще не Нобелевский лауреат, по нашей просьбе присылал нам стихи. Но еще более, чем стихами, он стал тогда известен своими интервью, которые назывались «Нагнать упущенное время» — это были беседы с Джоном Глэдом, американским профессором, — там Бродский излагал взгляды на поэзию и жизнь, говорил о своих поэтических принципах, об отношении к Западу и к Востоку. Бродский открыто выбрал Запад, и о нем сегодня можно сказать, что это полностью американский поэт. Он пишет по-английски столь же охотно, как и по-русски, и именно так отвечает на соответствующие вопросы, хотя в подтексте чувствуется, что по-русски ему писать все-таки легче и привычнее.

Ефим Эткинд. Заместитель редактора журнала «Время и мы». Уехал из СССР в середине 70-х годов, причем расправа с ним в Ленинграде была ужасная. Несправедливость в том, что прямого участия в диссидентском движении Ефим Григорьевич не принимал; книга его так и называется: «Записки незаговорщика», и речь в ней идет о том, как пытались уничтожить человека только за то, что он независим и отстаивает свою точку зрения. Переехав в Париж, он стал преподавать в одном из университетов, развернул активную деятельность в области перевода. Группе Эткинда западная филология обязана новыми выверенными переводами Пушкина и Лермонтова на французский язык. Эткинд много пишет, выступает, ездит по всему миру; еще он известен тем, что вместе с Симоном Маркишем подготовил первое издание романа Василия Гроссмана «Жизнь и судьба». Мы об этой его работе знали, и Ефим Григорьевич дал в журнал ту часть романа, где речь

идет о комиссаре Крымове, эту часть мы опубликовали под названием «Судьба комиссара Крымова», и читалась она как отдельная повесть.

Вообще надо сказать, что через Эткинда в журнал поступило много рукописей: его как критика и литературоведа хорошо знали и именно ему слали рукописи на суд и решение.

Феликс Розинер. Это имя я услышал в Израиле: есть, говорят, такой человек, и он имеет что предложить журналу. Имя новое, и я на всякий случай особого энтузиазма не выказываю: мало ли кто что предлагает! Ну, пусть придет, покажет... Он приходит, показывает. Вижу: талантливо. И недлинно. Печатаем. Потом выясняется, что у Феликса есть и длинное: большой роман. Говорю: несите. Он привозит первую часть. Я этот момент хорошо запомнил, потому что Феликса по дороге в редакцию оштрафовала полиция. То ли наехал на кого-то, то ли на красный свет рванул, не помню. Надо сказать, что в Израиле темперамент у людей такой, что они не очень-то ждут на перекрестках, так что полиция штрафует частенько, но тут уж я решил, что случай знаменательный: автор так спешит к нам в редакцию, что едет на красный свет! Помню, добрался он до нас ужасно расстроенный, и даже не тем, кажется, что пришлось раскошелиться, а тем, что, объясняясь с автоинспекцией и перекладывая бумаги, потерял страницу из рукописи... Страницу мы восстановили, и роман Розинера «Некто Финкельмайер» теперь широко известен. Потом появился и знаменитый «Лиловый дым».

Теперь несколько слов о **Михаиле Агурском,** или, как его называли, Мелике. Я познакомился с ним в Москве, когда все мы боролись за выезд — это было в начале семидесятых годов. Встречались чуть не ежедневно, вырабатывая линию поведения; тогда перед каждым стоял вопрос: каким образом действовать: громко требовать или, наоборот, тихо сидеть и ждать? Мелик Агурский был, что называется, теоретик этого дела, он вырабатывал концепцию. И она у него была такая: надо сидеть и писать. Вот он сидел и писал. Ни в каких акциях, демонстрациях не участвовал, занимался Горьким. Напечатался в сборнике «Из-под глыб». Так он писал и выписался в «иудео-христианина», как он сам себя называл. Он был идеологом союза двух этих религий: не то что соединить их хотел, а выявить их единство в мировой культуре: глубинное единство иудаизма и христианства. Уехав в Израиль и поселившись там, он по-прежнему много писал, выступал в газетах, на телевидении, развил необычайную активность, стал авторитетнейшим советологом. При его фантастический работоспособности весть о его смерти была для меня совершенно неожиданной.

Фридрих Горенштейн. Вышло так, что сначала я познакомился с рукописью, а потом уже с автором. Рукопись принес Ефим Эткинд. Называлась она «Искупление». Лапидарная, мощная. С сильнейшим реалистическим сюжетом в первой половине, и с сильнейшим мистическим сюжетом во второй. Тогда была такая ситуация в журнале, что всю вещь мы не имели возможности напечатать, ибо ничего, кроме повести Горенштейна, в книжку журнала уже не влезло бы. И печатать с продолжением тоже не хотелось, потому что при разрыве частей терялась органическая связь. И мы решили мистику обрубить, то есть дать только первую половину, так сказать, журнальный вариант. Все с автором оговорили, и он вроде бы согласился, но потом неоднократно попрекал меня этим обрубленным вариантом, так что мне приходилось прибегать к помощи Наврозова, который в свойственной ему манере утешал Горенштейна: «Правильно вас обрубили, все и так ясно, все замечательно в первой части завершилось. Ма-ало ли что вы хотите еще и мистику, это уж ваше дело, а журнал сделал так, как нужно!» — Конечно, Горенштейн с этим так и не примирился. Тем не менее мы получили от него «Бердичев», прекрасную беллетризованную пьесу, и напечатали ее. Затем он прислал рассказы и, в частности, «Шампанское с желчью», — из-за которого он поссорился с Максимовым, не захотевшим это печатать в «Континент». А мы напечатали. И публиковали Горенштейна много и охотно. И новая его вещь — «Последнее лето на Волге» — тоже напечатана в журнале «Время и мы». Потом появился — не у нас уже — роман «Псалом», огромный, эпический, соотносящий современность с библейской вечностью — так Горенштейн доказал, что он писатель многожанровый.

Что еще интересно? Горенштейн не признает своей связи с «шестидесятниками», он отрицает, что вырос из «оттепели», он считает, что развивался сам, ни под какими влияниями никогда не находился и ни в какие списки, обоймы и когорты входить не желает. Может быть, я субъективен, но, с моей точки зрения, Горенштейн сейчас — писатель номер один в эмигрантской русской прозе, а может быть, и не только в эмигрантской. По силе и мощи таланта он не имеет себе равных. Помню, я сказал Эткинду: «Ефим Григорьевич, ведь это классик!» — а Эткинд смеется: «Да какой он классик! Глубоко провинциальный человек!» — имея в виду манеру Горенштейна держаться, простецкий стиль разговора («Ну, так пускай им будет хуже!»), вообще весь облик, принципиально удерживающий повадку украинского «местного жителя», что в сочетании с мощной талантливостью смотрится очень своеобычно. Можно рассказать еще многое, и снимков в архиве журнала еще много.

Может быть, удастся издать все это отдельной книгой. Если получится...

«И СТРАШНО ГРУСТНО СТАЛО МНЕ...»

Виктор Борисович Перельман раскладывал по столу фотографии писателей, с видимым благодушием и юмором рассказывая про них истории, и можно было подумать, что мы присутствуем при счастливом финале плутовского романа или серии биографий приключенческого жанра; все позади: муки отказа, страсти отъезда, проклятье безгласности, — фотографии, за хранение которых во время оно можно было если не схлопотать, то попасть на заметку, теперь мирным пасьянсом ложатся на скатерть и обсуждаются на предмет публикации.

Виктор Перельман с Виктором Некрасовым

Но звучало и что-то еще в его рассказе, подспудное, может быть, не вполне осознанное, — да и я это не столько осознавал, сколько чувствовал. Какая-то горечь невысказанная. Осадок несмываемый. Или вопрос безответный. За счастьем ехали, от несчастья бежали. А нашли? А убежали? Словно на роду написана человеку тяжесть непосильности, и вот он спасается от нее, а она опять с ним, она — внутри него. Это не зависит даже и от личных качеств. Виктор Некрасов жизнелюбив и общителен, Аркадий Белинков замкнут и неуступчив, Мерас непрактичен, Наврозов практичен, Эткинд не хочет быть диссидентом, Агурский хочет, этот преуспевает, издается, в лауреаты всемирные выходит, а тот продолжает мыкаться там так же, как мыкался здесь, — а над всеми словно бы тень висит. Там висит, как здесь висела.

Есть внутренняя готовность человека к сопротивлению, есть потаенная «несходимость» его с окружением, и она настигает везде. Это драма, драма внутренняя. Бежит человек от тоталитаризма восточного — и попадает в тотальный антитоталитаризм - западный. Не принимает ничего здесь — и там оказывается в одиночестве. Там ли, здесь — он все равно изопьет чашу.

Что уж теперь считаться. Уехали — и правильно сделали. Поздно считаться, да и не с кем.

Был момент, на границе десятилетий, когда только-только попадали заслоны, и диссиденты вчерашние бросились сюда, — тогда две эмоциональные волны схлестнулись встречно. Оттуда неслось: «Мы боролись, и нас изгнали, а вы тут сидели и терпели; мы сохранили литературу, а вы ее разменяли на компромиссы!» А с этого берега: «Это вы разменяли драму на безбедную жизнь! А мы тут выдюживали!» Хорошо, что недолго длилась эта маловменяемая тяжба: глупость ее была слишком очевидна, особенно в условиях нынешней России. Кто ее подкосил больше: оставшиеся ли кроты, разрывавшие фундамент, или отлетевшие орлы, клевавшие извне, — рухнула. Нет больше Системы! Не с кем считаться, не с кого взыскивать. Эмигранты, возвращающиеся «домой» (как правило, книгами; физически мало кто рискует вернуться), убеждаются, что «той страны», которая их обижала, нет. Есть другая, новая, и этой новой, пожалуй, мало дела до того, где писался «Псалом»: в Москве или в Берлине, как нет дела до того, в Париже или в Спасском-Лутовинове создавалась «Новь», в Вольмаре или в Юрьеве «сидел и писал» Курбский свои письма царю Ивану. Потому что такая переписка входит в историю культуры именно как целое, и именно потому входит, что человек, сидящий в Вольмаре, *хочет* участвовать в русской драме.

Слава богу, что пали внешние перегородки. Остальное — в твоих руках. Выбираешь Запад - в добрый час. Становишься американским поэтом — поздравляем. Только и расплаты: риск уйти из русской памяти. А не уйдешь — так именно в той степени, в какой сам не захочешь уйти; ровно настолько и останешься, и уж тогда прочтут, оценят, откликнутся тебе в России — независимо от того, учишь ли ты школьников черчению в Израиле, преподаешь ли американцам славистику в Штатах или независимо живешь в Германии, сохраняя днепропетровские манеры.

Дух дышит, где хочет. И расплачиваться за это приходится в любом случае. Расплачиваться за внутреннюю независимость, за невозможность поступиться принципами, за жажду выговориться, за тягу к общению, за отказ от общения — за все, что делает тело несчастным, а душу счастливой. Или наоборот: тело — счастливым («сто десять сортов колбас и сосисок»), а душу — несчастной.

Мы перебирали разложенные по столу бумажные квадратики, смотрели на эти силуэты и блики, и лейтмотивом звучало во мне тютчевское, невыносимое: «Так смотрят души с высоты на ими брошенное тело...»

ЛЕВ АННИНСКИЙ

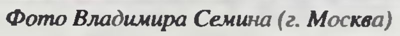

Фото Владимира Семина (г. Москва)

Фото Георгия Пойлова (г. Кирово-Чепецк)

ВАДИМ РАДАЕВ

ИСЧЕЗ ЛИ СОЦИАЛИЗМ?

ОПЫТ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ САМОКРИТИКИ

Наивно предполагать, что социализм остается уделом краснознаменных энтузиастов, время от времени собирающихся на Манежной площади. Еще более наивно считать, что он умер в августе 1991 года. Нет смысла скрывать, что данная статья в целом направлена против основ социалистического учения (и отнюдь не только его большевистского варианта). Но она начинается словами: социализм важен..

В данной работе речь пойдет только лишь о социализме как учении. Представленная здесь критика социализма порождена не желанием плюнуть вслед ушедшему поезду (давно ли и куда он ушел?). Это прежде всего самокритика.

1. СОЦИАЛИЗМ И РЕЛИГИЯ

Воистину, социализм принадлежит к разряду идей наиболее популярных и долгоживущих — тех, которые неотступно сопровождают развитие человеческого общества. Ему отдавали дань мистики и рационалисты, ученые и практики, революционеры и созерцатели.

Конечно, их всех, в той или иной мере, объединяла критика существующего порядка, нацеленная, в первую очередь, на такой институт, как частная собственность с проистекающим из нее неравенством. Но все же совокупность социалистических идей кажется слишком разнородной и нуждается в некотором первичном разграничении. И подобная разграничительная линия проходит, на мой взгляд, не между «научным» и «утопическим» социализмом, но разделяет позиции по их отношению к религии.

Первоначально социализм развивается как элемент религиозного миросозерцания и распространяется в виде религиозных ересей — катаров и апостольских братьев, анабаптистов и адамитов — как хилиастический социализм с экстатическими откровениями и прорицаниями тысячелетнего Царства Божия на земле. Отвержение частной собственности, торговли и денег, отрицание семьи, призывы к общности имущества и жен — все это, невзирая на ненависть к церкви, было погружено в первоосновы религиозного духа. (Некоторое, хотя и не абсолютное, исключение составляет более ранняя античная мысль, где еще не вполне оформленное религиозное начало в целом подчиняется государственному.)

Собственно же социалистические взгляды вычленяются и оформляются много позже. Социализм приходит к своему истинному понятию в Новое время, как современное (модернистское) учение, как дитя западноевропейского Просвещения и продукт секуляризации мысли. Именно здесь он утверждается в двух своих основаниях — как рационализм с его верой в научное знание и как гуманизм с его верой в Человека.

От абстрактного, иронического теизма Т. Мора и чисто формально-теократических построений Т. Кампанеллы до открытой враждебности к религии Д. Уинстенли и далее отрицания Бога Л. Дешаном и неприкрытой ненависти атеиста Ж. Мелье — вот пример накопления изменений, которые и знаменовали подлинное рождение социализма. Только с появлением английских левеллеров в XVII веке обозначились фигуры первых социалистов. В России это происходит позднее и связывается, в первую очередь, с именами В. Белинского и Н. Чернышевского.

Именно тогда на авансцену выходят совершенно иные лица. Еще нет ни человека с ружьем, ни партийного оратора. Социализм является в обличии кабинетного ученого и писателя, отринувшего роль средневекового пророка во имя объективного знания. Он перестает толковать грядущее Царство Божие как неотвратимость, лежащую за пределами земных сил и человеческого разума, и показывает возможность рационального устройства будущего. А от мысли о возможности рационального плана уже недалеко до мысли о возможности достижения этого будущего земными средствами. Ибо кажется уже, что в этом случае нет нужды ожидать Царства Небесного, коли человек, освобожденный от власти тьмы силой знания, способен обустроить Царство земное.

Секуляризация не означала полной утраты черт религиозности. Напротив, религиозное происхождение со всей силой отразилось на характере социалистических теорий. И все же, несмотря на множество непростых и ни в коей мере не случайных сходств, свидетельствующих о наличии устойчивой внутренней связи между социализмом и религией, кажется непозволительным сваливать в одно направление В. Белинского и Ф. Достоевского, Н. Михайловского и В. Соловьева, Г. Плеханова и С. Булгакова на том основании, что они негативно относились к развитию частной собственности. Постулирование же учений вроде «христианского социализма» не лишено притянутости и излишней метафоричности. И С. Булгаков, кстати, не отрицавший существования всякого положительного соотношения между христианством и социализмом, к «христианскому социализму», как известно, призывал относиться с осторожностью. Ибо фигуры богоискателя и гуманиста противоположны по мысли и действию, так же как противоположны христианское подвижничество и интеллигентский героизм.

Социализм, таким образом, оформляется как Рационалистический Гуманизм. И как таковой, при всех своих претензиях на роль новой религии, он остается Верой вне религии. Более того, противопоставление религии становится для него одной из решающих отличительных черт.

Но со всей присущей ему религиозной страстностью социализм Нового времени начинает претендовать на научность.

2. СОЦИАЛИЗМ И НАУКА

Начиная с XIX века практически все социалисты объявляют свои теории «наукой». (К. Маркс в этом отношении отнюдь не был пионером, но достиг наибольших успехов, представив, возможно, наиболее сциентистское учение.)

Наступление социализма здесь видится уже не как акт разумной, безумной или надчеловеческой воли, но как элемент естественно-исторического процесса, выведенного из материалистического понимания истории. Правят этим процессом объективные, в первую очередь экономические, законы, которые гласят, что социализм возникнет в результате крушения капиталистического способа производства, обреченного на то собственной логикой своего развития. Сами же законы выводятся из конкретно-исторических условий социального воспроизводства капиталистического общества середины XIX века.

Научная форма изложения довершается обилием ссылок на ученые труды и эмпирические данные. Но превратился ли от этого социализм в науку по своему содержа-

нию? Ведь материалистический подход еще не есть однозначное свидетельство в пользу научности, но лишь указывает на то, что выбран один из наиболее грубых способов интерпретации социальных процессов.

Нетрудно убедиться в том, что закон прибавочной стоимости или закон-тенденция нормы прибыли к понижению, так же как теории абсолютного и относительного обнищания масс и исторической миссии пролетариата, основывались не на эмпирических наблюдениях, но на убеждениях чисто метафизического свойства.

Можно утверждать даже, что ни одно из основополагающих положений марксистского социализма не получило ни эмпирического обоснования, ни исторического подтверждения в качестве «объективного закона», а получило таковые в лучшем случае — лишь в качестве одной из множества прочих тенденций.

Но повредило ли это социализму? Ничуть. Кризис теории всякий раз «преодолевался» выбрасыванием или заменой положений, еще вчера считавшихся фундаментальными.

Учение о прибавочной стоимости — краеугольный камень марксизма и «научное обоснование» эксплуатации — логически выведено из трудовой теории стоимости. В результате удара, нанесенного последней со стороны австрийской школы, многие марксисты отказались от трудовой теории стоимости. Повлияло ли это на тезис об эксплуатации? Нет, для него такие «мелочи» оказались не слишком болезненными.

Не подтвердилась теория поляризации общества, стирающей с социальной карты средние слои? Не страшно, к социалистическим учениям постепенно адаптируется концепция «средних классов», намедни им прямо и грубо противоречащая.

Вчера, скажем, среди основ рабочего движения лежало популярное учение о «железном законе» заработной платы Ф. Лассаля, а сегодня оно признается ложным. Вчера объявлялось «обострение классовой борьбы» на всех уровнях, сегодня — «мирное сосуществование». И все отлично укладывается в «научную теорию». Причем, заметьте, сплошь и рядом речь идет не о следствиях второго порядка, а об исходных постулатах.

Но дело даже не в том, что положения «научного социализма» (теория прибавочной стоимости, эксплуатации наемного труда, поляризации общества и решающей роли классовой борьбы, перерастание социализма в коммунизм) совсем не бесспорны, подвержены противоречивым интерпретациям (то есть не точно определены) и в основной своей массе не выдержали проверки временем. Корень вопроса в другом: СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ В ПРИНЦИПЕ БЕЗРАЗЛИЧНА К СВОИМ ФУНДАМЕНТАЛЬНЫМ ПОЛОЖЕНИЯМ. Социализм может в принципе отказаться от любого из своих законов.

Это учение показало неограниченные возможности к тому, что ранее, не без доли цинизма, называлось «творческим развитием теории», т. е. к реинтерпретации своих положений на потребу текущего момента, манипулированию теоретическими постулатами и целыми теориями. Как критическое учение социализм неуязвим, он не может быть ни опровергнут, ни доказан научными средствами. Ибо он стоит на других основаниях. За всей своей сциентистской формой социализм остается учением, построенным на ЭТИЧЕСКИХ принципах.

3. СОЦИАЛИЗМ И ЭТИКА

Социализм строится на отрицании основных буржуазных институтов, ядром которых считается частная собственность на средства производства. Но во имя чего провозглашается ее экспроприация? Во имя СПРАВЕДЛИВОСТИ. Социализм, если и может быть определен, то только в самом общем виде — как «борьба против несправедливости». Он находится где-то между философией, религией и наукой, не отождествляясь ни с одной из этих ветвей.

Но в чем суть этой справедливости? В достижении свободы? Вовсе нет. Социализм с самого начала был авторитарным противником свободы, понимаемой не более как «осознанная необходимость». И формулировки так называемого «либерального социализма» ныне кажутся не более чем абсурдом.

Понятия «коллективизма» («товарищества», «братства») также остаются довольно неопределенными. Единственным более или менее последовательно проводимым этическим принципом оказывается принцип РАВЕНСТВА (имеется в виду, конечно, равенство «положения», а не «возможностей»), выраженный, в первую очередь, в идеях всеобщности труда и справедливого распределения.

Равенство сводит заложенное в социализме гуманистическое начало к одним лишь материальным интересам, заменяет провозглашенную цель — развитие индивида — освобождением «народа» (т. е. субъектов отчужденного труда), а само это преодоление отчуждения связывает с принудительной организацией труда и общества.

Социализм не только не является наукой в позитивистском смысле (это более или менее ясно), но НЕ ПРЕДСТАВЛЯЕТ СОБОЙ И ВНУТРЕННЕ НЕПРОТИВОРЕЧИВОЙ ФИЛОСОФСКОЙ ТЕОРИИ, систематизированного знания или целостного этического мировоззрения.

При этом социализм сохранил черты западноевропейского рационализма. Повернувшись спиной к свободе и лицом к равенству, социализм заменил индивидуалистические устремления коллективизмом, но сохранил и понятие «естественного» права, и утилитаризм как основу социального действия и теорию нравственности.

И хотя этическое начало социализма было близко либерализму, социалисты скорее затемнили это начало (П. Новгородцев). И затемнили его привнесением коллективизма, ставшего не чем иным, как прикрытием эгоизма, стремления возвыситься и провести свои интересы через свое превращение в часть большого социального механизма, жертвуя личным самовыражением.

Потому закономерным результатом данного мировоззрения стало полное небрежение моралью и в теории, и на практике. Все рассуждения, скажем, русских

народников о нравственном совершенствовании не могут никого обмануть. И даже героические попытки пойти на смерть, стать орудием Высшей воли, обращаются в трагические усилия отказа от личной ответственности. А с тех пор, как Бабеф в «Манифесте равных» свел воедино социалистический моральный принцип и плебейскую традицию восстания против несправедливости, моральным становится то, что служит революции, насилию. Классовые интересы или «интересы труда» ставятся (В. Ленин это проповедует совершенно открыто) выше всех прочих интересов и ценностей вроде свободы личности, демократии и даже равенства (!), отвергаемого во имя утверждения того же равенства. Социалистический морализм в итоге не только не глубок, но и обращается в отрицание общего нравственного начала во имя особого классового интереса.

4. СОЦИАЛИЗМ И ЕГО СОЦИАЛЬНАЯ БАЗА

Но к кому обращается социалистическое учение, чьи интересы оно отстаивает? И, следовательно, какова его социальная база? Нам говорят, что база эта в рабочем движении, что все делается в интересах пролетариата (в первую очередь, промышленного) и руками самого пролетариата.

И тем не менее в большинстве случаев движущую силу социалистического движения составлял кто угодно, но не пролетариат. Его место заняла Идея о революционном пролетариате, «миф о пролетариате» (Н. Бердяев). А смысл «диктатуры пролетариата» (главного понятия ленинского учения) вполне исчерпывается первым словом. Не случайно и к русской революции призывали до вызревания материальных условий капиталистического производства, в том числе и до вызревания того же пролетариата. А после октябрьского переворота именно с независимым рабочим движением расправились в числе первых.

Но какими же силами питается социализм? Вне зависимости от исторической эпохи, он опирается на нижние слои данного общества. Это движение «униженных и оскорбленных», лишенных и депривилегированных, а также всякого рода сочувствующих их положению.

В XIX столетии — это низкоквалифицированные группы рабочего класса и всякого рода городские люмпенизированные слои. (К. Маркс, между прочим, выводя обострение классовой борьбы из поляризации, обнищания и деквалификации частичных работников, вольно или невольно делал ставку именно на люмпенов.)

Основную же силу, в большинстве случаев, составляло радикальное малоземельное и безземельное крестьянство (кстати, низы рабочего класса, городские маргиналы, а также основная часть армии, всегда игравшей не последнюю роль, — это тоже вчерашние крестьяне). Можно сколь угодно долго молиться на «пролетарскую революцию», но ради справедливости следует согласиться с тем, что все основные революции XX столетия, от мексиканской в 1910 году до кубинской в 1958 году, по основным своим движущим силам были крестьянскими восстаниями. И та же русская революция октября 1917 года, если не сводить ее к штурму Зимнего дворца, была по характеру и движущим силам крестьянским бунтом, смутой, «пугачевщиной» (С. Франк), обуздать которые удалось только подкупив, а затем расколов крестьянское движение.

Со временем в социалистическое движение вливаются свежие силы в лице «белых воротничков» и радикально настроенного студенчества, поставленных перед реальной угрозой пролетаризации. Ряды коммунистических и прочих левых партий все более пополняются за счет нацменьшинств, вчерашних иммигрантов, сегодняшних объектов дискриминации. Словом, социалистическому движению никогда не дадут умереть все те крайне разнородные и массовые нижние социальные слои, образующие ныне сегменты вторичного рынка труда.

Теперь возьмем рисуемые социалистами картины удручающей деградации социальных низов как результат несправедливостей эксплуататорского строя. Могут ли эти низы с их уровнем культуры и характером потребностей воплотить в жизнь светлые социалистические идеалы в случае своего прихода к власти? Разумеется, нет. О результатах их действий страшно подумать.

Способны ли они вообще прийти к власти и утвердить эту власть? Тоже нет. Могут ли, наконец, эти угнетенные низы в основной массе своей хотя бы понять не только разрушительную, но и конструктивную часть социалистических проектов? Еще раз нет. Их понимание обусловлено своими конкретными приниженными нуждами. Они вообще стремятся не к какому-то социализму, а, скорее, к некоей «привольной жизни» (С. Франк).

Во главе социалистического движения, как правило, стоят определенные группы интеллигенции, для которых это движение, помимо их сочувствия (возможно, искреннего) к страданиям низов, является средством захвата власти. И с точки зрения своих идейных вдохновителей и лидеров, социализм — движение интеллигентское (но опять-таки не рабочее). Эта интеллигенция использует нижние массовые слои, прямо апеллируя к их низменным инстинктам. Революция же есть соединение социалистической идеи руководителей с инстинктивными устремлениями масс. При этом не «идея» овладевает массами, а нечто, сведенное до уровня их примитивных нужд и запросов.

В этом подначивании низов социалистическая интеллигенция преследует свой особый интерес, который не исчерпывается волею к власти как таковой. Опасная склонность интеллигенции, специалистов к социализму и прочим тоталитаристским формам социального устройства отмечалась уже не единожды.

Социализм обещает интеллигенции не только защиту от рынка, к которому многие не испытывают симпатий в силу своего «нерыночного» социально-профессионального положения. Социализм являет также великое искушение, представляя как возможность гигантские суперпроекты технического и социального переустройства. Он дает надежду когда-либо добраться до рулевого колеса и осуществить свою затаенную

(«Великую») идею, которая спасет и осчастливит все человечество. Сострадание к нуждам народа слишком часто соседствует с высокомерной интеллигентской позой и влюбленностью в свой собственный образ мессии, несущего прогресс и освобождение темным и забитым *массам*. А социализм для такого портрета дает освещение наиболее выгодное.

В результате оказывается, что любые классовые интересы, в свою очередь, подчинены великому социальному проекту переустройства мира.

5. СОЦИАЛИЗМ, МИФОТВОРЧЕСТВО И ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ БОРЬБА

В социализме со всем его придирчивым анализом состояния современного общества куда большую роль (не по количеству исписанных страниц, но по значению) играет выработка идеалов будущего справедливого строя. «Душа марксизма» заключена не в экономическом детерминизме, как принято считать, но в «учении об избавлении» (Н. Бердяев). И история для него лишь поставщик сырого материала для выполнения данной задачи. Утопизм не только занимает важное место, но и определяет во многом лицо социализма. Иначе говоря, СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЕ УЧЕНИЕ И ЕСТЬ УТОПИЯ.

Постоянный же спутник утопии — мифотворчество. Чтобы радикально порвать с прошлым и настоящим, утописты вынуждены переписывать историю. Что-то объявляется «золотым веком», что-то «темным царством», и эти полувымышленные картины становятся кирпичиками в фундаменте новой веры. Ведь утопии лишь на одну десятую — порождение буйной фантазии, а на девять десятых они вытягиваются из прошлого — будь то идеализация первобытного коммунизма или вольного средневекового города, сельской общины или ремесленного цеха. Утопическое сознание даже нельзя назвать в полном смысле слова реакционным, ибо оно конструирует прошлое с настоящим точно так же, как и будущее.

Но учение социализма не есть и «обман трудящихся властолюбивыми большевиками». Уж слишком многие хотели обмануться.

Дело не в том, что черное выдали за белое, а в убеждении, что допустимо и даже целесообразно для неких общих целей произвольно смешивать белое с черным. Социалистическое мифотворчество — это не всеобщее заблуждение, но способ мысли и действия, превращающий мифы в определенную форму реальности, в которой они смешиваются с реальностью, не теряя при этом своей условности. И эта «болезнь» куда серьезнее заблуждения.

И если главная черта социализма как учения есть утопизм и мифотворчество, это не означает, что оно остается вне мира сего. Напротив, социализм есть действующая, или, по выражению З. Баумана, «активная утопия современного мира». Она не только удел будущего. Утопия формирует будущее здесь и сейчас, она реализуется своим особым способом.

Влиянию же социализма утопизм не помеха. Напротив, социализм гениален, по выражению П. Бергера, именно тем, что он «обещает все блага современности, исключая ее неизбежные издержки». Любая же попытка сколь-либо последовательно отказаться от утопических программ и провести социализм в жизнь как «научную» доктрину неизбежно закончилась бы крахом еще на самом пороге.

Но и отказываясь от своих утопических программ, социализм все же предает их — во имя своих сиюминутных интересов. Теоретический элемент в социализме, как правило, подчинен программе политического действия и потому постоянно приносится ей в жертву. Тенденциозность, стремление к выискиванию фактов, подтверждающих правоту общей схемы, отнюдь не случайны; дело здесь не в недобросовестности, а в самой установке.

Ну зачем, скажите на милость, так необходимо было придавать всем своим выводам научную форму (например, называть экспроприацию «единственно научным способом действия» (П. Кропоткин)? Здесь проявилась не только мода на сциентистские решения и не только желание объективизировать собственные идеалы, убедив себя тем самым в неизбежности их наступления. Это была явная претензия на исключительность, «истинность», требуемая законами идеологической борьбы.

А то, что социализм не является наукой, не умаляет его действенности. Широким социальным слоям, недовольным теми или иными сторонами своей жизни, достаточно лишь видимости научности. Они осваивают социализм в виде лозунгов и клише, выражающих довольно абстрактные, но близкие растревоженному сердцу ценности и идеалы — «Свобода, Равенство, Братство». Причем отсутствие научной основы даже помогает выходцам из разных социальных групп приспосабливать эти лозунги под свои чаяния и нужды («Воля, Передел, Групповщина»). Это расширяет социальную базу симпатизирующих социализму, но одновременно означает, что вместо некоей единой теории социализма существует целый ряд версий и интерпретаций, у каждого социального слоя — своя, и об этих версиях, кстати сказать, немногое известно.

6. СОЦИАЛИЗМ И ЕГО НОВЫЕ ЛИЦА

Как и следовало ожидать, кризис социализма как учения в 80-е годы вырос не из внутренних противоречий теории, а из кризисного состояния, а затем и крушения системы насилия в государствах, прокламирующих социализм как свою официальную идеологию. В попытках же спасти само учение, изменить его лицо недостатка не было. Социализм остался «открытым вопросом» даже для многих из тех, кто, подобно югославской группе «Праксис», был довольно жестким критиком «социалистической» реальности.

Все сегодняшние попытки обратиться к помощи социалистического учения можно разделить на три разряда, включающих соответственно: ревиталистские, «западнические» и абстрактно-прогрессистские концепции.

А) Ревиталисты.

Первая группа концепций направлена на возрождение основных социалистических идеологий и предлагает облагороженные ортодоксальные версии с «общественной» (государственной) собственностью и централизованным планированием, дополняемые малосодержательными призывами к реальному народовластию. В отличие от этого «необольшевистского» направления, другая группа ревиталистских концепций делает упор на идеи общественного самоуправления, причем особенность многих советских перестроечных самоуправленческих идей заключается в их тесном смыкании с централистскими версиями. Этот странный, казалось бы, альянс объясняется тем, что самоуправленческие проекты служили не более чем демагогическим прикрытием необольшевизма «снизу», популистской альтернативой рыночному хозяйству.

Невозможно перечислить даже большую часть имен и течений, ассоциируемых с централистским и самоуправленческим социализмом, но именно эти два течения служат основой истинного ревитализма. Последователей же всех прочих направлений можно считать явными или скрытыми «отступниками».

Б) «Западники».

К числу таких «отступников» относятся выразители «западнических», «обуржуазившихся» концепций социализма, недурно встроенных в систему ценностей буржуазного общества, вроде идей фабианского, гильдейского или муниципального социализма или даже прямо отождествляющих развитие этого общества с прогрессом социализма. Для них порою любые формы коллективного управления или всякое ограничение прав частной собственности связываются с постепенным наступлением социализма.

Под «социалистическими» формами собственности и ведения хозяйства обычно разумеются те, которые основаны на личном труде коллективных собственников. Это аграрные коммуны и рабочие кооперативы, американские религиозные общества и израильские киббуцы. Но, во-первых, хозяйства эти относительно немногочисленны (еще меньше тех, которые способны выжить без внешних дотаций или льгот) и не могут в принципе играть первую скрипку в современном хозяйстве. И во-вторых, нельзя не видеть, что подобные формы обречены на относительную замкнутость и изоляцию (иначе они нежизнеспособны). Они не могут распространиться на все общество (и не имеется даже ясного плана такого перехода на уровень общества), а следовательно, не способны и реализовать идеал всеобщей справедливости и равенства — несущую идею социализма, не терпящего узкого избранничества и частичности.

С «социалистическими» тенденциями связывают также обобществление индивидуальной частной собственности, при котором число собственников капитала распространяется на основную массу населения, а подавляющая часть этих собственников по существу отодвигается от многих распорядительских прав. Но заметим, что «демократизация собственности» в виде распространения «рабочих акций» или усиления роли страховых и пенсионных фондов не изменяет природы частной собственности, на которой они и продолжают базироваться. Не подрывают частную собственность как фундамент отношений и все те, безусловно важные, процессы перераспределения прав собственности, произведенные «революцией менеджеров».

Не имеет, очевидно, особого смысла и отождествление с «социализмом» роста государственной (муниципальной) собственности и расширение пределов государственного (местного) экономического регулирования. Существовавшая с древности в обществах самого различного типа государственная собственность вовсе не является синонимом социалистической собственности. Если же всякое вообще госрегулирование считать выражением социализма, то Дж. С. Милль в устах С. Вебба оказывается «законченным социалистом», а Дж. Кейнс, по представлению Ф.Хайека, превращается чуть ли не в основателя «общей теории социализма». Вряд ли разумно выдавать за социалистическую теорию и концепцию укрепления гражданских прав в «государстве благосостояния», где каждому гарантируется более или менее приличный минимум средств существования, независимо от наличия собственности или трудовых усилий.

В целом все эти «западнические» варианты социализма выводятся из реальных процессов, существенно изменивших облик былого капиталистического общества. Но скажите, какое отношение все эти изменения имеют к базовым социалистическим проектам? Можно, конечно, понимать социализм и предельно широко, например, как «стремление к более или менее полной социализации экономических сил» (Э. Дюркгейм). Но что толку до предела размывать и без того размытые понятия и критерии.

К «западническим» вариантам относятся и такие малопонятные концепции, как уже упоминавшийся «либеральный социализм», а также более родная и близкая ревизионистская ветвь «рыночного социализма», произросшая в Восточной Европе (О. Ланге, О. Шик и др.), а затем и в Советском Союзе. Эта позиция не могла не содержать непреодолимых внутренних противоречий и закономерно вылилась в отрицание социализма как теории и практики. Или же понятие социализма превратилось в пустую словесную оболочку.

В) Прогрессисты и прочие.

Наконец, ныне воспроизводятся и версии социализма третьего рода, которые можно было бы условно назвать абстрактно-прогрессистскими. Для них социализм есть нечто «хорошее» и «прогрессивное» (или то, что считается таковым). Здесь мы встречаем и «гуманный социализм» (Ю. Красин), и «будущий постсоциализм с гражданской собственностью» (В. Нерсесянц). Социализм оказывается «демократией во всех отношениях» (Г. Шахназаров) и «способом выживания человечества», решением глобальных проблем (А. Вебер).

Проследить корни этой «мягкой» ревизионистской позиции затруднительно, ибо она эклектична, по при-

знанию Г. Шахназарова, и, пересматривая, размывая ортодоксальные теоретические положения, не выходит, как правило, за рамки постулирования «плюрализма» и «альтернативности», «многофакторности» и «общечеловеческих ценностей».

Что же мы имеем в итоге? Что скрывается ныне под понятием «социализм»? Мы имеем три варианта. Либо воспроизводятся подновленные утопии былых времен, либо социалистические модели подменяются картинами западного постбуржуазного общества, либо подаются привлекательные, но размытые до неопределенности суждения об «общем благе». Ни то, ни другое, ни третье не является новостью.

Палитра разнообразится также разноцветьем форм «несоциалистического социализма» в религиозной или в националистической оболочке, от коричневых знамен неофашистов до зеленого знамени «третьей мировой теории» М. Каддафи; от христианского социализма до совершенно непохожих на все предыдущие версии антирационалистических и, по видимости, антиутопистских взглядов фрейдомарксистов.

Таким образом, помимо ревиталистских утопий, все прочие учения не стоит загонять в рамки социализма, если мы не хотим сделать их совершенно безразмерными. Предпочтительнее, наверное, было бы сменить наконец категориальный аппарат.

7. КОНЕЦ СОЦИАЛИЗМА?

Итак, в социалистическом учении сокрыт целый клубок парадоксов, превращений, подмен. Сохраняя черты религиозного учения, социализм возводит на пьедестал общества рационалистическую науку. Утверждая свою сциентистскую форму, он закладывает в фундамент проповедуемой науки «вненаучные» этические принципы. Беспрестанно морализируя, социализм отвергает общие нравственные начала во имя особых классовых интересов, которые сам же и отдает на заклание для реализации глобального утопического проекта. Не переставая поддерживать веру в будущее освобождение, социализм подменяет этот проект жестко-инструментальной системой насилия.

И новые учения, в случае, если они остаются на социалистических позициях, немногое изменят. Означает ли это, что социализм приходит к своему концу?

Социализм — это не история большевиков, сталинистов и оболваненный народ. Эта наша собственная история, которая ПРОДОЛЖАЕТСЯ и ныне, хотим мы этого или не хотим. Социализм уже трудно считать «историческим эпизодом» (С. Булгаков). Думается, он еще долго не покинет социальной арены и будет воспроизводиться в альянсах с разноцветными общественными движениями и построениями теоретического толка (если вообще покинет когда-либо). Он будет сохраняться и как тенденция социального развития, и как элемент мировоззрения людей.

Да и у нас он о себе еще напомнит. При неизбежных разочарованиях в рынке (или в том, что будет называться «рынком») маятник качнется назад, и социализм (возможно, под другими «конспиративными» именами) снова примется за свою «еретическую» работу. Оправившись от первого шока, сторонники «социалистического выбора», хотя и с некоторым опозданием, но скажут: «То, что было, не имеет ничего общего с социализмом. Борьба за истинный социализм еще впереди». И хотя порыв этот будет куда слабее и осмотрительнее, но благожелательные отклики найдутся: жажда утопических проектов никуда не исчезла.

Но главное — не в передвижении толп под кумачовыми лозунгами и не в радикально-ортодоксальных выплесках. Корни социализма проросли слишком глубоко. Их не спишешь на неизжитые уравнительные склонности «народа». Они утвердились как способ мысли и действия той части населения, которая называет себя интеллигенцией.

Проросли они и в основание социальной и экономической теории. При этом социалистическое учение стало не только фундаментом этой теории, сколько оформило мифологическую структуру мышления, способного в принципе откинуть и сам социализм, заменив его какими-либо другими фетишами. Сегодня же отринутая социалистическая идея так и остается во многом непонятой, внешней. А потому ее место с видимой легкостью заполняется столь же внешними и поверхностно усвоенными либеральными и демократическими взглядами.

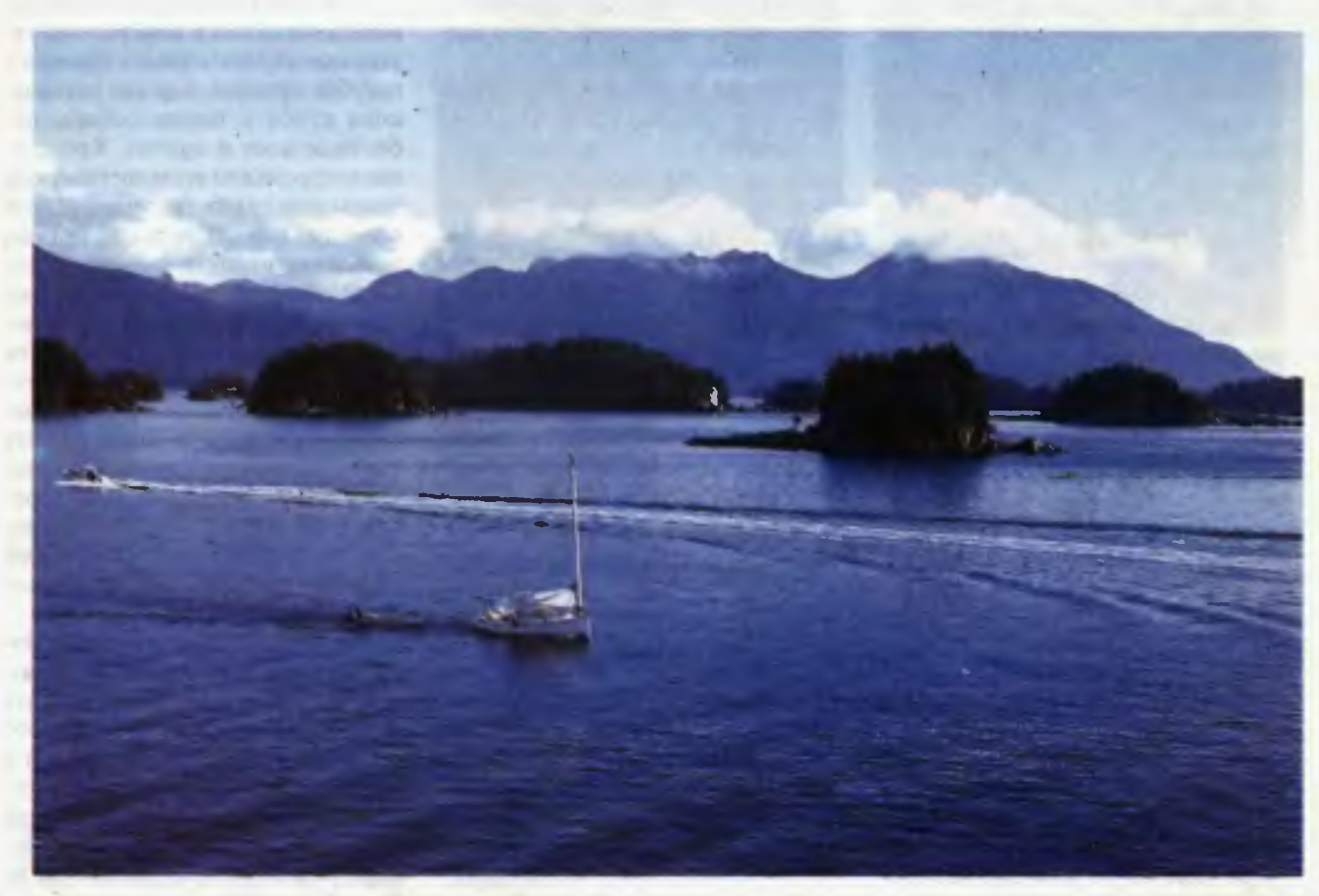
Освобождение от склонности к мифотворчеству не может быть актом простого прозрения. Оно требует длительной работы — создания новых образовательных систем и освоения наследия, своего и «чужого», смены категориального аппарата и тщательного исследовательского труда.

Марксизм и его социалистическое учение сегодня решительно отодвигаются в сторону. Многие даже не хотят о них слышать. Но это пока более похоже на замалчивание, нежели на итог тщательного самоанализа, без которого освобождение от мифа во многом остается мнимым. Немногие оказались способны как критиковать, так и защищать социализм по существу, без крика. Ибо выпадает сапожнику быть без сапог. А «первой стране социализма», за малыми исключениями, без тех, кто готов широко и непредвзято толковать социалистическую идею.

Просто выкинуть социалистическое учение и марксизм в целом — невозможно. Это не зависит от нашего желания. Тем более это невозможно в нынешней России. Игнорировать эту весомую ношу — значит тащить ее вперед на столетие. Топтать ее яростно — значит отдавить собственные ноги. Ибо даже тем, кто силится снять эту ношу — придется определить ей должное место. Простодушное же стремление откинуть «измы», как сегодня модно говаривать, неизбежно потянет за собой поношенный шлейф с привычными или доселе невиданными мифологическими узорами.

ВАСИЛИЙ ПЕСКОВ

Городок Ситка

Обычно это место дождливое. Но бывает и солнечно, как в Крыму.

Все аляскинские города молоды. Их породила «золотая горячка» или транспортные пути. Но есть одно исключение — городок Ситка. Возраст его по меркам Рима или, например, Самарканда не так уж велик — менее двухсот лет. Но это патриарх на Аляске. Главный капитал Ситки — история. Первое, что видишь под крышей аэропорта, — двуглавый орел на стене, знакомый портрет Александра Баранова, силуэты кораблей, сторожевых башен, купол собора. Все это символы Русской Америки. Ситка (от названия острова Ситха) называлась Новоархангельском. Увеличенная до громадных размеров гравюра на стене показывает, как выглядел этот единственный на западном побережье Аляски город в годы, когда Сан-Франциско был деревенькой, состоявшей из горстки глинобитных домов. Сегодня из Сан-Франциско (и из многих других городов «нижних» штатов) туристы прилетают и приплывают взглянуть: а что же такое Ситка, что осталось в ней от прежних времен?..

Долгожитель острова Кирилл Хлебников в книге о Новоархангельске пишет: *«Беспрерывная мрачность, мелкий дождь и сырость воздуха есть обыкновенное явление атмосферы... круглый год осень... но здесь, как и везде, нет правил без исключения и случается хорошая погода».*

Мы оказались в Ситке в дни счастливого исключения. Небо отдыхало от облаков. Голубизна его отражалась в зеркальной воде залива. Острова — глаз не оторвать! — в живописных кудряшках леса, казалось, приплыли издалека и стали на якорь тут,

в бухте, для какого-то праздника.

На берегу есть камень, охраняемый как реликвия. Утверждают: правитель Русской Америки Баранов любил, сидя вечерами на камне, глядеть на море и острова. Очень похоже на правду. В погожий день ситкинская бухта по красоте превзойдет любой уголок знакомого нам черноморского побережья. Нечто подобное я видел в заливе Халонг во Вьетнаме. Там в утренней дымке между островами скользили лодки с парусом-бабочкой, тут же садятся на воду самолеты, тихо, ощупью входят большие и резвомаленькие паромы. Маленькие, приставая к островкам утром, как трамваи, везут людей в Ситку. Паромы-гиганты ходят между большими островами архипелага.

Стоят на рейде туристские теплоходы, прибывшие из Сиэтла. Проутюженные седые мужчины и накрахмаленные старушки стайками сходят на берег, а катер спешит к теплоходу за новой группой. Туристы проводят в Ситке день, и ночью отбудут дальше вдоль бесконечных аляскинских берегов. Гид-индеец в малиновой куртке, покрытой чешуей значков, поздравляет прибывших с хорошей погодой: «Вам повезло, вам так повезло!» И в самом деле, уютный, маленький (девять тысяч жителей), курортного облика городок живописен, приветлив и в ясное летнее утро кажется уголком еще не потерянного на земле рая.

Ситка, конечно, совсем не похожа на русский Новоархангельск. Сырая погода, жаловался еще Хлебников, быстро приводит в негодность дома из дерева. Потому все тут новое, включая, вероятно, и башню из бревен, заметную между ярко окрашенных домиков современной застройки. Исключение — дом епископа. Он пришел в ветхость. Не пожалев средств, его тщательно реставрировали. И он выглядит теперь так же, как выглядел при жильце своем Иннокентии Вениаминове, причисленном православной церковью Соединенных Штатов к лику святых. Не тронуты временем пушки. Они стоят на каменной горке, где ютилась когда-то сторожевая деревня индейцев, а потом возвышался «Замок Баранова». На пушках — даты отливки: 1801-й и 1835-й годы. Пушки и старые якоря рядом с индейским тотемным столбом стоят также на главной площади городка, которую не залили асфальтом, не замостили камнем — зеленая травка, на ней можно расположиться и посидеть.

Главной зрительной точкой является православный собор. Он деревянный, но это лишь копия. Строение изначальное, середины прошлого века, в 1966 году стало добычей огня. Собор скоро восстановили, позолочен был его крест, на место вернулась спасенная из огня церковная утварь, звенят соборные колокола... но лишь в те дни, когда в город прибывают теплоходы с туристами — православная служба тут стала аттракционом, музейным экспонатом бывшей Русской Америки.

В магазине туристы охотно раскупают русские сувениры — балалайки, матрешки, цветные платки, хохломские поделки, палехские шкатулки, льняные фартуки, опять же водку, икру, конфеты «Мишка». Остается туристу побродить по городу — часа вполне довольно, чтобы увидеть всю Ситку, лицом обращенную к морю, а спиной — к покрытым лесом горам. Наиболее любознательных эта прогулка приводит в музей.

Директор музея Брусс Газовет встретил нас на пороге — «хочу быть гидом московского гостя».

В музее всегда волнуют подлинные вещи — свидетели времен и событий. Они тут есть. Вот экспонаты с острова Беринга — кованый гвоздь с корабля командора и иголки для шитья парусов — немые свидетели первого взгляда русских на землю, ими открытую.

Как он выглядел, русский город на краю света? Картины и диорамы позволяют представить Новоархангельск в разное время. Вот то, что было построено в «лета Барановы». Это еще не город, скорее деревня с бревенчатой крепостью на горе. А под горою — дома, огороды, ветряная мельница, кузня, сушильня для рыбы, корабельная верфь, продолговатые здания складов, мост, пристань для лодок. Постройки у моря — на сваях. На рейде два парусника, индейцы в длинной расписной лодке. Таков Новоархангельск в изначальные свои годы.

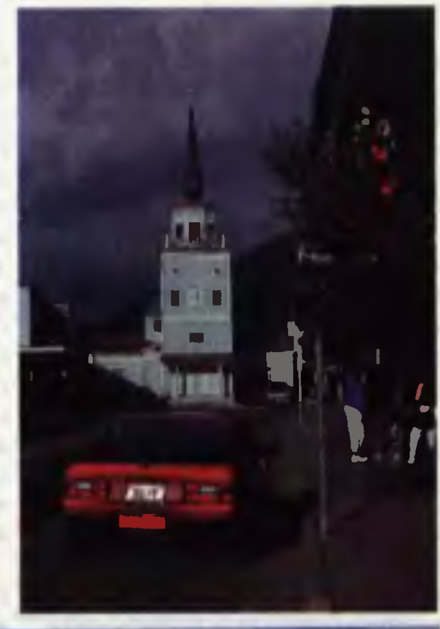
А вот на картине уже нечто совсем иное. Дома в центре — двухэтажные и трехэтажные с красной и голубой кровлей, хорошо различаются купол и шпиль собора, добротные мост и причал. Крепостная постройка на возвышении уже в самом деле похожа на замок. И хотя огороды, коровы, лошади, свиньи, домашняя птица в селении остались, это город уже, причем с прозвищем весьма лестным для здешних широт и неоглядной дикости мест — «Париж на Тихом океане».

О Новоархангельске много написано. Не желая оказаться в плену у вполне понятных патриотических чувств русских авторов, мы с переводчиком заглянули в книгу американского исследователя Русской Америки Гектора Шевиньи. И вот что я выписал из нее.

В середине прошлого века Новоархангельский порт был образцовым. Тут можно было бросить якорь в любую погоду. В те годы это почиталось за чудо. С торговыми и научными целями, а также для ремонта в Новоархангельск заходили суда под флагами многих стран. Четыре раза в год приходили суда из Петербурга. (Заметим, тут побывали знаменитые русские мореплаватели — Лисянский, Крузенштерн, Головнин, Литке, Врангель, Коцебу, Нахимов.) Гостеприимство порта было известно. Со времен Баранова заход судна приветствовали салютом из пушек. На башне крепости установлено было что-то вроде прожектора. Огромные зеркала собирали свет от многих жировых ламп и освещали море на несколько миль. Тут была своя верфь. И хотя качество спущенных на воду кораблей не считалось высоким, все же для местного плавания они годились. На верфи построен был даже пароход. Лишь двигатель для него был купленным.

Центральная часть Ситки — рыбный порт, площадь с индейским тотемным столбом, собор Святого Михаила и набережная.

Все самое необходимое город производил сам — работали кузницы, мельницы, лесопилки, пекарня, бани, литейная, столярная, слесарная, токарная, свечная, прядильная мастерские. Самое главное — вся жизнь в колонии по-прежнему «вертелась вокруг мехов». Основой экономики был морской промысел и торговля. Каждый год снаряжались все более дальние экспедиции зверобоев. Связь с населенными пунктами всей колонии осуществлялась на парусных ботах. Почта и провиант перевозились на огромном пространстве от устья Юкона до Курил.

В 1861 году в столице Русской Америки жили две с половиной тысячи людей (русские, креолы и алеуты). По мнению современников, жизнь в Новоархангельске была организована намного лучше любого уездного города метрополии. Совершавшие кругосветные плавания капитаны находили тут сравнительно свежие номера петербургских журналов. В руках грамотного креола можно было увидеть книги Пушкина, Гоголя и Крылова. Российская Академия учредила в Новоархангельске пункты по изучению животного мира и явления магнетизма. Тут снаряжалась великая экспедиция Лаврентия Загоскина в глубь Аляски. Разработаны были первые меры по охране животных.

Единодушны все современники в оценке медицинских учреждений в столице колонии. К. Хлебников: *«Медикаменты расположены по шкафам в порядке и, конечно, не уступят ни количеством, ни выбором лучшей аптеке уездного города. Хирургические... инструменты превосходной работы. При директоре стоят ныне четыре мальчика из креол, кои обучаются медицине... Смертность по колониям, благодарение Богу, не выходит из порядка, определенного природою!»*

В «Тихоокеанском Париже» часто играла музыка. Город украшен был парком, беседками и цветочными клумбами, люди ходили по тротуарам. Открыт был «музеум», а в губернаторском замке верхний этаж был местом, где *«часто случались спектакли и балы». «С распространением просвещения возродилась роскошь: блондовые платья, атласные шляпки для креолок выписывались из Петербурга, и они в таковых изволили отправляться на босую ногу за водой, как бы оправдывая поговорку: что легко достается, то цены не имеет... К середине прошлого века Новоархангельск стал самым передовым городом на запад от Миссисипи и на север от Мехико».*

Это взгляд на Новоархангельск со стороны и как бы с «птичьего полета

времени». Обратимся к более подробным свидетельствам Кирилла Хлебникова, он многие годы в городе жил и сохранил в записях не только перечень разных примет, но и уклад жизни, заботы, проблемы.

О здешней погоде... *«Весна иногда рано начинается и в феврале месяце цветет малина... а в мае созревают ягоды». «Трудная работа во время лета есть заготовление сена. Она начинается с половины июля и если дождливое лето, то продолжается до октября. Часто случается, что подкошенная трава попадает под дождь и сгнивает. Очень редко успевают поставить столько сена, чтобы для десяти голов рогатого скота было достаточно». «Почти не осталось земли окрест крепости, где бы ни была обработана для огородов... Урожай [картофеля] на лучших местах бывает сам 12—14[то есть посажен пуд, собрано двенадцать-четырнадцать пудов]. Принимая во уважение питательность сего продукта, можно сказать, что он и заменяет хлеб, и сильно содействует на здоровье при употреблении соленой рыбы». «Должно заметить, что здесь разведено много свиней и кур; но свиньи, питающиеся рыбой и раковинами, имеют отвратительный вкус».*

Социальные стороны жизни... Чиновникам и промышленникам строго предписывалось: *«Не производить для себя никаких торгов с дикими народами и иностранцами под потерянием [угрозой изъятия] всего недозволенным образом приобретенного... не покупать никакой мягкой рухляди [мехов]... убегать пороков: пьянства, мотовства, сварливости... не входить в большие и неоплатные долги». «Здесь преступление, например, воровство и обман, не может быть долго утаиваемо и скоро открывается: виновный немедленно наказывается...»*

Рассказывая о соседстве колонистов с индейцами, Хлебников не обходит молчанием и теневую сторону быта. *«Кроме сих оборотов [меновая торговля], колоши нашли выгоду употреблять еще один, необходимый в общежитии; многие из них привозят... девок и приглашают русских ими пользоваться; все, что получает девка, отбирается хозяином; и сия новая ветвь их промышленности доставляет также все, что промышленный дать им в состоянии... в сих сношениях замешиваются чиновники компании и многие посетители колонии на судах из Европы. Известно, что многие промышленники разорились, одевая своих гнусных любовниц; другие покушались бежать к ним... Это... есть зло; но зло необходимое, ибо иначе неизбежны противоестественные преступления, кои при недостатке женщин и были примечены».*

«Предосторожность от враждебных соседей заставляет содержать излишний гарнизон...» Эта запись напоминает: место для города отвоевано у индейцев, с острова они не ушли, помнят, конечно, и свое вероломство (истреблено было более сотни строителей на острове первой крепости), и ответную меру, когда поселенцы сожгли тут крепость тлинкитов (колошей).

Каков образ жизни индейцев, каковы отношения с русскими? У Хлебникова есть на эти вопросы ответы. *«Мы знакомы с колошами с 1783 года... Колоши вообще крепкого сложения, среднего роста, оклад лица правильный, волосы черные, грубые, бороды не имеют, хотя и растет редкая, но выщипают ее раковинами. Женщины прорезают нижнюю губу и вставляют деревянные планки, придающие чрезвычайно отвратительный вид лицу».*

«Мать кормит грудью обыкновенно до тех пор, пока начинает дитя ходить; между тем матери приучают ребенка к рыбной пище, передавая в рот ему разжеванную юколу... когда дитя начинает уже говорить, то родственники его, дяди и другие, имеют обязанность каждое утро купать его в речной или морской воде, невзирая ни на какие морозы, до тех пор, пока привыкнет переносить холод. Отцы и матери уклоняются от сего строгого обряда, ибо крик детей, слезы привели бы их в жалость... [тогда как] дядя, исполняя обыкновение, за непослушание и крик сечет розгами...»

«Человек, вступающий в брак, должен быть в силе сносить всякую обычную работу и владеть оружием... Богатые и отличные в роде колоши имеют до пяти жен, а иногда и более... Между женами случается ревность, которая часто доводит до брани, а иногда колются ножами или кинжалами. Если жена оказывает неверность и будет найдена на месте преступления, тогда муж убивает ее и обольстителя, не подвергаясь мщению от его родственников... Есть снисходительные мужья, кои старшей жене позволяют иметь молодого помощника, который живет в их хижине и исполняет все работы, а в отлучку мужа занимает его постель... Две родные сестры могут быть женами одного мужа».

«Заготовление пищи у ситкинских колош начинается в феврале месяце, с привалом сельдей. Но сию рыбу они впрок не запасают... Они обыкновенно запасают икру сельдевую: знавши время, когда сельди должны метать икру, колоши рубят древесную хвою и, перевязав оною, опускают с камнем в воду вблизи берега. Испущенная икра облепляет ветки... [ее] сушат на солнце или на воздухе... околачивают от ветвей и сберегают для употребления; после сельдей постоянное запасение корму начинается со входом в речки морской рыбы разных пород. Преимущественно запасают горбушу, которую, отделив от кости, сушат на воздухе или коптят... Сверх рыб запасается ягода шикша, малина, которую едят с сельдевой икрой... Птиц едят всех, кроме ворона, который обожается [обожествляется]».

Образ жизни и «рукоделие»... *«Они сибариты в своих шалашах. Если есть готовая пища, то колоши в состоянии лежать весь день между женами... Они едят два или три раза в день, часто купаются в воде и редко греются около огня. Многие из них пристрастные игроки палочками, в которые проигрывают все вещи из платья, бобров, ружья... Были примеры, что проигрывали своих жен... Главнейшее искусство колош состоит в обделании лодок или батов.* [Хлебников

сообщает: большие лодки индейцев вмещают до пятидесяти человек]. *На них гребут короткими веслами с обеих сторон, и никакое гребное судно не сравнится с ними в скорости хода. Мужчины занимаются вырезыванием военных масок... Из бараньего рога делают ложки, а из дерева — посуду... Женщины плетут ковры из мягкого козьего пуху очень искусно. Из кореньев травы плетут корзины, в которых носят и сохраняют воду».*

Самое важное в образе жизни индейцев-тлинкитов — *«войну они любят ради самой войны».* Замыслив нападение на соседей, колоши держат планы в тайне от женщин, *«кои будучи перемешены родством со всеми селениями, не упустили бы случая предостеречь родственников... Приготовившись таким образом, они отправляются на батах и стараются пристать к враждебному селению на рассвете... Нападая врасплох, они не дают пощады мужчинам и убивают всех; но женщин обыкновенно щадят и берут в невольницы...»*

Соседство этих «детей природы» для жителей русской колонии повсюду было причиной беспокойства и напряжения. Не была исключением и столица Новоархангельск. Тут действовал дух «холодной войны». Сдержанно шла меновая торговля. Индейцы доставляли меха, мясо оленей, рыбу и птичьи яйца, получая взамен табак, топоры, полотно, украшения, гвозди. При крупных сделках денежной единицей были одеяла — предмет постоянного спроса индейцев (шкура калана стоила до десяти одеял). Но больше всего тлинкиты желали выменивать ружья, порох и ром. Русские колонисты хорошо понимали опасность вооружения индейцев. Но ром и оружие (в том числе пушки) тайно им доставляли «корабельщики» других стран. Это усиливало напряжение, постоянно грозило перерастанием «холодной войны» в горячую.

При всем обустройстве главного центра колонии, при избыточном гарнизоне и хорошем вооружении «Париж на океане» был уязвим. В случае войны с какой-нибудь сильной державой, тыла у крепости не было — «индейцы воспламенились бы сразу». Первые мореплаватели — русские, англичане, испанцы — индейцами были «признаны за богов». Но вот «боги» поселились на их землях, истребляют зверей, ловят рыбу в самых лучших местах, имеют всякого рода слабости, как и все, смертны. И потому *«злейшие из них каждодневно занимаются планами о нападении на крепость, и удалые в доказательство проворства прокрадывались в темные и дождливые ночи внутрь ограды... и, украв что-либо из материалов в адмиралтействе, приносили как трофеи своим сообщникам».* Попытки привлечь их за плату к работам кончаются неудачами. *«Замечено наблюдателями,* — пишет Хлебников, — *что звероловческие народы не оставляют добровольно образ своей жизни и ни за что в свете не согласятся переменить состояния... колоши проворны, сильны, неутомимы... могли бы быть искусные матросы; но нет возможности отвлечь их от природного навыка. Были примеры, что молодые из них послужат несколько лет и, получая хорошее положение и обыкновенное содержание, наскучивали и уходили».*

Все время с индейцами надо было держаться настороже. *«В крепости и по судам пушки всегда заряжены картечью и осматриваются каждодневно. Люди, отправленные в лес и в Озерский редут, обыкновенно ездят с заряженными ружьями».* Число индейцев весной у крепости достигало более тысячи, и тогда бдительность повышалась. *«Для надзора за часовыми определяются из должностных людей обходные по два человека в сутки. [Они] каждое утро подают записки о числе больных в крепости и о числе колош, ночевавших при оной... ввечеру рапортуют словесно о числе колош и получают от Главного правителя пароль... Обходные должны всю ночь от зари до зари ходить за крепостью, прислушиваться и примечать в лесу и в кустах, не лежат ли люди, и буде увидят, тотчас давать знать часовым, чтобы били тревогу... всякий знает, что мы имеем таких неприятелей, которые всякую минуту смотрят, нет ли у нас какой оплошности, и буде случится, тогда можем погибнуть все».*

Такой была жизнь в столице Русской Америки — звон наковален, музыка, флаг над вышками крепости, песня подгулявшего моряка, люди в мундирах с золотыми эполетами на плечах, мазурка в освещенной зале «Замка Баранова» и... ощущенье постоянной тревоги.

После продажи Аляски американцам, на церемонии передачи Новоархангельска один из индейских вождей сказал: «Как можно продавать то, что тебе не принадлежало? Это наша земля». Индейцы в тот час не знали: горевать или радоваться переменам? Привыкшие жить одним днем, они, пожалуй, радовались — виски и рому стало намного больше.

Сразу после продажи Аляски Новоархангельск, переименованный в Ситку, стал городом-призраком без людей. Наибольшее оживленье наступило с находкой в окрестностях золота. Но вскоре «золотая горячка» перекинулась в район по соседству. Там быстро вырос город Джуно, ставший столицей Аляски. Ситка же, прозябая, ловила рыбу, рубила лес, а с притоком на Аляску туристов нащупала свою золотую жилу — «русское прошлое городка» — и успешно ее разрабатывает. Тщательно продуманная «индустрия гостеприимства» в летнее время занимает ежедневно свыше двух тысяч приезжих и, разумеется, не за здорово живешь. Ситка по-прежнему рубит лес, ловит немало рыбы, есть тут одно производство — бумажная фабрика за чертой города, но главной статьей дохода остается туризм. И даже местные производства попадают в его орбиту: « весенний сельдяной фестиваль», летом — американский чемпионат лесорубов.

А 18 октября каждого года в Сит-

Деревянная крепость и пушки времен Русской Америки.

Фото автора

ке отмечается «День Аляски». Отовсюду приплывают и слетаются гости. На горке, где высился ранее «Замок Баранова», совершается церемония — спускается русский и поднимается американский флаг, маршируют солдаты в форме двух наций. В спектакле-празднике участвуют первый правитель Ситки Баранов и последний — Максутов, приплывают на расписных лодках индейцы, палят пушки, сверкают над морем огни фейерверка.

Мы с переводчиком были в Ситке два дня. В своем доме нас приютили супруги Джон и Джойс Макдональды — люди добрые, внимательные и не бедные, они нас кормили, поили, передвигали и развлекали, на самолете свозили даже увидеть другую сторону острова.

Хотелось, конечно, увидеть, как поживают сегодня на своем острове знаменитые колоши. Но к их рыбацким поселкам съездить времени не было. Все же кое с кем из них мы познакомились. На краю города расположен «Ситхинский национальный парк». Главный объект этого заповедника — здешний полутропический лес: сумрачно, влажно. Но выходящая к морю опушка очень похожа на подмосковную — рябины с веселой россыпью ягод, клены, ели, ольха, иван-чай, ежевика...

Недалеко от опушки — прямоугольник поляны. Лес бы давно ее поглотил, но поляну оберегают — реликвия! Тут стояла деревянная крепость индейцев, сожженная русскими в 1804 году. Гид-индеец, смягчая для гостей рассказ о сражении, спешит напомнить: в двадцати километрах от этого места стояла русская крепость, атакованная тлинкитами. «Фифти-фифти — история», — улыбнулся парень, потомок воинственных колошей.

Есть в парке центр индейской культуры. Тут можно увидеть аллею высоких резных расцвеченных красками деревянных столбов-тотемов, индейские лодки, посуду, одежду. Полнолицые женщины под взглядом туристов хладнокровно пришивают орнамент из пуговиц на пурпурные ткани. Мужчины демонстрируют мастерство обращения с деревом.

И вот опять мы стоим, теперь уже на прощанье, у камня, «на котором любил сидеть Баранов». Именем основателя Ситки назвали остров — заметную часть большого архипелага. Острова мелкие на карте выглядят крошками пирога. Легко представить, как штурманы парусных пакетботов и галионов лавировали между ними, заходя в бухту. Наверное, они и назвали эти обломки аляскинской суши: остров Кирюшкина, остров Галкина, Сигнальный, Чаячий, Волга, Лохматый... Карта надежней всего сохраняет следы былого.

ЮРИЙ БОРИСЁНОК,
кандидат исторических наук

Безумные мысли в безумном году,

ИЛИ ПОЧЕМУ КЛАССИКИ НЕНАВИДЕЛИ РОССИЮ И СЛАВЯНСКИЕ НАРОДЫ

Германия превыше всего!

Чуть ли не с молоком матери мы впитали высказывание о том, что Маркс и Энгельс суть родоначальники пролетарского интернационализма (см. в «Манифесте»: «Рабочие не имеют отечества... Соединение усилий, по крайней мере цивилизованных стран, есть одно из первых условий освобождения пролетариата»). Но никто из ревностных толкователей марксизма не умудрился назвать Маркса и Энгельса родоначальниками «миролюбивой внешней политики».

И впрямь, кабинетные теоретики Карл и Фридрих были людьми совсем не миролюбивыми. Есть враги и пострашнее мировой буржуазии — считали они. Вчитайтесь в приведенные выше строки «Манифеста»: для освобождения пролетариата необходимо соединение усилий по крайней мере цивилизованных стран. Значит, где-то есть и не совсем цивилизованные? Уже после смерти Маркса, в феврале 1884 года, Энгельс так излагает основные цели знаменитой «Новой Рейнской газеты»: *«единая, неделимая, демократическая немецкая республика и война с Россией, включавшая восстановление Польши». «С 24 февраля* (1848 года — день начала революции во Франции. — Ю. Б.) *нам было ясно, что революция имеет только одного действительно страшного врага — Россию и что для этого врага необходимость вступить в борьбу становится все более настоятельной, по мере того как движение приобретает общеевропейский размах».*

Итак, тезис первый: Россия — главный враг европейской революции. Почитаем позднего Энгельса. 1888 год, работа «Роль насилия в истории»: *«С конца средних веков история ведет к образованию в Европе крупных национальных государств. Только такие государства и представляют нормальную политическую организацию господствующей европейской буржуазии и являются вместе с тем необходимой предпосылкой для установления гармонического интернационального сотрудничества народов, без которого невозможно господство пролетариата... И действительно, с развитием торговли, земледелия, промышленности, а вместе с тем и социального могущества буржуазии, начинался повсюду подъем национального чувства, а раздробленные и угнетенные нации требовали объединения и самостоятельности.*

Революция 1848 года везде, кроме Франции, была направлена поэтому на удовлетворение национальных требований наряду с требованиями свободы».

Кто же понимается под раздробленными и угнетенными нациями? В тогдашней Европе правили бал четыре крупнейшие монархические державы: Пруссия, Австрия, Россия и Турция. С точки зрения Энгельса, наиболее унижены и оскорблены венгры, итальянцы, поляки и в первую очередь немцы. А что же остальные народы, населявшие деспотические империи?

Народы исторические и подлежащие уничтожению

Теперь самое время обратиться к работам классиков периода революций 1848 года. В полемике по национальному вопросу отличился прежде всего Энгельс. По его мнению, *«в ближайшей мировой войне с лица земли исчезнут не только реакционные классы и династии, но и целые реакционные народы. И это тоже будет прогрессивным».* Под прикрытием революционной целесообразности у Энгельса просматривается достаточно популярная в германских политических и научных кругах гегелевская теория «исторических и неисторических на-

родов». Кого же надлежит переварить и переделать в революционном котле? Исторические народы нам уже известны. Все остальные со ссылкой на авторитет Гегеля именуются «обломками народов». Именно сюда (помимо гэлов, басков и бретонцев) попали все славянские народы, за исключением поляков и русского народа (по Энгельсу, последний реакционен изначально). Славяне — это народы, *«которые никогда не имели своей собственной истории, которые лишь с момента достижения ими первой, самой низшей ступени цивилизации уже подпали под чужеземную власть или лишь при помощи чужеземного ярма были насильственно подняты на первую ступень цивилизации, нежизненны и никогда не смогут обрести какую–либо самостоятельность»*.

В полемическом задоре Энгельс утрачивает малейшие проблески «революционности»: славяне контрреволюционны изначально, они «всюду... были угнетателями всех революционных наций». «Способные и энергичные» немцы и венгры являются ни больше ни меньше как носителями цивилизации для своих соседей славян. Характерный пример тому — «умирающая чешская национальность». В VIII главе широко известной работы Энгельса «Революция и контрреволюция в Германии» читаем, что *«профессор Палацкий, главный борец за чешскую национальность, — это всего лишь свихнувшийся ученый немец; он даже до сих пор не умеет правильно и без иностранного акцента говорить по–чешски... Богемия может впредь существовать лишь в качестве составной части Германии, даже если бы часть ее жителей в течение нескольких веков все еще продолжала говорить не на немецком языке»*. Эта идея потрясает даже не поразительным сходством с гитлеровской политикой 1938 года, а прежде всего тем, что здесь вполне зримо и отчетливо проступают контуры будущей великой Германии. Объединение немцев, по Энгельсу, обязательно должно сопровождаться слиянием в одно государство всех земель, доселе пребывающих под властью австрийских Габсбургов и прусских Гогенцоллернов. Неудивительно, что тогда придется подвинуться и некоторым народам, которых Маркс и Энгельс сгоряча зачислили в исторические, — например, полякам.

Пока сохранялась надежда на новое польское восстание, направленное против России, классики «горячо поддерживали» освободительное движение поляков. Но как только революции в Европе потерпели поражение, сразу же проявилась истинная цена польского движения. Из письма Энгельса к Марксу от 23 мая 1851 года: *«поляки — une nation foutue* (пропащая, обреченная нация. — фр.), *которая нужна как средство лишь до того момента, пока сама Россия не будет вовлечена в аграрную революцию... Я уверен, что в России эта революция осуществится полностью раньше, чем в Польше, вследствие большего развития в ней буржуазных элементов»*.

Впрочем, поляков надо сориентировать на восток — это сразу привело бы к решению проблемы польских западных границ в пользу Германии: поляки откажутся от претензий на Познань, захваченную Пруссией в период разделов Польши. *«Тогда вопрос о размежевании между охваченными войною (с Россией. — Ю. Б.) нациями стал бы второстепенным по сравнению с главным вопросом — об установлении надежной границы против общего врага. Поляки, получив обширные территории на востоке, сделались бы более сговорчивыми в своих требованиях на западе»*.

В конце письма Энгельс подытоживает: *«вывод: взять у поляков на западе все, что возможно, занять их крепости немцами, пожирать их продукты, а в случае, если бы удалось вовлечь в движение русских, соединиться с ними и вынудить поляков на уступки»*. (К слову, во множестве ученых трудов до последнего времени всерьез утверждалось, что Маркс и Энгельс в эти годы горячо поддерживали польское дело и были лучшими друзьями польских революционеров!)

Обилие приведенных выше высказываний складывается в тезис второй: с точки зрения классиков, исторически прогрессивным было бы решение национального вопроса в одной отдельно взятой стране — Германии — в форме образования единого мощного государства, поглощающего «неисторические народы». Главное препятствие на этом пути — Российская империя.

«Панславизм» и Николай I

В главе IX работы «Революция и контрреволюция в Германии» (февраль 1852) Энгельс рисует страшную картину — оказывается, цивилизованным нациям угрожает возможность объединения всех славян (80 миллионов), которые способны *«оттеснить или уничтожить непрошенных гостей... турок, венгров и прежде всего ненавистных... немцев»*. Подобная политика получила название панславизма.

«...Это нелепое, антиисторическое движение, поставившее себе целью ни много ни мало, как подчинить цивилизованный Запад варварскому Востоку, город — деревне, торговлю, промышленность, духовную культуру — примитивному земледелию славян–крепостных. Но за этой нелепой теорией стояла грозная действительность в лице Российской империи — той империи, в каждом шаге которой обнаруживается претензия рассматривать всю Европу как достояние славянского племени и, в особенности, единственно энергичной части его — русских; ...той империи, которая за последние 150 лет ни разу не теряла своей территории, но всегда расширяла ее с каждой предпринятой ею войной. И Центральная Европа хорошо знает интриги, при помощи которых русская политика поддерживала новоиспеченную теорию панславизма, теорию, изобретение которой как нельзя лучше соответствовало целям этой политики». Мощный удар Энгельса по «имперскому панславизму» пришелся мимо цели — ничего подобного Николай I и его приближенные просто не замышляли.

Вопрос о сущности панславизма очень непростой, и здесь не место его подробно рассматривать. Скажем только, что внешняя политика России в конце царствования Николая I не имела ничего общего с объединением славян. У Николая на первом месте были династические интересы и поддержание «порядка» внутри системы, оформившейся в 1815 году на Венском конгрессе. Эта политика традиционно именуется реакционной, главным проводником ее был австрийский канцлер князь Меттерних, оставшийся не у дел в итоге событий 1848 года. Русская дипломатия и ее шеф Карл Васильевич Нессельроде традиционно ориентировались на австрийских Габсбургов. Что же касается России как свирепого «жандарма Европы», то это привычное обвинение требует некоторых уточнений.

«Реакционность» русской внешней политики проявляется как бы на двух уровнях.

С одной стороны, Николай I и его двор крайне негативно оценили революционные выступления во Франции, Германии, Венгрии, Италии, Австрии и прочих землях. Эта реакция была естественной — еще бы, одним из главных лозунгов 1848 года был призыв к «революционной войне» против самодержавия. Надо отметить, что призрак готовящегося русского вторжения в революционную Европу испугал многих, в том числе и Маркса с Энгельсом (крики об опасности как всегда раздули угрозу до неимоверных размеров).

С другой стороны, царизм в общем и целом контролировал ситуацию. Крупномасштабная военная акция против всех революционных земель не планировалась — Петербург вмешался лишь однажды: в 1849 году войска фельдмаршала И. Ф. Паскевича без особых затруднений подавили сопротивление венгерских повстанцев (1956 год в Венгрии, 1968 — в Чехословакии были проведены по похожему сценарию. Так что у истоков советской внешней политики стояли совсем не Маркс и Энгельс, а император Николай Павлович). Пошатнувшийся было Священный союз был сохранен. В начавшемся конфликте между Пруссией и Австрией за германское господство Николай I безоговорочно поддержал Австрию.

В октябре 1850 года на совещании в Варшаве русский император резко выступил против попыток объединения немцев под прусским господством. 29 ноября того же года было подписано соглашение между Пруссией и Австрией, которое сводило на нет притязания Пруссии — Германия оставалась раздробленной на 36 государств. Николаю было выгодно видеть своих ближайших соседей разъединенными и неспособными к решительным действиям в духе высказываний Маркса и Энгельса. Сложившееся еще после победы над Наполеоном I соотношение сил его вполне устраивало. В этих условиях объединять славян каким–либо способом было совершенно бесполезным делом. (Более того, большинство славянских политиков Австрийской империи твердо придерживались так называемой политики австрославизма, ориентированной на процветание славянства в существующих границах.) На полях знаменитой «Исповеди», направленной узником Петропавловской крепости Михаилом Бакуниным императору, Николай резко отозвался о приписанной ему чести стать «славянским Mazaniello» (один из героев национально–освободительной борьбы итальянцев).

Сформулируем тезис третий: Россия не собиралась нападать сразу на все страны, охваченные революцией, не стремилась объединить славян. Целью российской политики было удержание прежних порядков (особенно в Австрии) и недопущение революции в собственных владениях (это удалось вполне — поляки в 1848 году так и не восстали).

Маркс и Бакунин — тень и свет

Кроме Николая I, Энгельс окрестил «панславистом» еще и Михаила Александровича Бакунина. Молодой русский эмигрант сыграл заметную роль в революционных событиях «безумного» сорок восьмого года. Его видели и в революционном Париже, и на пражских баррикадах, а закончилась эта глава революционной карьеры в Дрездене, где восставшие в мае 1849–го нашли в его лице «способного и хладнокровного командира». Это отзыв Энгельса, датированный 1852 годом, когда Бакунин после двух смертных приговоров от саксонского и австрийского судов наконец–то добрался и до российских застенков.

Тремя годами раньше в статье «Демократический панславизм» Энгельс резко отозвался о «фантастической романтике» бакунинских планов. Русский революционер провинился тем, что пытался поднять «неисторических» славян на борьбу против деспотизма. Очень важно заметить, что Бакунин проповедовал именно общеевропейскую революцию, без всяких изъятий, — славяне должны органически влиться в единый революционный союз вместе с немцами, венграми, итальянцами. Итогом революционных потрясений должна была стать федерация свободных европейских народов, основанная на свободе и равноправии, а не на пожирании друг у друга продуктов.

Конечно, для середины прошлого века подобная идея была очень смелой. Но предсказанное Бакуниным крушение четырех реакционных империй состоялось в XX веке и завершилось на наших глазах (1991).

Итак, подведем итоги: представления Маркса и Энгельса о характере и перспективах европейской политики 1848 года оказались фантастичными и нереализованными. В то же время они не выходили за рамки традиционных «буржуазных» шовинистических взглядов, которые в эти годы выражались очень многими, и русский историк Николай Ульянов, конечно, не прав, говоря, что «никто никогда не говорил о России с такой проникновенной ненавистью, как Маркс». С другой стороны, в этих взглядах классиков не было ровным счетом ничего революционного (тезис Виктора Чернова образца 1917 года о «революционном шовинизме» Маркса и Энгельса тоже неправилен).

Славянские народы вопреки предсказаниям Энгельса сохранились и развивают свою государственность; Германия объединилась, но в других границах; об исторических судьбах теории научного коммунизма и говорить как–то неудобно.

ШАНС НА КОМПРОМИСС

Н. Нарочницкая. «Крым»

(«Родина», № 10, 1992)

Драматические последствия распада СССР надолго останутся в памяти бывших соотечественников. В длинной череде неизбежных конфликтов между независимыми государствами наиболее болезненный характер приобрели споры Украины и России о судьбе Черноморского флота. Позиция политиков Киева понятна: сохранить статус-кво. Кроме всех выгод, связанных с обладанием Крымом, жесткость Киева объясняется опасениями за будущее своей новой государственности. Относительная стабильность в Украине не может заслонять серьезного противоборства сторонников соборного и федеративно-земельного устройства государства, за которым стоит противоположная ориентация Правобережья и Левобережья, усиливаемая соперничеством конфессий.

В затруднительной ситуации оказались и архитекторы российской политики. За вызывающей недоумение фразой: «Крым — это дело Украины» — скрывался не столько широкий жест, сколько вынужденный прагматический расчет, продиктованный глубоким политическим и социально-экономическим кризисом, в котором оказалась Россия.

1. В области <u>политической</u>. При всей привлекательности «сильного» решения по Крыму путем объявления его российским в нем таится опасность для самой... Российской Федерации. С большой долей вероятности можно предположить, что демарш Москвы по вопросу о Крыме был бы немедленно использован влиятельными сепаратистскими кругами внутри самой России как удобный повод обособиться от федеративного Центра.

Внутри СНГ появился бы опаснейший прецедент «волевого» решения многочисленных территориальных этнических споров с непредсказуемыми последствиями по типу Югославии.

2. В области <u>экономической</u>. Известно, что экономика Крыма является дотационной. После распада СССР вся тяжесть этого бремени ложится на Украину, Россия вряд ли в состоянии компенсировать возможные последствия ослабления (или разрыва) многосторонних экономических связей Украины и Крыма.

3. В оласти <u>военной.</u> Утверждения о турецкой военной угрозе, вполне оправданные в XVII—XIX веках, сегодня выглядят анахронизмом, тем более что все черноморские государства наперебой приглашают турок к экономическому сотрудничеству.

Дорогостоящее дело по охране южных границ отныне в полной мере ложится на бюджет опять-таки Украины, в то время как ее границы с Россией остаются «прозрачными».

4. В области <u>межнациональных отношений</u>. Переселение и обустройство в Крыму около 300 тысяч крымских татар потребует многолетних колоссальных затрат и полностью становится заботой Украины, что уже вызывает немало осложнений. Тактика Москвы на «замалчивание» крымской проблемы не встречает ожидавшейся взаимности со стороны Киева, напротив, отчетливо сознавая существование у России особых интересов в Крыму, ей в «благодарность» откровенно и торопливо показывают на дверь.

Становится все более очевидным, что метод «шоковой терапии», сомнительный в экономике, выглядит просто неуместным при решении сложнейшей геополитической проблемы. Все это вызывает обостренную реакцию патриотически настроенных слоев российского общества, свидетельством чего и стала полемическая статья «Крым» председателя международной Комиссии кадетской партии Н. Нарочницкой («Родина», № 10, 1992).

На мой взгляд, решение проблемы только еще более осложнится и отдалится, если ее видение ограничивать требованием от правительства «сильной политики», которая, по мнению Н. Нарочницкой, поможет отрезвить националистически настроенные круги в Киеве. Что и говорить — круто взято. Как не вспомнить, что аналогичная «сильная политика» лидера кадетов П. Н. Милюкова в 1917 году, направленная на захват у Турции черноморских проливов, как на дрожжах, радикализировала антироссийские настроения среди крымских татар и усилила среди них позиции тех, кто ратовал за отделение Крыма от России и искал союзников в этом деле в Киеве.

Склонность к крайним оценкам и выводам — застарелая черта российской интеллигенции. Так может не стоит и далее спотыкаться о барьеры прошлого, а заняться поиском компромисса, что будет, на мой взгляд, в интересах народов двух славянских государств.

Не будет преувеличением сказать, что средоточием российских интересов в Крыму является Севастополь. Пробуждающееся самосознание россиян никогда не смирится с утратой национальной святыни. Самое невероятное заключается в том, что в отличие от Крыма Россия никогда никому Севастополь не «дарила» и по-прежнему сохраняет на него все права. До 1948 года Севастополь входил в состав Крымской области РСФСР. 29 октября 1948 года был принят Указ Президиума Верховного Совета РСФСР, где говорилось: «Выделить город Севастополь в самостоятельный административно-хозяйственный центр со своим особым бюджетом и отнести его к категории городов республиканского подчинения». Таким образом Севастополь выводился тогда из состава Крымской области и замыкался непосредственно на Москву, на центральные органы управления РСФСР.

В 1954 году было принято известное Постановление о передаче Крымской области из РСФСР в состав Украины, однако это решение не затрагивало статус города Севастополя, не входившего с 1948 года в состав Крымской области. Юридический отдел Верховного Совета РФ на запрос депутатов Севастопольского горсовета ответил: «На Ваш запрос № 21/7 от 4 сентября 1992 г. Председателю Верховного Совета Российской Федерации Р. И. Хасбулатову относительно отмены или изменения Указа Президиума Верховного Совета РСФСР от 29 октября 1948 года о выделении города Севастополя в самостоятельный административно-хозяйственный центр со своим бюджетом и отнесении его к категории городов республиканского подчинения, сообщаем, что данный Указ при передаче в 1954 году Крымской области из состава РСФСР в состав Украинской ССР <u>не был признан утратившим силу и до настоящего времени не отменен</u> (выделено мною. - *С. У.*). Каких-либо изменений в Указ не вносилось».

Тем не менее в 60—80-е годы Севастополь начинает фигурировать уже как город республиканского подчинения... Украинской ССР. Однако государственно-правовых актов о передаче Севастополя из состава РСФСР в состав Украинской ССР не принималось, Севастополь оставался главной базой Черноморского флота, экономика города (судостроение, приборостроение, рыбная промышленность) замыкалась непосредственно на союзные органы в Москве, минуя Киев.

Как же могла сложиться такая поистине нелепая ситуация? Причина заключается в том, что Севастополь, государственные интересы России, Закон были принесены в жертву произволу партийной бюрократии, прикрывавшейся уставом КПСС. Несмотря на выделение Севастополя в 1948 году в отдельный административно-хозяйственный центр, подчиненный непосредственно центральным органам РСФСР, партийная организация города была оставлена в составе Крымской областной партийной организации. После передачи в 1954 году Крыма в состав Украинской ССР произошло переподчинение Крымского обкома партии (а вместе с ним и Севастопольского горкома партии) Центральному Комитету Компартии Украины. Со всеми вытекающими последствиями. В итоге российский город Севастополь стал своеобразным «довеском» в сугубо внутрипартийных манипуляциях. Противозаконность этих действий очевидна.

Урегулирование статуса Севастополя на основе законности и исторической справедливости, а не партийного устава, снимет остроту крымской проблемы, плавно переведя ее в плоскость разумного и цивилизованного компромисса. Более того, это придаст необходимый динамизм и конструктивность взаимоотношениям между Россией и Украиной во всех сферах и, главное, будет достигнут столь необходимый баланс геополитических интересов, что станет основой внутренней стабильности и России, и Украины.

Крым

Сергей Усов,
капитан 3 ранга,
кандидат исторических наук

«... Удушье, которое длилось годами»

(«Родина», № 4, 1992)

Я глубоко признателен Вадиму Алексеевичу Черных за отклик на мою статью, комментирующую стихи Анны Ахматовой («Родина», 1992, № 4), и, испросив согласие автора, охотно передаю его письмо для публикации. Суждения В. А. Черных тем более ценны для меня, что, будучи давним и стойким приверженцем трагедийной музы великого поэта, я и в мыслях не держал считать себя текстологом, каковым является автор письма. С благодарностью принимая замечания и уточнения к моей версии, «правильной по существу», убежден: не менее, чем мне, они будут полезны и интересны читателям.

В. Оскоцкий

Уважаемый Валентин Дмитриевич!

Прочитал в «Родине» публикацию «...Удушье, которое длилось годами» с Вашим послесловием и не могу не высказать несколько холодных наблюдений и горестных замет по этому поводу.

1. Четыре стихотворения, извлеченные ныне Е. Улько «из собрания ЦХСД», были в 1950 году напечатаны в журнале «Огонек» (№№ 14 и 36). В этом ведь была вся суть «мероприятия»: <u>писать</u> эти стихи Ахматовой было совсем не обязательно, а вот <u>напечатать</u> — необходимо. В публикации же они представлены так, будто печатаются впервые.

2. Если принять на веру дату письма Ахматовой Эренбургу — 27 октября 1949 г., то рушится Ваша версия о том, что вся эта акция была предпринята Ахматовой для того, чтобы спасти сына, «отбывавшего в то время третий лагерный срок». В октябре 1949 года Лев Николаевич был еще на свободе. Арестовали его 6 ноября 1949 г., а отбывать лагерный срок он стал после приговора ОСО, вынесенного 13 сентября 1950 г. (на 10 лет лагерей строгого режима). Думаю, что письмо Ахматовой Эренбургу (в копии, посланной в ЦК) было сознательно датировано задним числом, чтобы замаскировать действительную причину его написания. Даты остальных документов цековского «дела» не только не противоречат, но скорее подтверждают это предположение. Во всяком случае, стихотворения, озаглавленные «21 декабря 1949 года» и «1 января 1950 года», вряд ли могли быть написаны до 27 октября 1949 г. Отметить все это, мне кажется, было необходимо, чтобы не подставлять под удар Вашу версию, правильную по существу.

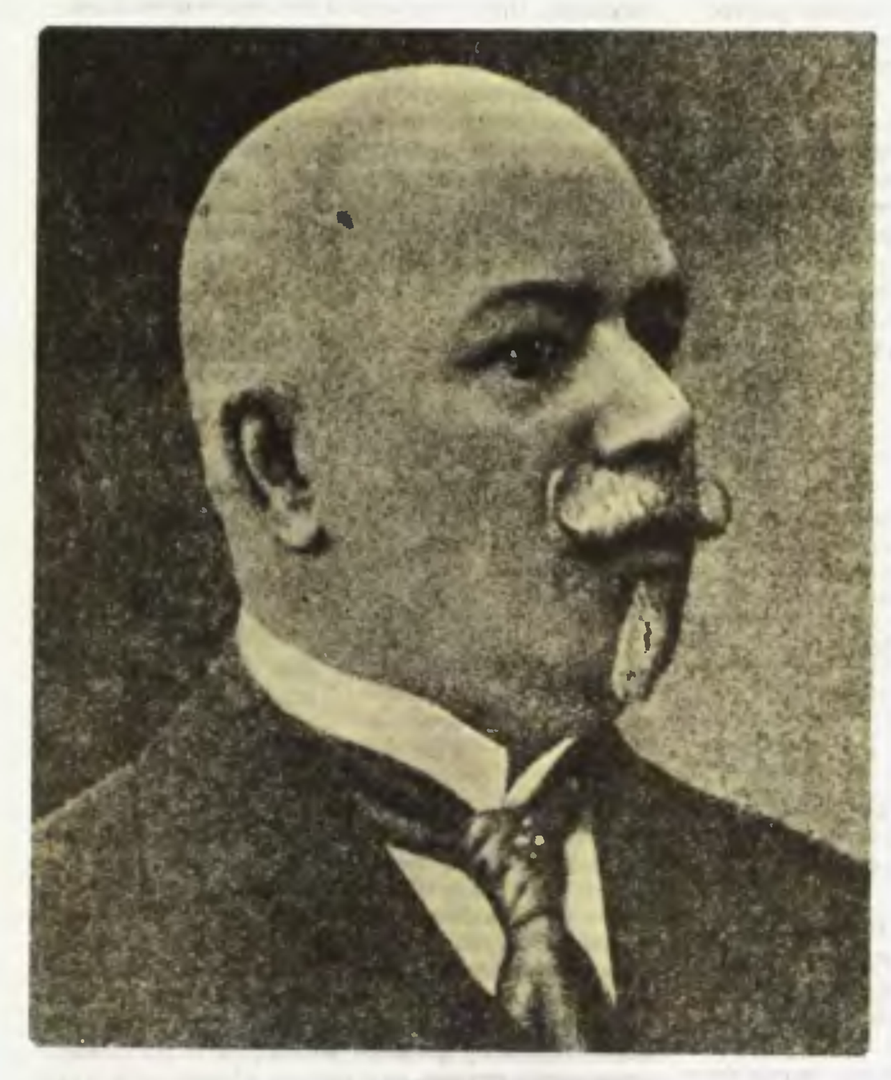
3. Нет достаточных оснований, чтобы утверждать с такой уверенностью, как это сказано в Вашей статье, что стихи из цикла «Слава миру» целиком написаны, то есть сочинены Анной Ахматовой. Не существует автографа ни одного из этих стихотворений. Нет никаких свидетельств на этот счет ни самой Ахматовой, ни мемуаристов. Но есть свидетельства того, что Ахматова, во всяком случае, не была единственным автором этих текстов. Верные друзья пришли ей на помощь. См., например, письмо Ахматовой Н. И. Харджиеву: «...Сегодня звонили из «Огонька», надо изменить один стих. Хочу Вашего совета. Жду...». (Вопр. лит., 1989, № 6, с. 243). Нечего и говорить, что Ахматова не спрашивала ничьих советов по поводу тех стихов, которые писала сама. Даже А. А. Сурков, редактировавший (а вернее — составлявший) сборник стихотворений Ахматовой 1958 года, не посмел включить в него стихи из цикла «Слава миру». Все, стало быть, не так просто. Степень авторского участия Ахматовой в создании этого цикла остается неясной. Поэтому большинство текстологов — от В. М. Жирмунского до Вашего покорного слуги — не включают этот цикл в посмертные собрания произведений Ахматовой. М. М. Кралин, решивший нарушить в своем издании эту традицию, вызвал резкую, но, по-моему, справедливую отповедь на страницах «Независимой газеты» (№ 1, 21.12.90).

4. Вы пишете: «Анна Ахматова лишь подтвердила общий закон: искусство никому не прощает неискренности...». Мне представляется, что Ахматова сознательно стремилась к тому, чтобы «художественный уровень» этих текстов был как можно более низок, чтобы никто из литературно грамотных читателей — ни тогда, ни потом — не поверил, что Ахматова является подлинным автором этих виршей. «Конвоиров ее музы» ей, по-видимому, обмануть не удалось. Во всяком случае, участи сына эти стихи не облегчили. Но, оказывается, сорок лет спустя «читатели в потомстве» готовы принять на веру ее авторство этих стихов и даже перепечатывать их... Это грустно. Нельзя не вспомнить в этой связи слова Ахматовой: «Современное литературоведение невозможно без критики источников» (Лит. обоз., 1989, № 5, с. 15).

С неизменным уважением к Вам и Вашим трудам

Вадим Алексеевич Черных

ПЕРВЫЙ РУССКИЙ КИНОРЕЖИССЕР

Сейчас вы прочтете очерк кинопромышленника Александра Ханжонкова о первом русском кинематографисте Василии Михайловиче Гончарове.

За семь лет работы в кино (умер Гончаров в 1915 году в возрасте 54 лет) им создано самостоятельно и в соавторстве 33 фильма. Ему, как сценаристу, принадлежит честь создания первого отечественного игрового восьмиминутного фильма «Стенька Разин» («Понизовая вольница») — экранизация популярной песни «Из-за острова на стрежень».

Гончаров, как и Ханжонков, стоял у самых истоков русской кинематографии. В те годы мало кто рассматривал кино как искусство, относя «живую фотографию» к аттракциону, забаве. Вспомним строки Блока (1909 год):

Искусство — ноша на плечах,
Зато как мы, поэты, ценим
Жизнь в мимолетных мелочах!
Как сладостно предаться лени,
Почувствовать, как в жилах кровь
Переливается певуче,
Бросающую в жар любовь
Поймать за тучкою летучей
И грезить, будто жизнь сама
Встает во всем шампанском блеске,
В мурлыкающем нежно треске
Мигающего cinema!

Такому кинематографу отдал дань и Гончаров, поставивший по своему сценарию «Жизнь как она есть» (сюжет: измена жены доводит мужа до гибели).

Однако вскоре Гончарова привлекает русская классика и история. Он осуществляет киноиллюстрации по «Евгению Онегину», «Преступлению и наказанию», «Вию», ставит совместно с режиссером П. Чардыниным фильм «Воцарение дома Романовых» и самостоятельно — «Ермак Тимофеевич — покоритель Сибири», «Смерть Иоанна Грозного», пишет сценарий фильма «Петр Великий».

Лучшей работой Гончарова стала картина «Оборона Севастополя» (снятая совместно с Ханжонковым), вошедшая в историю отечественной кинематографии как первый русский полнометражный художественный фильм, отмеченный рядом выдающихся достижений (батальные съемки, уровень актерского исполнения, введение в игровой фильм документальной съемки ветеранов Крымской войны).

Фильм «Оборона Севастополя», как и ряд других картин, в создании которых принимал участие В. М. Гончаров, сохранились и донесли до нашего времени дух одного из верных служителей отечественного кино.

МАРК ВОЛОЦКИЙ,
киновед

АЛЕКСАНДР ХАНЖОНКОВ

Дореволюционная русская кинопромышленность прошла через два периода: довоенный, в котором она зародилась и делала свои первые шаги, и военный, в котором она расцвела и стала на ноги. До мировой войны картины отечественного производства составляли жалкий (и по количеству, и по качеству) придаток при заграничных картинах, а во время войны — наоборот — заграничные картины, вследствие закрытия границ, составляли придаток при русских, заполнивших все экраны нашей воюющей страны.

Так вот, самой характерной и красочной фигурой первого периода был заведомо Василий Михайлович Гончаров.

Впервые это имя появилось в кинематографии осенью 1908 года в связи с выпуском А. О. Дранковым картины «Степан Разин» (или «Понизовая вольница»), вдохновителем постановки и творцом сценария которой и был упомянутый выше Гончаров. Картина — и по замыслу, и по исполнению — была бесконечно слаба, но так как она стала первой «сюжетной» русской картиной (видовые были и ранее), то на ее долю выпал исключительный, прямо сногсшибательный успех.

В то время я, как представитель нескольких заграничных кинофирм, уже занимал на русском рынке определенное положение и мечтал заняться собственным производством: под моею конторою (Москва, Тверская, 26) уже была оборудована лаборатория, имелся хороший оператор (инж. Сиверсен); не хватало только человека, хорошо знакомого с постановочным делом...

Но на ловца и зверь бежит. Както утром мне доложили, что меня желает видеть Гончаров; само собою разумеется, что ждать ему приема долго не пришлось.

Ко мне в кабинет вошел человек среднего роста и средних лет, в сером, поношенном, но тщательно разглаженном костюме, с гладко выбритой головой и щеками. На его закрученных усах и бородке «клинушком» виднелась уже проседь. Он производил впечатление провинциала, желавшего выглядеть столичным жителем.

«Первый русский режиссер исторических картин для синематографов — Гончаров», — отрекомендовался он; причем только одно слово «для» из этого длинного титула было произнесено совершенно правильно, остальные же слова с буквой «р» оставляли желать много лучшего.

Он немедленно вручил мне свою визитную карточку, на которой ранее фамилии значилось: член О-ва литераторов и ученых в России, член О-ва музыкантов и композиторов, член О-ва Красного Креста и еще член общества пострадавших от каких-то, не упомню, несчастий...

Все это, вместе взятое, произвело на меня какое-то юмористическое впечатление, и мне было очень трудно слушать с серьезным лицом его жалобы на «Дланкова, углобившего Лазина по пелвому лазляду». «Никаких эмоций, никаких пележиваний, — разливался Гончаров, — одно только я и слышал от этого, извините за выражение, «фабриканта»: «крути да крути — сойдет».

Когда я немного привык к дефектам произношения своего собеседника и мог уже без улыбки смотреть ему в лицо, я обратил внимание на его какие-то странные глаза: карие, небольшие, глубоко сидящие, они вспыхивали при волнении огоньком фанатика или гипнотизера и совершенно меркли, когда речь переходила на обыденные темы.

Так или иначе, но Гончаров произвел на меня впечатление, во-первых, человека, знающего, чего он хочет, а во-вторых, крайне увлекавшегося кинематографией, а этого было уже достаточно, чтобы его предложение поработать в моей фирме увенчалось полным успехом.

Надо сказать, что репутация кинематографии того времени была крайне неважной, поэтому Гончарову поначалу было очень трудно оправдать свои обещания о привлечении лучших московских артистов к участию в съемках для синематографа. Много раз возвращался он в контору расстроенный и сконфуженный по получении отказа от артистов императорских театров, затем от театров Незлобина, Зимина, Корша и др. Все они отклоняли заманчивые предложения Гончарова под самыми благовидными предлогами и упорно уклонялись от прикосновения к зарождающемуся в те времена русскому киноискусству. Как ни странно, но главным «жупелом» в этом деле был дранковский «Стенька Разин» — «детище» того же Гончарова, виденное уже на экране и произведшее такое отталкивающее впечатление.

Первым из театров, откликнувшихся на наш призыв, был Введенский народный дом в Лефортове. Труппа артистов в нем была большая и прекрасно подобранная; но часть этой труппы во главе с режиссером Дорониным категорически отказалась «профанировать» театральное искусство на экране. Остальные же артисты — и, на наше счастье, лучшие — изъявили страстное желание ознакомиться с этим новым «собратом» театра.

Вот с этого момента и началась режиссерская деятельность Гончарова. В конторе мы его почти не видели, а когда он появлялся, то был необыкновенно важен и озабочен. На вопрос, как идут дела в Введенском народном доме, он гордо отвечал: «Что ж, материал хороший, но сырой, его надо как следует еще обработать...» А иногда он добавлял что-нибудь в таком роде: «Пластика с мимикой уже пройдены, осталось самое главное — эмоции и переживания...» Не скрою, что подобные сообщения нам, не искушенным в этом деле, сильно импонировали.

Для первых постановок были избраны, по специальности нашего режиссера, сюжеты исторические: «Песнь про купца Калашникова», «Русская свадьба в конце XVI века» и «Выбор царской невесты».

Гончаров очень просил нас не бывать в народном доме до гене-

Кадр из фильма «Оборона Севастополя»

ральной репетиции, пока он совершенно не закончит все подготовительные работы. Он, видимо, решил поразить нас новизною ожидаемого нами зрелища. И должен признаться, это удалось ему полностью — на все 100%.

Произошло это так: когда я с оператором Сиверсеном и еще несколькими лицами, причастными к этому делу, в одно долгожданное утро расселись, по приглашению Гончарова, в первом ряду партера, занавес взвился. На сцене находились все артисты, занятые в предстоящих съемках. Наш Гончаров, как конферансье, отделился от них, подошел к рампе и громким голосом объявил: «Сцена такая-то из пиесы (он так произносил это слово) такой-то, исполняют артисты такие-то и такие-то». С легким поклоном он отошел в глубь сцены и оттуда, похлопав в ладоши, воскликнул: «Внимание! Мы начинаем».

Перед нашими глазами прошел ряд сцен, все они представляли какую-то цирковую пантомиму в бешено ускоренном темпе: артисты, загримированные, в прекрасных боярских костюмах, по звучным репликам Гончарова, без малейшей заминки, подходили, уходили, целовались, плакали и даже умирали с такою поспешностью, будто бы на все это злою судьбою им была отпущена самая незначительная часть нормального времени.

С подобной трактовкой игры согласиться было невозможно, а потому и произошло, по выражению Гончарова, первое нарушение его режиссерских прерогатив...

Из расспросов артистов я узнал, что репетиции производились по секундомеру и что нашему режиссеру пришлось много потрудиться, пока вся труппа набрала нужные по скорости темпы и освоила их.

Съемки пришлось отложить на некоторое время и приняться за отучивание актеров от усвоенных ими поспешных движений.

Василий Михайлович сначала закапризничал и категорически отказался участвовать в этой дискредитирующей его режиссерское звание работе, но потом смягчился и, взвалив всю вину на французскую школу, начал разрабатывать ее «русский вариант» (он имел большое пристрастие к высокопарным выражениям).

Наконец, все трудности так или иначе были преодолены, и мы приступили к съемкам. Они прошли сравнительно гладко, если не считать некоторых заминок, в связи с неожиданными «коррективами» режиссера. Например, в разгар съемки «Русской свадьбы» исчезает исполнительница главной роли — Александра Васильевна Гончарова, однофамилица режиссера (на нее, как на самую миловидную из молодых артисток народного дома, и была возложена роль невесты). После некоторых розысков нахожу ее в уборной комнате — растерянно стоящую с огромным полотенцем в руках и обильными слезами на глазах. На мой вопрос, почему она не идет сниматься, она после долгой паузы с необыкновенным смущением отвечает, что должна раньше выполнить особое распоряжение режиссера... После многих наводящих вопросов мне наконец удалось вскрыть мучавшую ее «тайну» — оказывается, ее мудрый однофамилец почему-то нашел, что она в своем естественном виде недостаточно «импозантна» для русской боярышни, а потому и должна вот этим самым полотенцем восполнить на груди своей недостающее... то есть разместить его соответствующим образом под лифчиком, и вот это ей, несмотря на все старания, никак не удается.

Само собою разумеется, что я немедленно освободил ее от выполнения этой режиссерской «директивы» и попросил возможно скорее идти на съемку в ее натуральном, к слову сказать, очень грациозном виде. Василий Михайлович опять начал распространяться по поводу «попрания» его режиссерских прерогатив, но это было уже не ново.

Было бы совершенно несправедливо освещать деятельность Гончарова только с юмористической стороны, — наоборот, многие его указания были весьма толковые и принесли большую пользу делу. Так он распорядился, во избежание возможного ухода тогда еще малоопытных исполнителей из поля зрения объектива, набить по полу сцены светлые бруски, точно обозначавшие границы действия; он же рекомендовал артистам двигаться во время съемки по диагоналям относительно аппарата; и еще он запретил оглядываться на подающих реплики и смотреть в объектив и т. д. и т. п. Да и самый почин Гончарова с Введенским народным домом, на сцене которого произошло первое в России знакомство театра с кинематографом, был очень удачен: там мы обрели основное ядро нашей кинотруппы. Артисты, участвовавшие в первых картинах, в течение многих лет, под руководством как Гончарова, так и других режиссеров, снимались с большим успехом в целом ряде наших постановок... Благодаря этому же почину моя фирма обогатилась и таким артистом, как Иван Ильич Мозжухин, и таким режиссером, как Петр Иванович Чардынин.

...Заканчивалась съемка «Ермака», Сибирь была уже покорена, и оставалось лишь возможно удачнее потопить самого покорителя. В сценарии это историческое событие описывалось так: «Проложив себе путь среди бесчисленных татар мечом к Иртышу, Ермак бросается с берега и под тяжестью пожалованных ему Иваном Грозным доспехов тонет в его бурных волнах». Роль Ермака исполнял актер Чардынин. В латах, панцире и шлеме, с огромными усищами и бородой, наш щупленький и бритый Петр Иванович удачно являл грозную фигуру легендарного покорителя Сибири.

Был чудный солнечный день. Необыкновенно красочно выглядел на берегу пруда цветной шатер Ермака, а также вблизи его расположенная группа казаков, дремлющих у потухающего костра. Татары, притаившиеся за кустами, были невидимы. Все было готово к съемке. Ермаку, наспех докуривающему папиросу у съемочного аппарата, Гончаров нашептывал: «Ты, Петр Иванович, смотри, не подгадь — руби татарву с плеча: меч твой деревянный, а у них ведь ватники; главное, не забудь вынырнуть в последний раз и погрозить на берег кулаком: этим нюансом мы покажем всю неукротимость Ермакова нрава...»

«Ладно, ладно, все знаю», — ответил Чардынин, бросая окурок в траву и направляясь в шатер к своему предсмертному ложу.

Надо сказать, что, несмотря на всякие «рогатки» с нашей стороны, на съемки проникало множество посторонних зрителей. И в данном случае позади съемочного аппарата скромненько сгруппировались вне поля зрения и шепотом делились между собой впечатлениями хозяева арендуемого участка со своими родными и знакомыми и еще родные и знакомые наших артистов, а также весь отснявшийся персонал. Когда же раздался голос режиссера: «Внимание, начинаем!» — все замолкли и даже перестали шевелиться. Свои реплики Гончаров подавал таким зычным голосом, что, находясь даже за пределами участка и не видя съемок, можно было легко догадаться, что происходит перед киноаппаратом. «У Ермака кошмар, он тревожно ворочается во сне... Петр Иванович, вздохни поглубже и вороти голову к аппарату! — вопил наш Василий Михайлович. — Татары выползают из кустов... Передовой татарин, держи крепче кинжал в зубах, а то он выпадет... Казаки у костра куняют носом... Татары окружают их. Короткая схватка... Больше жизни! Коли спящих, души не спящих! Так, так! Эй, там, старший, умирай поскорее!.. Второй отряд татар, выползайте: охрана уничтожена, окружайте шатер... Скальтесь больше — зубов не видно... Руби направо, коли налево! Так! Прокладывай себе путь к Иртышу!.. Татары, быстрее падайте и умирайте без задержки: некогда тут с вами возиться. Не мешайте Ермаку отступать к пруду... Ермак, бросайся в воду...»

Несмотря на эти смехотворные реплики, происходящее зрелище захватило присутствующих, и между ними царила тишина, нарушаемая лишь треском съемочного аппарата да всплесками плывущего Ермака. «Боюсь, пленки не хватит», — услышал я зловещий шепот оператора. Я взглянул на пруд — там было все в порядке: Ермак уже погружался в бурные воды Иртыша, и на тихой поверхности пруда колыхался лишь шишак его шлема. Но ведь еще осталось отснять проклятие Ермаком своих врагов... В страшной тревоге я наклонился к аппарату, чтобы по метрометру проверить количество отснятой пленки, и вдруг слышу взрыв гомерического хохота. Смеялись все — и присутствующие, и снимающиеся; даже сам оператор, перестав вертеть ручку аппарата, заливался смехом... Гончаров замер в ужасе с раскрытым ртом и поднятыми руками... Когда я глянул на пруд, куда были обращены все взоры, то тоже не смог удержаться от приступа смеха: у Ермака в воде отклеилась борода с усами, и вот из-под огромного шлема выглядывал наш бритый Чардынин и посы-

Кадр из фильма «Понизовая вольница». 1908

лал проклятия не погибшим его татарам, а самому режиссеру.

Все хорошо, что хорошо кончается. Ермак потонул у нас по всем правилам, а остального можно и не показывать.

После вышеописанного «Ермака» Гончаров поставил еще ряд картин: «Ванька–ключник», «Боярин Орша», «Чародейка», «Мазепа», «Русалка» и проч.

Наивность и примитивность этих постановок прямо вопияла: достаточно сказать, например, что центральную декорацию в картине «Русалка» — мельницу — заменяла дачная купальная!

Все, заинтересованные в деле, критиковали подобную работу, возмущались ею и прекрасно понимали, «что не надо делать», чтобы уйти от этой жуткой халтуры, но «как надо это делать» — никто еще не знал, а потому приходилось мириться с нею.

Петр Иванович Чардынин, первым из всех пришедших из театра в кино, заинтересовался техникой этого нового дела, обдумывал каждое положение и сплошь и рядом не соглашался с указаниями Гончарова.

Я давно уже подбивал Чардынина взяться за самостоятельную постановку, но он под разными предлогами отклонял мои предложения, видимо, не уверенный еще в своих силах. Наконец, этим летом мне удалось уговорить Чардынина взять на себя постановку бытовой драмы «Власть тьмы» по Л. Толстому. Я был в полном восторге от этого столь необходимого для дела события и не предполагал, что оно будет так чревато последствиями. Гончаров пришел прямо в негодование и поставил мне такого рода ультиматум: «Или Василий Михайлович Гончаров будет один ставить картины у Ханжонкова, или он их совсем у него не будет ставить». Мои уговоры, что «Власть тьмы», как чисто бытовая картина, не подходит под его специальность исторического постановщика, не имели успеха, и Гончаров со слезами обиды на глазах и со словами: «Мой девиз — или все, или ничего», — покинул мою контору.

К началу сезона 1909 года, т. е. как раз в описываемое мною лето, моя молодая фирма завоевала себе на русском кинорынке уже определенное положение и вступила в острое соревнование с фирмою «Бр. Патэ», привыкшей до сего времени считать себя в России монополистом. Главным же моим козырем в этой игре были картины своего производства, ибо фирма Патэ русских картин не производила и производить не собиралась... Принимая все это во внимание, можете себе представить, какое впечатление произвел совершенно неожиданный анонс «Бр. Патэ», что в ближайшее время ими будет выпущена в постановке известного русского режиссера Василия Михайловича Гончарова картина «Ухарь–купец». Это был удар грома с совершенно безоблачного неба. Главная же беда заключалась в том, что предположение увидеть очередной гончаровский середняк в патэевском издании не оправдалось: картина «Ухарь–купец» по тем временам была вполне приличная и прошла по всей России с большим успехом.

Вскоре стало известно, что при постановке следующей картины, «Вий», Гончаров поссорился там с дирекцией и покинул фирму Патэ, не потерпевши нарушения своих режиссерских «прерогатив». Некоторые шутники утверждали, что теперь непоседливому Василию Михайловичу остается лишь возвратиться к своему «крестному папаше» Дранкову и там стряпать боевики а ля «Стенька Разин».

Каково же было всеобщее удивление, когда заграничная фирма «Гомон», несмотря на закончившийся уже постановочный сезон, вдруг объявила среди зимы о выпуске ею русской картины «Генерал Топтыгин» под режиссурой того же, если и не знаменитого, как было указано в анонсах, то во всяком разе чрезвычайно известного уже Василия Михайловича Гончарова.

После «Генерала Топтыгина» последовали его постановки самых разнообразных жанров: «Жизнь Пушкина», «Преступление и наказание», какая-то еще «Пасхальная картина» и т. п. Картины эти, поставленные, видимо, без всякого подрыва режиссерских прерогатив, были одна хуже другой, а все же этот гончаровский фейерверк у «Гомона» нанес огромный ущерб как моей фирме, так и «Бр. Патэ».

К концу 1910 года стало известно, что Гончаров ушел и от «Гомона». Я был уверен, что, совершив полный цикл своих режиссерских странствований по всем существовавшим тогда кинофирмам (Дранков, Ханжонков, Патэ, Гомон) и оставшись всеми ими недовольным, он возвратился к своей основной профессии — железнодорожника.

Каково же было мое удивление, когда в одно, как говорят, прекрасное утро в начале 1911 года мне передали записку такого содержания: «Василий Михайлович Гончаров просит срочно принять его по неотложному и совершенно конфиденциальному делу». Передавший записку на словах добавил, что господин Гончаров очень торопятся...

Кадр из фильма «Русская свадьба XVI столетия»: В. Степанов (отец), А. Пожарская (мать) и А. Гончарова (невеста)

«Что вам от меня, наконец, угодно?» — спросил я Гончарова. «Только дело чрезвычайной важности в историческом значении могло заставить меня побеспокоить вас», — ответил он с виду очень спокойно, но с загоревшимися в глубине его глаз столь знакомыми мне огоньками. И, как заученный урок, начал выкладывать приблизительно следующее: «Русская синематографическая промышленность, которой ваш покорный слуга поклялся служить до гробовой доски, достигла в настоящее время такого развития, что может быть признана даже с высоты царского трона! Это высочайшее признание, изволите ли видеть, откроет перед синематографом величайшие перспективы и может дать, с Божьей помощью, глубочайшие результаты. Но при единственном и непременном условии...» Тут мои нервы не выдержали, и я невольно прервал доклад Гончарова: «Бросьте, Василий Михайлович, всякие «высочайшие, величайшие и глубочайшие» эпитеты и говорите прямо: почему вы не обратились с вашими новыми планами в одну из конкурирующих со мною фирм, а именно ко мне?» Гончаров без малейшей паузы и честно ответил: «Да потому, что вы стоите во главе русской фирмы, конкурирующие с вами фирмы — не русские, — значит, без вас мне никак не обойтись».

Такой откровенностью он обезоружил меня, и я попросил его продолжать.

Из дальнейшего повествования я узнал, что он задумал добиться у самого царя, который очень интересуется синематографом, «высочайшего соизволения» на постановку какой-либо исторической картины небывало крупного масштаба и этим принести пользу как нашей фирме, так и всей кинопромышленности, которая до сих пор находится, так сказать, в загоне.

Словесный наш договор с Гончаровым был очень краток: я даю на предстоящие по делу расходы нужную сумму и доверенность на ходатайства от моего имени, а он обязуется или возвратиться в месячный срок с дворцовым разрешением на постановку картины «Оборона Севастополя», или вообще никогда не возвращаться в нашу контору.

Получив деньги и подписанные мною бумаги, Гончаров удалился. Мои компаньоны не без ехидства поздравили меня с выбором такого удачного способа раз и навсегда расстаться с Гончаровым.

Не прошло еще и месяца, т. е. ранее условленного срока была получена от Гончарова из Петербурга огромная, сногсшибательная телеграмма о полном успехе: не только войска и нужные флотские единицы предоставлялись в распоряжение Т/дома «А. Ханжонков и К°», но всюду по империи мы могли рассчитывать на полное содействие и помощь от властей в постановке взятой под высочайшее покровительство картины.

В костюмерной мастерской Пинягина Гончаров отобрал напрокат целый вагон (в прямом смысле) обмундирования для всех «двенадце-

сяти языков», осаждавших некогда Севастополь; в пиротехническом заведении он, после многих предварительных испытаний, заказал несколько тысяч бомб, долженствующих безвредно и легко взрываться, давая лишь зрительные эффекты... А бутафория, а реквизит, а оружие! Сколько со всем этим было хлопот и треволнений.

Как организатор, Гончаров в этом бесконечно трудном и не имевшем еще прецедентов деле показал высокий класс: и энергия, и распорядительность, и экономия его были вне всякой критики; но зато как литератор и создатель исторического сценария он, увы, совершенно не оправдал возлагаемые на него надежды. Он упорно отказывался познакомить со своим произведением по частям, чтобы «не расхолаживать слушателей», работал над ним таинственно и долго и лишь перед самым выездом в Севастополь показал его «в законченном виде». Это был набор из отдельных военных и бытовых эпизодов, не имевших между собой никакой внутренней связи: «Бои на реке Альма» сменялись «Подвигами матроса Кошки», «Потопление кораблей» — «Танцами на бастионе», «Смерть адмирала Нахимова» — «Штурмом Малахова кургана», и т. д. и т. п. Необходимость каждого эпизода Гончаров отстаивал с пеной у рта. За изъятие мною варварской (по натурализму) сцены, в которой раздробленную снарядом ногу бригадного генерала отпиливают в лазарете под хор песенников (вместо хлороформа), автор потребовал, в качестве компенсации, включения восточного балета в сцену «Прием у турецкого посланника». Хоть балет был ни к селу ни к городу, пришлось согласиться.

Тогда еще не имели представления о монолитно цельном в смысловом отношении сценарии, а потому и пришлось примириться, за внесением некоторых поправок, с этим образцом произведения первого русского по историческим картинам режиссера.

Когда сценарий был закончен и отправлен на утверждение цензуры, а также одобрение дворцовой канцелярии, Гончаров выехал в Севастополь. Чуть ли не обратной почтой были получены от нашего маститого передового в высшей степени отрадные известия: власти, мол, ждут нас с нетерпением; войск в Севастопольском гарнизоне — для наших целей — хоть отбавляй, а главное, среди местных и приезжих артистов мы можем иметь исполнителей на все без исключения роли... Учитывая неисправимую оптимистичность Гончарова, я все же пригласил двух артистов (Громова А. А. и Семенова Н. Т.) в качестве помощников режиссера, но с условием, в случае надобности, сыграть предложенные роли.

В качестве оператора к выехавшему еще ранее Луи Форестье был добавлен А. А. Рылло. В конце мая 1911 года мы поспешили выехать на трудное и ответственное испытание.

Когда мы приехали в Севастополь, наш Василий Михайлович чувствовал себя здесь, как дома, «запросто» уже бывал у всех начальствующих лиц и выудил от них все, что ему казалось полезным в предстоящих съемках: от адмирала Гоострама — разрешение на использование не только паровых и парусных надводных судов, но на всякий случай и подводных лодок; от заведующего историческим музеем — не только право на обозрение и фотоснимки редчайших экспонатов в самом музее, но и право их вывоза из музея в дни съемок; от коменданта и начальника гарнизона — ордер на вызов войск и для съемки «Обороны Севастополя», и для работ по подготовке укреплений к таковой... И т. д. и т. п.

В первую очередь решено было ставить «Отправление паломников ко гробу господню» и «Потопление корабля», т. е. первую и одну из последних сцен по сценарию. Тогда уж перестали придерживаться обычая ставить сцены в их хронологической последовательности.

Гончаров немедленно взял хор певчих из собора и начал с ними разучивать «хоралы», с которыми паломники должны были отплыть «ко гробу господню» (по партитуре композитора Козаченко, специально написанной для «Обороны Севастополя»), а я принялся за рискованнейшее предприятие — постройку декорации корабля и укрепление ее на подводную лодку для совместного погружения в воду.

Финальные кадры фильма «Оборона Севастополя»: ветераны Крымской войны 1853—1856 гг.

...Во время съемки самой ответственной сцены картины — штурма Малахова кургана — все шло у нас гладко: офицеры с обнаженными шпагами бесстрашно шли на штурм кургана во главе своих отрядов; предназначенные быть убитыми или раненными падали на землю там, где им полагалось, а остальные, переступая через тела, несмотря на страшный огонь защитников, все ближе и ближе подходили к редутам для предполагаемой роковой схватки.

И вот, когда уже надо было заканчивать съемку, так как атакующие «со страшными потерями» отходили назад, вдруг какой-то новый отряд французских зуавов прорывается через ров к валу и мимо отступающих начинает новую атаку... Трубачи заиграли отбой. Но не тут-то было — зуавы, как сумасшедшие, ползли вверх. Второй сигнал отбоя несколько отрезвил зуавов, и они приостановились; но тут их начальник — французский генерал (в турецкой красной феске), перегнав передние ряды, закричал, размахивая саблей: «Братцы, не посрамим нашего оружия — вперед, за мною!» И повел их наверх к самым амбразурам.

Мы глазам своим не поверили, узнав в этом генерале нашего Гончарова. Когда он успел сколотить из отснявшихся солдат этот отряд добровольцев? Когда он успел сам облачиться в свою экзотическую форму? Одному Аллаху известно! Но финал штурма он нам сильно подпортил, ибо задуманная картина безлюдного вала, усеянного мертвыми телами, не удалась.

Так как риск возможных поранений солдат во время рукопашной схватки был слишком велик, то я прекратил съемку и бросился тоже наверх к атакуемому сверх программы редуту. Когда я взобрался по откосу вала, мои глаза остановились на такой картине: под самым дулом орудия французский генерал сидел на поверженном им огромном матросе-украинце и, прижимая его к земле, кричал: «За мной, братцы! Бей их! Наша взяла!» Но все «братцы», следуя сигналу, прекратили всякие военные действия и с любопытством смотрели на эту забавную сценку. А лежащий украинец с обидою в голосе взывал к благоразумию своего неожиданного врага: «Та що це такэ? Ты сказывся, чи що? Я ж тоби як гепну под грудки, так с тебе и душа выплыгне».

Но я вовремя прибыл — вместе с окружающими мы помешали и матросу «гепнуть», и гончаровской душе «выплыгнуть», так как моментально сняли разъяренного генерала с его случайной жертвы. Гончаров еще немного, в силу, так сказать, инерции, похорохорился, а меланхолический матрос, стряхивая пыль со своей одежды, шептал: «Чи вин несамовитый, або еще що?» Словом, инцидент был исчерпан. В свое оправдание наш «адмирал» говорил: «Я не мог видеть такой атаки Малахова кургана. Разве так дрались за его твердыни?.. Ну вот я и решил хоть немного поддать огня в дело... А отбоя я сгоряча и не слышал...» Ну что можно было сказать этому «фанатику от кинематографии»? Ведь он хотел только хорошего. Поистине, Василий Михайлович Гончаров был режиссер широчайшего диапазона! Как могли уживаться в одном человеке такая страсть к грубым эффектам с нежнейшей лирикой, доходящей иногда до девической сентиментальности? Прижимания рук к сердцу, глубокие вздохи и страстные поцелуи Василий Михайлович рекомендовал исполнителям ролей в своих картинах при малейшем к тому предлоге, а умение источать слезы при первой же необходимости он считал альфой и омегой киноискусства. «Ну какая же картина, если публика уходит с нее, даже не поплакав?» — обычно говорил он...

Вообще на основании приведенных мною случаев преобладания у Гончарова темперамента над его здравым смыслом отнюдь не следует делать вывода, что его деятельность была мало полезна, наоборот, он проявил много инициативы, давшей блестящие результаты. Так, он созвал в Севастополь престарелых участников Крымской кампании, и мы благодаря этому украсили картину ценными кадрами с живыми свидетелями, казалось бы такого отдаленного исторического события; он выискал композитора Козаченко, убедил его оставить свои текущие дела и заняться специальной музыкой для нашей картины, и т. д. и т. п.

Беда была лишь в том, что Василий Михайлович был врагом коллективной работы и всякий совет принимал как личное оскорбление, так, например, в компенсацию за нарушение его «прерогатив» по батальной линии пришлось гарантировать их неприкосновенность по всем остальным линиям — в постановки Гончарова никто и никак не вмешивался, и тут уж он размахнулся вовсю. Для танцев маркитанки с солдатами он пригласил одну из лучших певиц оперы Зимина; станцевала она «барыню» под гармошку хорошо, но слишком много лучше, чем причитается плясать простой маркитанке. На прием иностранных посланников он пригласил восточный балет; балет был поставлен недурно, но он никак не вязался с дипломатическими переговорами. Всех приглашенных для исполнения тех или иных ролей он лично обучал всем «эмоциям» и сам показывал, как надо играть в тех или других случаях...

Что из всего этого получилось, лучше всего, чтобы не быть пристрастным, сослаться на оценку современного историка кино Б. С. Лихачева. Вот что он пишет по этому поводу в своем труде «Кино в России»:

«Вся вина за неуспех «Обороны Севастополя» безусловно падает на режиссера. Гончаров не сумел широко развернуть грандиозную тему. Там, где шли кадры общего плана со снимками войск и батальных сцен, дело обстояло как нельзя лучше; но чуть только совершался переход на камерные сцены — картина оказывалась ниже всякой критики...»

Однако автор не замалчивает и достоинства картины:

«Костюмы были строго выдержаны, типаж тщательно подобран, в массовых сценах было занято действительно громадное количество народа. Такой картины, как «Оборона Севастополя», русское производство еще не видало». Что касается ее значения, то автор прямо говорит, что «наше производство вступило с этим фильмом на новую ступень своего развития» и что «этот фильм открыл новую эпоху в истории русской кинематографии».

Таким образом, Гончаров — инициатор и создатель этой картины, вполне оправдал свои обещания принести пользу не только нашей фирме, но и всей русской кинематографии.

Рубрику ведет
кандидат исторических наук
ВЛАДИМИР НИКИТИН

В предместьях Ленинграда

Александр Беликов

Холодным зимним днем 1942 года на улицах Ленинграда было немноголюдно. Одинокие прохожие медленно брели по заснеженным улицам, неторопливо и с явным усилием перелезали через сугробы. Многие тащили за собой санки. Блокадной зимой простые детские санки оказались незаменимым транспортным средством — на них перевозили нехитрый скарб, бидоны с водой, дрова, а иногда и покойников.

Пожилая, закутанная в несколько платков женщина мало чем отличалась от других людей, бредущих в этот день по улицам города. Она медленно прошла по одной из линий Васильевского острова, свернула на Университетскую набережную. Женщина часто оборачивалась — смотрела, не сползли ли с санок картонные коробки, неумело перевязанные бельевой веревкой. Она миновала университетские здания, прошла мимо Академии наук и остановилась у служебного входа в Кунсткамеру — первый музей России (теперь там располагается Музей этнографии и антропологии).

Ей долго не открывали: видно, и у вахтера не было сил дотащиться до дверей. Вдвоем они перетащили привезенный женщиной груз. Так в обширной коллекции музея оказалось несколько сотен негативов, сделанных Александром Анатольевичем Беликовым.

Материалы, привезенные в музей вдовой фотографа, были сняты им во время экспедиции, организованной известным ученым-этнографом Д. А. Золотаревым. До него считалось, что этнография — это наука о прошлом, а жизнь современников, как правило, оказывалась вне поля зрения ученых. Золотарев же предпринял попытку описания состояния современной деревни. Александр Анатольевич Беликов, которому ученый предложил принять участие в экспедиции, с радостью согласился. Учитель географии Беликов был к тому же страстным фотолюбителем.

Летом 1925 года они в составе этнографо-антропологической экспедиции, организованной Географическим институтом, отправились в пригородные районы Ле-

И-1228-656

нинграда: в село Никольское, населенное преимущественно русскими, в слободу Антропшино и соседнюю с ней финскую деревню Ванга-мыза. За полевой сезон фотографом было сделано несколько сот снимков, на которых запечатлены жилища, домашняя утварь крестьянских домов, технология строительства рубленых домов, резная декоративная отделка. Ученых интересовало все: устройство крестьянского хозяйства, обстановка дворов, особенности жизни в зависимости от географических и климатических условий...

Помимо чисто прикладной съемки, представляющей прежде всего интерес для исследователей, Александр Анатольевич снимал портреты, жанровые сценки. По результатам поездок Беликовым было организовано несколько выставок в Университете, Географическом институте, Академии наук. Самой необычной была экспозиция на месте съемок — в селе Никольском. Люди приходили посмотреть на себя и своих соседей, с любопытством разглядывая знакомые места, столь непривычные взгляду на фотографиях. Не обошла вниманием выставку и пресса, писавшая о «первой краеведческой выставке в советской деревне». Только что организованный журнал «Советское фото» отмечал скрытые возможности «светописи на службе изучения современной деревни».

Совместная деятельность Д. А. Золотарева и А. А. Беликова обещала быть плодотворной. Обсуждались предстоящие экспедиции в новые регионы страны. Однако задуманному не было суждено осуществиться: в начале тридцатых начались репрессии, и ученый был арестован. Пропал интерес к съемкам и у Беликова. Отснятый им материал на долгие годы выпал из научного оборота.

...Блокадной зимой 1941 года Беликов умер. Опасаясь за сохранность негативов, его вдова передала весь материал музею.

Примечание автора: *материал подготовлен при содействии А. И. Терюкова.*

Редакция благодарит А. И. Терюкова за помощь в организации этой темы фоторубрики.

БАНКИРЫ – ДЕТЯМ

Такое желание не случайно: учебники и пособия по истории устарели, а ждать новых придется не один год. Вот почему в сложившейся ситуации журнал Верховного Совета Российской Федерации «Родина» выступил инициатором создания благотворительного фонда по поддержке исторического образования в России.

В редакции собрались руководители крупнейших банков страны. В их числе: председатель правления Промстройбанка Яков Николаевич ДУБИНЕЦКИЙ, президент Межэкономсбербанка Владимир Алексеевич ХОРХИН, председатель правления Диалог-банка Петр Владимирович ДЕРБИ, председатель правления Автобанка Наталья Алексеевна РАЕВСКАЯ, председатель правления Авиабанка Михаил Иванович ФРАНЦКЕВИЧ, вице-президент Мосбизнесбанка Алексей Михайлович ИВАЩЕНКО, вице-президент Межэкономсбербанка Сергей Сергеевич ШТАРЕВ, первый заместитель председателя правления Внешторгбанка Валерий Михайлович ТЕЛЕГИН, первый заместитель председателя правления Россельхозбанка Юрий Владимирович ТРУШИН, начальник управления рекламы и связей с общественностью Инкомбанка Юрий Павлович ОЛЕЙНИКОВ, начальник отдела Благотворительного фонда Уникомбанка Светлана Николаевна НОВИКОВА.

Во встрече приняли участие министр народного образования России Евгений Викторович ТКАЧЕНКО, председатель подкомитета по печати Верховного Совета России Игорь Юрьевич ЕРЕМИН, председатель подкомитета по народному образованию Верховного Совета России Алтай Николаевич ПИЧЕ-ООЛ, заместитель министра народного образования России Александр Григорьевич АСМОЛОВ, учительница истории 16-й московской школы Галина Владимировна ЗАЛИВАКО.

И представители финансовых кругов, и народные депутаты России, и руководители Министерства народного образования горячо поддержали инициативу журнала о совместном создании благотворительного фонда по поддержке исторического образования в республике. Уверены, руководители не только этих банков готовы помочь российским школам. Мы призываем всех предпринимателей помочь детям в благородном деле — изучении истории Отечества — и в качестве первого шага осуществить совместную благотворительную акцию: «Каждой российской школе — бесплатную подписку на российский исторический журнал «Родина». По вашему желанию редакция подпишет на журнал школы тех регионов или областей, какие вы укажете.

В благодарность редакция журнала гарантирует вашему банку, предприятию, фирме, бирже бесплатную рекламу.

Сдано в набор 11.11.92. Подписано к печати 29.01.93. Формат 84x108 1/16. Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 13,44. Усл. кр-отт. 75,8. Уч.-изд. л. 25,21. Тираж 55000 экз. Заказ №286. Цена в розницу договорная, 25 руб. по подписке.
Адрес редакции: 121877, Москва, проспект Новый Арбат, д. 19. Телефон: 203-60-25.
Типография издательства «Пресса». 125865, ГСП, Москва, А-137, ул. «Правды», 24.

РОССИЙСКИЕ БАНКИРЫ РЕШИЛИ ПОМОЧЬ ШКОЛЬНИКАМ В БЛАГОРОДНОМ ДЕЛЕ – ИЗУЧЕНИИ ИСТОРИИ ОТЕЧЕСТВА.

На снимке: некоторые из гостей редакции, которых успел сфотографировать наш фоторепортер. Для банкиров время дорого, и не все из них смогли дождаться начала съемок.

ШКОЛЫ РОССИИ НУЖДАЮТСЯ В ВАШЕЙ ДУХОВНОЙ И МАТЕРИАЛЬНОЙ ПОДДЕРЖКЕ.

ЖЕРТВУЙТЕ!

БЛАГОТВОРИТЕЛЬНЫЙ СЧЕТ: **1609255** во ВНЕШТОРГБАНКЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ, МФО 201865, уч. Н-7 (БАНКИРЫ – ДЕТЯМ).

КОНТАКТНЫЕ ТЕЛЕФОНЫ: 203-60-25, 203-88-32.